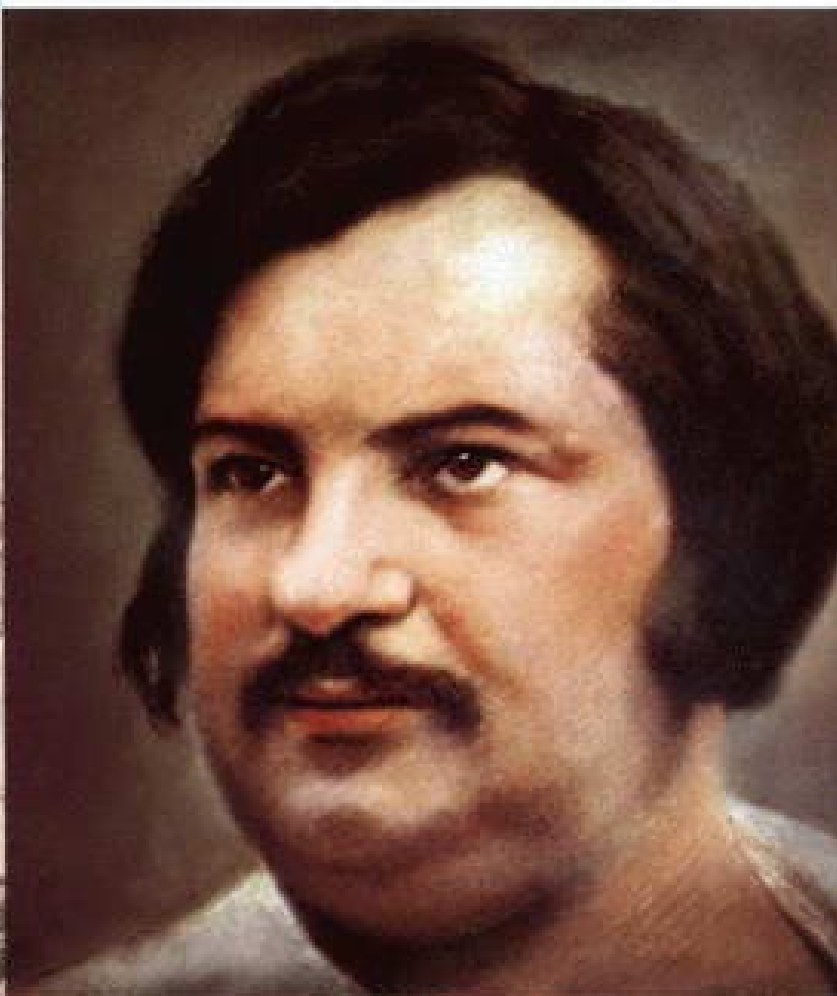

Франсуа Мийяндрье

БАЛЬЗАК

БАЛЬЗАК

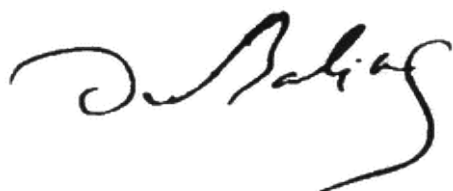
Франсуа
Мийяндрье

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

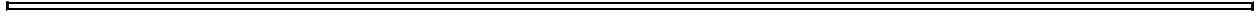
Annotation

В наши дни написать что-нибудь новое о судьбе и творчестве Оноре де Бальзака — задача не из простых. О создателе «Человеческой комедии» написано и издано необозримое множество книг, монографий и эссе. Его жизнь прослежена чуть ли не по дням, и в ней вряд ли стоит ожидать открытий, хотя и можно предположить, что в каких-нибудь частных архивах хранятся документы и письма, содержащие неизвестные до сих пор сведения о писателе. В предлагаемой читателю биографии, написанной современным французским романистом, лаконичный, но последовательный рассказ об основных событиях в жизни писателя удачно сочетается с очерком его творчества и оригинальными суждениями о его месте в истории французской и мировой литературы

- [Франсуа Тайяндье](#)
 -
 - [СИЗИФ ИЛИ ПРОМЕТЕЙ?](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [СЫН ГОСПОДИНА БАЛЬСА](#)
 - [НАЧИНАЮЩИЙ АВТОР](#)
 - [ОНОРЕ СТАНОВИТСЯ БАЛЬЗАКОМ](#)
 - [ОТ «ЕВГЕНИИ ГРАНДЕ» К «ОТЦУ ГОРИО»](#)
 - [ВРЕМЯ «ИНОСТРАНКИ»](#)
 - [НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ](#)
 - [«ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ»](#)
 - [БЛЕСК И НИЩЕТА](#)
 - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)

Франсуа Тайяндье
БАЛЬЗАК

ЖИЗНЬ[®]
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

МАЛАЯ СЕРИЯ
ВЫПУСК
52

«Молодая гвардия», 2013

СИЗИФ ИЛИ ПРОМЕТЕЙ?

Истина, терпкая истина!

Франсуа Жорж Дантон

В наши дни написать что-нибудь новое о судьбе и творчестве Оноре де Бальзака — задача не из простых. О создателе «Человеческой комедии» написано и издано необозримое множество книг, монографий и эссе. Его жизнь прослежена чуть ли не по дням, и в ней вряд ли стоит ожидать открытий, хотя и можно предположить, что в каких-нибудь частных архивах хранятся документы и письма, содержащие неизвестные до сих пор сведения о писателе.

При всём том интерес к личности Бальзака сохраняется как во Франции, так и всюду, где его произведения читают в оригинале или в переводе. Очевидно, что интерес этот питают прежде всего сами книги Бальзака, привлекающие и волнующие вдумчивых читателей, которые хотят лучше узнать, каким человеком был этот удивительный художник.

В предлагаемой читателю биографии Бальзака, написанной современным французским романистом Франсуа Тайяндье, довольно лаконичный, но последовательный рассказ об основных событиях в жизни писателя удачно сочетается с очерком его творчества и оригинальными суждениями о его месте в истории французской и мировой литературы и его значении в наши дни. Последнее особенно важно потому, что Бальзак относится к числу «живых», актуальных классиков. Он, возможно, не столь популярен, как Александр Дюма старший, Достоевский, Чехов или Виктор Гюго (нынешний всплеск интереса к которому был, несомненно, вызван шумным мировым успехом мюзикла «Собор Парижской Богоматери»), но его книги до сих пор увлекают самобытной манерой повествования, сложной интригой и при этом чрезвычайно поучительны, так как помогают лучше понять мир, в котором мы живём, хотя с того времени, когда он их писал, прошло уже более полутора века.

Известно, что полноценное чтение Бальзака требует немалых интеллектуальных усилий и живого воображения, без которых его тексты (как и романы его английского современника Диккенса) могут показаться излишне многословными, а то и попросту скучными. В начале XXI века, когда стремительно растущий поток информации побуждает потребителя

ценить компактные формы её подачи, когда ускоряется темп восприятия произведений всех видов современного искусства, «медленное чтение» становится уделом довольно ограниченного круга читателей. Подавляющее же большинство их знакомятся с содержанием книг таких авторов, как Бальзак, по различным кино-и телеверсиям, всевозможным переложениям, спектаклям «по мотивам», то есть получают их из вторых и третьих рук. Эти посредники между книгами классиков и их потенциальными читателями, заинтересовав последних сюжетами знаменитых шедевров, многим внушают желание узнать поближе их создателей. И в этом им готовы помочь авторы серьёзных, основанных на документах и достоверных свидетельствах, биографий, подобных настоящему изданию. Больше того, такие биографии побуждают читателя обратиться непосредственно к первоисточнику, оригинальным текстам произведений писателя.

Хотя современники Бальзака воспринимали его как человека чрезвычайно оригинального, колоритного, жизнь его внешне не была богата какими-либо чрезвычайными или сенсационными событиями. В книге Тайяндье раскрывается глубокий внутренний драматизм этой жизни, заключающийся в фатальном расхождении между дерзкими творческими устремлениями, грандиозным, не имеющим подобия во всей мировой литературе замыслом, самоотверженным, титаническим трудом писателя ради его исполнения и его же постоянными и почти всегда тщетными усилиями добиться материального благополучия, высокого общественного положения и признания, доступа в «высший свет». Если как художник он, бесспорно, совершил нечто более значительное, чем кто-либо из его собратьев по перу, и ясно это осознавал (невзирая на далеко не восторженное в целом отношение к нему современной критики), то все его проекты и планы в предпринимательстве, в сфере практической политики, в устроении семейной жизни неизменно терпели фиаско. Несмотря на неоднократные попытки стать членом Французской академии, на что он, как ему казалось, был вправе рассчитывать, он так и не был в неё избран. Все его коммерческие проекты оканчивались банкротством. И даже его многолетняя мечта повысить свой социальный статус через брачный союз осуществилась лишь за несколько месяцев до его кончины.

Таким образом, в Бальзаке уживались как бы два разных человека: один был прозорливым художником с громадным творческим потенциалом и мощной волей, другой — обыкновенным честолюбцем, который, подобно некоторым своим персонажам, постоянно силился сделать блестящую карьеру и внушительное состояние.

Внешний облик писателя был далёк от расхожих представлений о том, как должен выглядеть обитатель Парнаса. Он был коренаст, тучен, щербат, неопрятен и неловок. Возможно, ради того, чтобы компенсировать эти свои особенности, он пытался одеваться как денди, невзирая на большие долги, заказывал костюмы у модных парижских портных, постоянно менял перчатки, жилеты, трости (одна из которых, с набалдашником, инкрустированным бирюзой, хранится в парижском доме-музее Бальзака в квартале Пасси), приобретал дорогие экипажи. Но все эти потуги выглядеть светским человеком вызывали у окружающих только смех, писателя воспринимали кем-то вроде «мещанина во дворянстве». Подобное несоответствие реальной внешности большого художника вероятным ожиданиям его ценителей наблюдали современники у нашего Афанасия Фета, особенно в зрелую пору его жизни: вдохновенный лирический поэт в облике заурядного помещика с окладистой бородой («солдат, коннозаводчик, поэт и переводчик» — как он сам себя аттестовал).

Между тем всё это щегольство Бальзака можно считать маскарадом, а настоящим, привычным его облачением был простой домашний халат, похожий на монашеский балахон, в котором он просиживал долгие часы за письменным столом. Не случайно памятник Бальзаку в Париже, созданный Роденом, показывает писателя не в «цивильном» костюме, а именно в таком халате.

Словом, не будет преувеличением сказать, что этот человек вёл двойное существование — зоркого и беспристрастного описателя своего времени и при этом хотя и довольно колоритного, но всё же вполне типичного его героя. И как знать, не проживи Бальзак вместе с жизнью творца эту свою вторую жизнь неудачливого честолюбца, смог бы он создать столь яркие и убедительные образы успешных карьеристов, хитроумных банкиров, предпринимателей-банкротов, светских щеголей, скаредных ростовщиков, крестьян-скопидомов?..

Здесь возможно и другое предположение. Добейся Бальзак большого успеха в коммерции или в политике, сделай он блестящую светскую карьеру, хватило ли бы у него воли долгими часами сидеть над рукописями? И созрел бы его грандиозный замысел? Навряд ли. Вполне вероятно, в подобном случае дарование Бальзака-романиста так и не раскрылось бы. Кто, не считая исследователей старинных дворянских родов России, знал бы сейчас о богатом, образованном и красивом московском барине, настоящем «светском льве» А. В. Сухово-Кобылине, если бы он случайно не попал на полицейско-судейский крючок, не находился бы в течение семи лет под следствием, не был бы дважды

арестован по ложному обвинению в убийстве и едва не угодил на каторгу? Именно благодаря этим его мытарствам наша словесность получила гениального драматурга, чья бессмертная трилогия была начата, когда он сидел в тюрьме и решил от скуки и для отвлечения от тревог написать комедию. И комедия эта, а позднее и две другие пьесы, которые уже вернее будет назвать трагифарсами, стяжали ему всероссийскую славу. Не узнай он на собственном опыте, как именно орудуют вымогатели в служебных мундирах, вряд ли он мог бы оставить нам такое достоверное и впечатляющее свидетельство о нравах блюстителей закона.

Бальзак же и в своём истинном предназначении, на писательском поприще, где он чувствовал себя вполне уверенно, задуманного как будто не совершил. Дело не только в том, что «Человеческая комедия» не была закончена, да и вряд ли исполнение его замысла было по силам одному человеку, даже такому, как он, дерзкому мечтателю и упорному подвижнику. Ясно осознававший значение своего беспримерного труда, Бальзак, как это, увы, нередко случается с гениями, при жизни не завоевал ни должного признания публики, ни достойного коммерческого успеха. Шумная популярность, большие тиражи, успешные театральные постановки и крупные гонорары некоторых его собратьев по перу, конкурентов на литературном рынке, не могли его не удручать. Не то чтобы он завидовал счастливицам, скорее, было уязвлено его чувство справедливости. Особенно раздражал его самый удачливый из соперников в борьбе за читателя и зрителя — Александр Дюма старший — автор, по его мнению, легковесный, трюкач, да и как человек ему крайне неприятный. Между тем эти два столь разных художника слова как личности имели немало общих черт. Тот и другой были большими охотниками до прекрасного пола, хлебосолами, увлекательными собеседниками, франтами и мотами. Оба сорили деньгами, наделали множество долгов и спасались от кредиторов. В зрелом возрасте оба отличались нездоровой тучностью.

Но если романы и пьесы Дюма уже при его жизни шли нарасхват, то Бальзаку приходилось понемногу приучать читателя к своему неспешному слогу и глубокому, многогранному способу отображения реальности. Потому-то в 1844 году издатель Э. Жирарден отказался печатать его роман «Крестьяне», предпочтя ему «Королеву Марго» А. Дюма. Но соперничество двух писателей этим случаем не ограничилось. Можно понять досаду Бальзака, когда он стал свидетелем необычайного успеха романа Дюма «Граф Монте-Кристо». Ведь он сам подумывал о том, чтобы написать роман на сюжет одного реального уголовного дела о мести.

Парижский сапожник Франсуа Пико жестоко отомстил своим бывшим приятелям, из-за доноса которых он лишился невесты и свободы. Эта история, изложенная в записках Жака Пеше «Из архивов Парижской полиции», и подсказала Александру Дюма основную интригу его знаменитой книги. Романтизируя до предела уже сам по себе довольно любопытный сюжет уголовного дела, повысив социальный статус основных действующих лиц, поменяв и расширив географию событий, гиперболизируя размеры богатства, обретённого главным героем, и придав его актам мести утончённый характер, автор написал роман, который полтора столетия с увлечением читают едва ли не во всём мире. И здесь Бальзака опередил более расторопный конкурент, который к тому же гораздо лучше его улавливал настроения и запросы массового читателя.

Но и профессиональная критика была строга к Бальзаку. Ф. Тайяндье полагает, что отчасти это объяснялось укоренившейся в литературной среде презумпцией, согласно которой автор, пишущий много и скоро, заведомо не может писать хорошо.

Словом, Бальзаку не удавалось вполне угодить ни простому читателю, ни учёным литераторам, и только некоторые из собратьев по перу, например Виктор Гюго и Теофиль Готье, по достоинству оценили его творчество ещё при его жизни.

Всё это побуждает Ф. Тайяндье уподобить великого романиста персонажу греческой мифологии Сизифу, который по приговору богов был вынужден в подземном мире вечно вкатывать на вершину горы тяжёлый камень, всякий раз оттуда скатывавшийся вниз. Правомерно ли такое уподобление? Если речь идёт о частной жизни писателя, то с ним можно согласиться. Действительно, все усилия Бальзака добиться жизненного успеха, как он понимался в его время, оказывались безрезультатными, и ему приходилось предпринимать всё новые и новые и всегда тщетные попытки. Но что касается главного дела его жизни, его «Человеческой комедии», то здесь, пожалуй, больше подходит сравнение её автора с другим мифологическим персонажем — Прометеем, к которому прибег французский писатель Андре Моруа. Если Прометей похитил у богов с Олимпа огонь и передал его людям, то Бальзак высветил для современников и потомков не замечаемую ими сущность многих закономерностей их существования, зорко подмечая их и ничего не утаивая, показал, по его собственному выражению, «изнанку современной истории».

В 90-е годы прошлого века в тех регионах земли, где живёт так называемый «золотой миллиард», где сложилось «постиндустриальное»

или «информационное» общество, а вернее сказать, «общество потребления», среди его идеологов получили довольно широкое хождение теории, согласно которым человечеству, по крайней мере самой передовой его части, удалось наконец решить главные проблемы бытия, из-за которых вся его история была, по горькому, но меткому сравнению нашего поэта, «историей болезни». Якобы основные общественные противоречия практически сведены на нет, вечный антагонизм между властью имущими и простым народом, между богатыми и бедными ушёл в прошлое, демократические институты процветают, любому индивиду гарантировано свободное развитие личности и т. п. Это подобие идеологической эйфории было порождено и ощущением «победы», одержанной почти в полувековой «холодной войне» с противником, выбравшим иной путь в будущее, и небывалыми прежде возможностями контроля над сознанием, психикой и поведением людей, которые дают нынешним хозяевам жизни новейшие информационные технологии. Некоторые западные теоретики, например известный американский политолог Фрэнсис Фукуяма, полагали даже, что в результате глобального триумфа либеральной демократии наступил «конец истории» в привычном понимании этого слова, то есть непрерывного хождения человечества по мукам. У этой доктрины нашлось немало адептов и в России, особенно в среде тех, кто извлёк ощутимую выгоду из произошедших в стране перемен.

Если согласиться с тем, что человечество, пусть даже не всё, а самая благополучная его часть, действительно покончило со своим беспокойным прошлым и пожинает золотые плоды постиндустриального развития, то и сама история этого прошлого, все свидетельства о нём теряют для нас актуальность, сохраняя разве что эстетический или познавательный интерес, подобно памятникам далёкой древности или Средневековья. Например, нам нередко внушают, что ужасы эпохи первоначального накопления капитала сегодня — такой же полузабытый реликт, как паровая машина или газовое освещение, а потому, скажем, в романах Диккенса или Золя если и есть что-либо достойное внимания современного читателя, то вовсе не картины беспросветной жизни обездоленных, а занимательные сюжеты. Современные визуальные искусства на Западе (главным образом кино, телевидение и театр), инсценируя литературную классику, обычно обходят самые острые углы, смягчают или просто вымарывают «проклятые вопросы», присутствующие в произведении, ограничиваясь, как правило, либо мелодраматическими «костюмными версиями» для массового зрителя, либо натужными и в большинстве случаев крайне убогими и скучными «новыми прочтениями» — для потребителя, искущённого в

новейших веяниях.

Тем не менее множество людей в наше время, не довольствуясь подобными интерпретациями произведений авторов, подобных Бальзаку, обращаются непосредственно к первоисточнику и читают их книги не для препровождения досуга, а потому, что находят в них зоркие и поучительные наблюдения, позволяющие лучше понять и некоторые свойства психики человека, и порочную сущность того строя жизни, при котором всё решают деньги и который, вопреки всем заклинаниям идеологов нового мирового порядка о торжестве демократии, вовсе не ушёл в прошлое, а, напротив, подчиняет себе всё большее число жителей земли. И подчинение это становится всё более изощрённым и беспощадным, приближаясь к тотальному контролю над душами и телами людей, становясь гораздо более эффективным способом порабощения, чем все известные прежде.

Читая Бальзака, мы не только можем увидеть, как происходил генезис этого строя, но и убеждаемся в том, что нынешняя его экспансия приобрела размах и силу, которые были ещё неведомы в первой половине позапрошлого века. Зависимость земной участи индивида от того, «сколько он стоит» в твёрдой валюте, стала ещё более полной и безусловной, поклонение золотому тельцу гораздо более массовым и фанатичным, чем когда-либо прежде. Концентрация финансового капитала достигла такой степени, на фоне которой бальзаковский сверхбогач барон де Нусинген вряд ли попал бы в первую сотню списка миллиардеров журнала «Форбс». Повальная эрозия всех нравственных ориентиров повсеместно и непрерывно плодит таких персонажей, рядом с которыми зловещий Вотрен кажется мелким и почти безобидным интриганом, а циничный Растиньак в сравнении с некоторыми нынешними публичными фигурами — рубахой-парнем. Многие прежние, соблюдавшиеся веками табу и нравственные ограничения, которые при Бальзаке только начинали ослабевать, в наши дни в самых «цивилизованных» обществах объявляются пережитками архаического сознания. Бальзак при всей смелости его фантазии вряд ли мог предположить, что в его отечестве когда-то будут узаконены однополые брачные союзы, а слова «мать» и «отец» заменены в официальных документах терминами «первый» и «второй» родители. И едва ли он, так много думавший о разумном хозяйствовании на земле и бережном к ней отношении, мог предвидеть торжество бездумного потребительски-хищнического подхода к использованию ресурсов природы, который ставит под вопрос возможность выживания самого рода человеческого. Но он, несомненно, чувствовал, что ветер дует именно в эту сторону, ибо

набиравший силу класс тугих кошельков уже тогда, следуя высшему для него императиву денежной выгоды, проявлял склонность под лозунгами свободы, равенства и братства топить, по выражению младших современников писателя К. Маркса и Ф. Энгельса, в «ледяной воде эгоистического расчёта» все прежние, освящённые веками нормы жизни, традиции, духовные устои, рвать все межличностные связи.

Вероятно, именно глубокое постижение Бальзаком зрелой поры этой коренной сути новых общественных отношений было причиной его граничившего с презрением стойкого недоверия к нарождавшимся институтам буржуазной демократии — парламентаризму, «независимому» суду, «свободной прессе». Его едкие суждения о последней, пусть даже и мотивированные в немалой степени тем, что она не особенно его жаловала, сегодня звучат особенно злободневно и убедительно в применении к нынешним СМИ.

Но «Человеческая комедия» — это не только достоверная летопись одной исторической эпохи — той, которая продолжается и, возможно, близится к своему завершению в наши дни. Это ещё и богатейшая коллекция ярких типов, характеров, темпераментов с качествами, присущими самой природе человека независимо от времени и места его земного странствия. И потому нам особенно интересен её создатель, этот Прометей с простонародной внешностью, неуёмным честолубием, юношеской пылкостью чувств, необычайной наблюдательностью, редчайшей способностью проникновения в суть вещей и явлений и беспримерной творческой дерзостью.

Владислав Зайцев

*

*Творить, непрерывно творить.
Сам Бог творил только шесть дней!*

Из письма Бальзака Э. Ганской. 29 апреля 1842 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

На кладбище Пер-Лашез деревья сильно разрослись, и когда поднимаешься к могиле Бальзака, расположенной на обочине крутого участка дороги на Монлуи, то уже не видишь той панорамы столицы, которой любовался молодой Эжен де Растиньяк, как это описано на последней странице романа «Отец Горио».

Надгробие скромное: копия бронзового бюста работы Давида д'Анже, которым Бальзак гордился. Напротив покоится Жерар де Нерваль, а справа — некий А. Базен, скончавшийся 23 августа 1850 года, через пять дней после Бальзака.

Неподалёку — могилы писателя Нодье, живописца Делакруа, скульптора Бари, основателя журнала «Ревю де дё монд» Франсуа Бюлоза, историка Мишле, Казимира Делавиня, считавшегося в своё время крупным драматургом; выше — могила Фредерика Сулье, который прославился своими романами для массового читателя и имя которого теперь с трудом можно прочитать на надгробном камне.

А вокруг — всё больше графини да генералы, промышленники и министры, чиновники, буржуа — надписи, даты, бюсты. Словом, здесь Оноре де Бальзак в кругу своих персонажей. Мы бы не удивились, случайно увидев на каменных плитах имена барона Нусингена или госпожи Дервиль, Анастаси де Ресто или Анри де Марсе.

Рассказ о жизни Бальзака — это рассказ о том, как человеку провинциального и скромного происхождения (частица «де» в его фамилии не даёт оснований для каких-либо иллюзий в этом отношении) удалось в своих многочисленных ярких и глубоких романах создать целый мир, отразить целую эпоху. Рассказ о том титаническом вызове, который бросил своему времени — и самому себе — импульсивный и мощный творец, мечтавший о славе и преследуемый долгами, любовник и влюблённый, одновременно избалованный и наивный. О двадцатилетней битве, к концу которой он рухнул как подкошенный, чтобы уже не подняться, и, возможно, полагая, что не достиг цели, между тем как был близок к победе.

Роман есть изобретение Европы и Нового времени. Став в XX веке доминирующим жанром, основным вектором литературной глобализации как в лучшем, так и в худшем из того, что она несёт с собой, восприняв в силу своей исключительной пластичности всё многообразие опытов, культур, эстетических установок, он никогда не терял из виду нескольких

своих великих основоположников, имена которых воспринимаются как вехи и как предмет необходимых ссылок. Подобно тому, как география континента воплощается в нескольких важнейших пунктах, имеющих символическое значение — Парфенон и Шартрский собор, Рим и Москва, Геркулесовы столбы, — роман определяют несколько фигур, статуй, присутствие которых очерчивает его пространство.

Сервантес в Испании, Дефо в Англии, Гёте в Германии, Гоголь в России предстают великими творцами, которым наследовали все романисты. Можно пойти дальше или в сторону от них, но их невозможно игнорировать. Те, что в XX веке торили новые эстетические пути — Кафка, Фолкнер или Селин, — знали, что связаны с предшественниками.

Конечно, романы существовали и до появления этих светочей. Античность оставила нам имена и произведения Петрония, Апулея, Лукиана. Можно назвать и средневековые романы, например сочинения Кретьена де Труа, да и сам Дон Кихот был увлечённым читателем романов. Но «Золотой осёл» и «Правдивая история» не могут считаться выражением своего времени, а рассказы о рыцарях Круглого стола и так называемые рыцарские романы суть не что иное, как письменное изложение в прозе легенд, источник которых имеет более раннее и иноземное происхождение.

Роман как таковой со своим собственным миром и своими правилами, роман, возникший как «третье сословие в литературе» и последовательно утверждавший себя рядом с благородными жанрами — трагедией, эпикой, лирической поэзией, — существует со времён «Дон Кихота», «Робинзона Крузо», «Вильгельма Мейстера».

Оноре де Бальзак относится к числу этих «открывателей». Из всех французских романистов, когда представляешь себе их место в мировом пантеоне, прежде всего приходит на ум его имя.

Иллюстрация Г. Доре к «Озорным рассказам»

Факт этот тем более примечателен, что хронологически Бальзак не был первым французским романистом. До него были Рабле, мадам де Лафайет, Скаррон, Мариво, Прево и многие другие. Но он был первым, кто стал известен всей Европе, кого читали все и повсюду. Для громадного

множества читателей всех возрастов и всякого рода и звания Бальзак есть синоним романа.

Такое отождествление литературного жанра с одним человеком в данном случае происходит по двум причинам.

Первая из них состоит в том, что Бальзак мощно утверждает модель романа, призванную иметь долгое потомство. Роман как картина общества (чего не было ни у Рабле, ни у Дидро, ни у Гете) — это во многих отношениях изобретение Бальзака. Не то чтобы оно появилось из ничего, у Бальзака не было предшественников, но именно он осуществил этот выбор во всей полноте со всеми его последствиями. Он был первым, кто выбрал сюжетом — и не только в качестве фона событий — денежные дела, коммерцию, наследство. По предварительным и второстепенным данным мы можем предположить, что маркиза де Мертей — дама состоятельная, и, казалось бы, — что из того? У Бальзака это становится сюжетом. И если одному из её воздыхателей нечем заплатить за фиакр, чтобы её навестить, то это тоже сюжет. Автор поставил себе задачу средствами романа развернуть перед читателем картину всего общества со всеми составляющими его классами, движущими им механизмами, законами, которые им управляют. До Бальзака такого замысла мы ни у кого не находим.

Вторая причина отождествления жанра с одним из его представителей состоит в том, что Бальзак оказался тем писателем, чьё творчество больше, чем какое-либо другое, способствовало становлению романа как *большого жанра*. До него он был жанром второстепенным, к которому порою относились пренебрежительно. Романы читали для развлечения, едва ли не стыдясь этого. Сами авторы не особенно их ценили. Наши великие писатели — Вольтер, Дидро, Монтескье, Руссо — обращались к роману эпизодически и как к побочному роду творчества. То же самое можно сказать и о Гёте. Вольтер полагал, что славу его упрочат трагедии. Для Дидро «Монахиня» и «Жак-фаталист» были всего лишь способом отвлечься и при его жизни были известны лишь небольшому числу читателей.

Когда Бальзак начинал свою литературную карьеру, этот остракизм в отношении романа всё ещё сохранялся. Большое количество романов «потреблялось» массовым читателем, но учёная публика смотрела на это явление свысока. В качестве свидетельства такого положения можно привести сугубо французскую, но очень показательную закономерность: ни один из великих романистов XIX века — ни Бальзак, ни Стендаль, ни Флобер, ни Золя — не был членом Французской академии. Академиком

был Гюго, но его избрали как драматурга. Из романов им тогда был написан только «Собор Парижской Богоматери». Самой идеей «Человеческой комедии», её гигантским размахом, многократно объявленным замыслом показать общество и его движущие силы Бальзак, можно сказать, заставил критику и читателей по-новому взглянуть на возможности романа.

Эпоха романтизма любила создавать мифологические образы великих творцов. Гомер был слепым, Данте спускался в Преисподнюю, Сервантес потерял руку, Тассо подвергся тюремному заключению. У Вольтера была его улыбка, та самая, которую Мюссе назвал «жуткой» (Бальзак сравнил ростовщика Гобсека со статуей Вольтера в Пале-Рояле). Такой же романтический приём щедро распространялся и на современников. У Шатобриана растрёпанные волосы, Байрон умер в Миссолонги, сражаясь за свободу Греции. Гюго осознанно эксплуатировал свой образ поэта-изгнанника, пророка, чей голос разносился над скалами Гернси.

Существует и легендарный образ Бальзака. Это обременённый долгами человек, все сочинения которого повествуют о деньгах. Это Вулкан, в поте лица работающий в своей кузнице, поглощая кофе литрами и выковывая десятки романов — «Евгения Гранде», «Утраченные иллюзии», «Баламутка», «Цезарь Биротто», «Кузина Бетта», «Отец Горио», «Блеск и нищета куртизанок»... — вместе составляющих один роман. Уже при его жизни стал знаменитым монашеский балахон, в который он облачался, садясь за работу. Можно не прочитать ни страницы из Бальзака, но знать этого довольно тучного мужчину с решительным взглядом, лбом, рассечённым единственной складкой, в рубашке с раскрытым воротом, рукой на груди, — каким увековечил его фотограф-современник. Можно, не читав его, узнать эту коренастую, кряжистую фигуру, созданную гением Родена уже после смерти писателя.

За этим простым и широко известным образом, равно как и за расхожими представлениями о его творчестве скрывается, однако, немало парадоксов.

Его считают романистом из романистов, а он предпочитал называть свои произведения «сценами», «этюдами», «физиологическими очерками». Он обожал Рабле, но чаще сравнивал себя с Бюффеном. Этот великолепный рассказчик историй желал прослыть мыслителем, моралистом, историком, социологом — если бы в его время существовал этот термин.

Несомненно, он был отцом-основателем реализма, но Бодлер, которым он восхищался, видел в нём прежде всего «визионера». Предтеча натурализма, Бальзак в своих «Философских этюдах», которые он так

высоко ставил, показал себя удивительным мастером воображения. К тому же он верил в магнетизм, телепатию, в материальность силы воли, в распознавание характера по чертам лица — во все эти странные учения, унаследованные от века Просвещения, который был и веком графа Калиостро... Бальзак не был чужд и спиритизму. Этому можно не придавать значения, но нельзя упускать из виду, что в его творчестве эта особенность была одной из основополагающих. «Серафиту» он считал своим шедевром.

Его беспощадная критика общества, в котором правят деньги, вызывает восхищение. По этому поводу часто цитируют Энгельса, сказавшего, что из произведений Бальзака он почерпнул больше, чем из многих экономических трактатов. Но яростный обличитель буржуазной (или аристократической) посредственности и эгоизма был кем угодно, только не революционером. Он верил только в абсолютную монархию и католическую религию. Революция 1848 года привела его в отчаяние.

Бальзака ставят очень высоко в литературном пантеоне, но он был литературным подёнщиком, который хотел на этом деле разбогатеть, прямым конкурентом Александра Дюма и Эжена Сю. Он надеялся, что когда-нибудь сможет уйти на покой и жить на ренту. Постав Флобер был убеждён, что Бальзак писал плохо: «Каким человеком был бы Бальзак, если бы умел писать!» Нелепое замечание: Бальзак со стилевыми изысками Флобера уже не был бы Бальзаком. Всё дело в том, что он писал свои тексты на полном ходу и правил их в большой спешке. Ему неизбежно приходилось отправлять их в печать неотделанными.

Следует также отметить, что части, составляющие произведение, которое он увенчал великолепным горделивым названием, как бы отозвавшись им спустя 500 лет на шедевр Данте, известны читающей публике далеко не в равной мере. «Евгения Гранде» и «Отец Горио» считаются классикой, их изучают в школе, но гораздо меньшее число читателей близко знакомо с «Музой департамента», «Гамбарой», «Пьером Грассу» или «Сельским священником», «Модестой Миньон» или «Тайнами княгини де Кадиньян»... У Бальзака есть недооценённые шедевры, закопанные сокровища. Современные издания обходятся без его «Озорных рассказов», в которых он видел выражение раблезианских черт своего творчества, грубоватый контрапункт запечатлённым в нём возвышенным моральным и политическим воззрениям. Эта пародия, изобилующая словами и выражениями XVI столетия, пожалуй, способна разочаровать читателя, но совсем не принимать её во внимание — значит отказываться услышать часть того, что хотел сказать нам писатель.

Таковы некоторые из парадоксов, которые ожидают читателя Бальзака. Но источник его невероятной творческой энергии находится за ними. Чтобы постигнуть уникальность Бальзака, через них надо пройти. Его личность, творчество и его глубокая эволюция составляют гегелевскую диалектическую триаду.

В век Наполеона, прожившего на год больше Бальзака, писатель был одним из тех творцов, что вынашивали грандиозные замыслы в разных сферах деятельности. Бальзак хотел всего. Он мечтал не только о литературном успехе, но и о политической карьере, путь к которой, как он полагал, мог бы ему открыть этот успех. Он намеревался стать одним из воротил прессы, которую, впрочем, презирал. Он рассчитывал на театральные триумфы, каковые так и не случились. Он хотел денег, роскоши, женщин — желательно титулованных.

Его творчество несёт на себе следы исступлённых, иногда противоречивых амбиций. Он добивался признания учёных мужей, обрушивался на критиков, которые его недооценивали. Но при этом искал и широкой популярности. Он с некоторым педантизмом цитировал Кювье и Жоффруа Сент-Илера и тем не менее надеялся на большие тиражи в массовой прессе. Он придумывал для своих ярких персонажей сложные интриги, разыгрывал с ними увлекательные сюжеты, и он же знал толк в вопросах экономики, политики, права. Он проповедовал современникам нравственные начала. А те посмеивались над романистом, который обличает скверное управление общественными финансами, скрываясь при этом от судебных исполнителей. Его самомнение было поразительным. Сочиняя «Сельского священника», он верил, что пишет евангелие своего времени. Он стремился писать так, чтобы запечатлеть и красоты природы, и технологию производства бумаги, вечные истины и качество ткани для портьер.

Он желал видеть себя философом. На этой почве он стоял не очень твёрдо. Его изречения кажутся странными, рассуждения — любопытными. Его спиритуализм невнятен. Мысль его едва поспевала за пером, он не замечал, что повторяется или противоречит тому, что писал прежде. В «Брачном договоре» он излагает такие суждения о женщинах, которые в наши дни вызвали бы демонстрации протестующих феминисток. Но кто из романистов понял положение женщины лучше, чем он в «Воспоминаниях молодых жён»?

У него не хватало времени на обдумывание того, что он писал. Его подгоняли отсутствие денег, сроки выхода газет, торопили владельцы типографий. В итоге — около сотни романов с двумя с половиной

тысячами персонажей. И это только «Человеческая комедия». Прибавим сюда письма и то, что принято называть «мелкими сочинениями» (статьи, памфлеты, юношеские произведения), и количество текстов удваивается. А он ещё находил время для путешествий, для переездов с квартиры на квартиру — подальше от кредиторов — и на интимные отношения с женщинами. Конечно, у него была одна дама сердца, госпожа Ганская, но она жила на другом конце Европы... Он, как влюблённый школяр, писал ей прочувствованные письма, деля в это время ложе со своей служанкой, некой Бреньё.

Он умер в 51 год, и, можно сказать, это была смерть от истощения. Он успел дожить до исполнения своей мечты — жить в особняке, ездить в собственной карете, сидя рядом с настоящей польской аристократкой. Он обставил семейное гнёздышко на улице Фортюне старинной мебелью, приобретённой у антикваров. Увидев этот хлам, которым он так простодушно гордился, она громко выразила своё негодование. Человек, который с необычайной зоркостью описывал нравы эпохи, в своих мечтах был похож на заурядного парвеню. Этот поддельный дворянин был подлинным рыцарем предпринимательства. Автор «Цезаря Биротто» сам оказался банкротом. Словом, Бальзак — это один из персонажей Бальзака.

Оскар Уайльд полагал, что жизнь подражает искусству, а не наоборот. Это глубокая мысль. Мы видим лишь то, что нас научили видеть художники, и в мире остаётся только то, что они нам показали. Фландрия XVI века навсегда останется страной, которую изобразил на своих картинах Брейгель. Французское общество времён Реставрации и Луи Филиппа для нас не что иное, как то, что мы знаем о нём от Бальзака.

Но и здесь — какие парадоксы! Одному из своих почитателей, который восторгался его тонкими наблюдениями над общественными явлениями, он сказал, что ничего не наблюдал, у него на это не было времени, так как он провёл всю свою жизнь взаперти, за письменным столом. Он был убеждён, что наделён даром острейшей интуиции, которая открывает ему тайны вещей и явлений. Вероятно, в этом он был прав. За годы своей недолгой и заполненной до краёв жизни Бальзак подмечал всё необыкновенно остро. Он не столько изучал общество, сколько воображал его, но это воображение было точным.

СЫН ГОСПОДИНА БАЛЬСА

Город Тур на Луаре представляет самую типичную Францию. Собор, мост через реку, старые дома из белого камня — мягкого известняка, который легко обтёсывается и быстро выветривается, старые улочки, где до сих пор сохранились средневековые фахверковые дома с голубятнями. Среди знаменитостей можно упомянуть третьего епископа Тура — известного святого Мартина, того самого, который разорвал свой плащ надвое, чтобы помочь страждущему от холода бедняку, а также нашего первого историка Григория Турского, автора «Истории франков» («Historia francorum»).

В окрестностях города по берегам Луары тянутся виноградники. Вдоль этой величавой, с виду тихой, а в действительности своенравной и опасной реки, на которой, тем не менее, вплоть до конца XIX века процветало коммерческое судоходство, короли из династии Капетингов строили свои резиденции в Блуа, Шамборе и других местах. Король Людовик XI любил резиденцию Плесси близ Тура, там, где начинается действие знаменитого романа Вальтера Скотта «Квентин Дорвард». Франциск I, монарх, который придал французскому языку статус официального языка королевства, издал указ, согласно которому один экземпляр всякого печатного издания в обязательном порядке следовало предоставлять властям, и учредил государственную типографию, любил охотиться в тех местах и встречаться со «своими» горожанами, «своими» лавочниками и ремесленниками — со своим народом. В долине Луары родились Рабле, Ронсар, Дюбелле — великие писатели, которые в XVI веке «отстаивали и прославляли» французский язык.

Бальзак родился в городе Туре 20 мая 1799 года. Итак, по рождению он провинциал, туренец, и этот факт имеет решающее значение. Всё его творчество наполнено образами французской провинции, особенно Турени, куда он часто наезжал и где развиваются сюжеты нескольких его романов («Турский священник», «Прославленный Годиссар», «Тридцатилетняя женщина», «Лилия долины»). Он любил описывать её ландшафты, журчание реки, прибрежные туманы, леса, тихие рощи. Если спуститься вниз по реке, как он это делал, то попадаешь в Сомюр, ещё одно облюбованное королями место. Там происходят события романа «Евгения Гранде». Ещё дальше — край шуанов, и, наконец, при впадении реки в Атлантику — расположен город Геранд, где разыгрывается любовная драма

Беатрисы.

Но семейные корни Бальзака были не только в Турени. Его отец Бернар Франсуа родился в 1746 году в Тарне. Он был сыном крестьянина, которого звали не Бальзаком, а Бальса, о чём в дальнейшем поговорим особо. Этот способный к учёбе, предприимчивый и отважный крестьянин перед Революцией решил искать счастья в столице. И сумел добиться успеха. Сначала он был клерком в нотариальной конторе (профессию нотариуса он прочил своему сыну), потом секретарём стряпчего в Королевском совете. Человек опытный, осторожный, умевший находить покровителей, он без особых затруднений пережил события бурной революционной поры. Поработав некоторое время секретарём военноморского министра, он занялся армейскими поставками.

В этом качестве он и появился в Туре, куда был назначен заведующим снабжением 22-й армейской дивизии. Когда для окончательного подавления выступлений роялистов солдат отправили на запад, господин Бальса (или Бальзак) занимался их обеспечением хлебом и вином. Позднее, проявив себя умелым администратором, он стал заведующим главной городской больницей, а затем — помощником мэра.

В возрасте пятидесяти двух лет он женился на дочери управляющего парижскими богадельнями Анне Шарлотте Лоре Саламбье, миловидной девятнадцатилетней девушке, воспитанной в почтенных буржуазных правилах. В 1797 году, сразу после свадьбы, молодые обосновались в Туре.

Их первенец, родившийся в 1798 году, прожил всего месяц. Год спустя на свет появился Оноре, в сентябре 1800 года — его сестра Лора, в апреле 1802 года родилась его вторая сестра — Лоране.

Причина смерти младенца Луи Даниэля, по-видимому, была связана с недостатком материнского молока. Поэтому Оноре и его сестра Лора первые годы жизни провели в деревне у кормилицы. Но было ли это единственной причиной удаления детей от родителей? Вряд ли. Чета Бальзаков, похоже, была не слишком склонна изо дня в день заниматься своими малышами. В результате между братом и сестрой, оказавшимися в чужом семействе, главный интерес которого был сугубо денежный, возникла глубокая взаимная привязанность, которая сохранялась на протяжении всей их жизни. Подростком и юношей Бальзак был убеждён, что единственное на свете существо, которое понимает и любит его, — это сестра, с которой он делил свои детские радости и огорчения. Она же всегда его защищала. Они поверяли друг другу свои тайны. В «Стении», одной из своих первых проб в жанре романа, он изобразил вспыхнувшую между братом и его «молочной» сестрой нежность, столь пылкую, что брат

сильно ревновал её, когда она вышла замуж.

В 1856 году Лора Бальзак, ставшая госпожой Сюрвиль, опубликовала свои воспоминания о брате. Они интересны, несмотря на то, что семейные и сестринские чувства побудили её завуалировать некоторые стороны его жизни, в частности, относящиеся к любовным похождениям. По тому, как она описала своего отца, можно не сомневаться, что характером и наклонностями писатель пошёл в Бернара Франсуа Бальзака.

Отец был сильной личностью. Это был мужчина с большой круглой головой, спокойным и уверенным выражением лица, компетентный, добившийся успеха служащий. К тому же он интересовался всем на свете, любил узнавать что-нибудь новое и выступать перед публикой. Профессиональная карьера обогатила его немалым житейским опытом. Он много читал, особенно Монтеня и Рабле. Как и многие французы его поколения и положения, он был вольтерьянцем. Однако после Реставрации 1815 года взгляды его начали меняться, ради карьеры он стал выдавать себя за доброго католика. Многим персонажам Бальзака присущ этот осторожный политический скептицизм как неизбежное следствие частой смены режимов.

Господин Бальзак был к тому же большим оригиналом, человеком со своими идеями. Он проповедовал теории, касающиеся долгожительства, — это был его любимый конёк. Он похвалялся при сыне, что продолжает охотиться за субретками у себя в Вильпаризи. Будучи опытным и усердным чиновником, он опубликовал несколько брошюр на различные темы, вызвавшие общественный интерес, например «Природу гнева», где описывались способы борьбы с этим пороком. Он занимался проблемой социальной реабилитации тех, кто отбыл тюремное заключение, предлагал создать специальные мастерские, где бывшие заключённые могли бы работать и тем содержать себя.

Мечтая составить состояние, он ввязался в авантюру «сберегательного союза Лафарж». Это была система финансовой взаимопомощи, при которой основные доходы в виде пенсий доставались вкладчикам, доживавшим до преклонных лет, — за счёт тех партнёров, кто имел несчастье скончаться раньше... Схема представлялась идеальной для того, кто не сомневался, что доживёт до ста лет. Но что бы там ни писала по этому поводу милейшая Лора Сюрвиль, господин Бальзак, который скончался в 1829 году в возрасте восьмидесяти трёх лет, по-видимому, вложил в эту аферу больше денег, чем в итоге получил от неё.

Его интерес к общественным проблемам, отличная память, увлечения и фантазии, склонность к обобщениям не были лишены некоторой

наивности, проявления которой мы находим и у его сына. Они не «объясняют» творчество писателя, но характеризуют его отношение к окружающему миру и его самого как человека.

Как уже упоминалось, настоящая фамилия Бернара Франсуа была Бальса, но он посчитал более звучным название одной из деревень в его родных местах — Бальзак, а после Революции скромно прибавил к своей новой фамилии частицу «де». Сын его в посвянительных надписях гордо употреблял её и даже претендовал на принадлежность к дворянскому роду Бальзак д'Энтраг, к тому времени уже угасшему. Впрочем, в парижских салонах никто никогда не обманывался насчёт дворянского происхождения Оноре де Бальзака.

Этот переход от Бальса к Бальзаку, а потом к де Бальзаку оставил по себе заметный след. Перечитаем первые страницы «Евгении Гранде»:

«Со времени его назначения председателем суда первой инстанции в Сомюре этот молодой человек добавил к фамилии Крюшо слова “де Бонфон” и вёл дело к тому, чтобы де Бонфон возобладал над Крюшо. Ради этого он подписывался “К. де Бонфон”. Мало осведомлённый проситель, который при посещении имел неосторожность назвать его господином Крюшо, очень скоро убеждался в своём промахе». Таковы французы: гордясь тем, что они совершили Революцию, они упрямо мечтают себя облагородить. Но, возможно, это ещё один из способов добиться равноправия...

Лора Сюрвиль в своих мемуарах о госпоже де Бальзак пишет довольно уклончиво. Эта очаровательная и кокетливая юная особа, которая, очевидно, быстро покорила сердце пятидесятилетнего мужчины, кажется, без особой охоты входила в роль матери. Оноре и его сестры почти не знали простых радостей семейного очага. Даже вернувшись от кормилицы, они жили между родителями, больше озабоченными своими светскими и служебными делами, нежели общением с детьми. Госпожа (де) Бальзак была с ними требовательна и строга. Её приступы веселья и нежности были такими же неожиданными, как проливные дожди, и так же внезапно прекращались.

Более того, в 1807 году, когда Оноре было восемь лет, произошло событие, оставившее в его жизни глубокий след. Его отослали в пансион коллежа ораторийцев в Вандоме, где он пробыл до 1813 года. В том же 1807 году его мать родила сына Анри. С этим связана одна семейная тайна Бальзаков, которая позднее стала секретом Полишинеля, но Оноре уже тогда о чём-то догадывался и что-то подозревал. Анри был сыном не Бернара Франсуа Бальзака, а одного друга семьи, жившего поблизости в

собственной усадьбе, некоего де Маргона.

Сам Бернар Франсуа по этому поводу не питал никаких иллюзий, но, будучи фаталистом, не подавал виду, что знает правду.

Позднее Оноре де Бальзак бывал в гостях у четы де Маргон, и в их имении Саше, старинном и красивом замке, до сих пор можно видеть уединённую комнату, в которой писатель имел возможность спокойно работать вдали от Парижа и своих кредиторов, глядя на мирные туренские пейзажи.

Но пока что юный Оноре представлял себе, как его мать, пока он тоскует в мрачных стенах коллеги ораторийцев, расточает ласки этому не вовремя родившемуся братишке, который почему-то стал и останется впредь её любимцем. Можно вообразить, каково было подростку в пансионе, вдали от родных, вдали от сестры, с которой он в детстве пережил моменты настоящей нежности, думать, что в это самое время тот, другой, стал центром внимания и заботы... Бальзаку болезненно недоставало материнской любви. И неудивительно, что, повзрослев, он стал искать внимания зрелых женщин, таких, например, как его первая пассия госпожа де Берни или, позднее, герцогиня д'Абрантес. Он с горечью убедился, что не может доверять матери, которую описывал как особу непредсказуемую, «несносную в течение пяти часов подряд и в какой-то момент весёлую и приветливую», неоправданно строгую, холодную и отстранённую. А рядом — молчаливый и, видимо, покори́вшийся своей участи отец.

Этот болезненный конфликт с годами так и не сгладился. Сохранились письма Бальзака матери, в которых он не стесняется говорить ей в крайне резких выражениях всё, что о ней думает: «Ты навсегда останешься курицей, которая снесла яйцо от какого-то пернатого не с птичьего двора...» А вот он пишет в пятидесятилетнем возрасте: «Богу и тебе хорошо известно, что, когда я появился на свет, ты меня не баловала своей нежностью и ласками. И ты правильно сделала, потому что, если бы ты любила меня так, как любила Анри, я наверняка был бы там, где он теперь; и в этом смысле ты мне хорошая мать». Какая едкая ирония судьбы: Анри де Бальзак ничего заметного в своей жизни не совершил. После дальних странствий, в результате которых, как ожидалось, он должен был приобрести состояние, он вернулся во Францию без гроша в кармане в сопровождении какой-то вдовы, на которой женился на острове Маврикий, и её сына. И чтобы ему помочь, госпожа де Бальзак попросила денег у Оноре!

Об этой своей душевной драме Бальзак писал и в письмах госпоже

Ганской: «У меня никогда не было матери... Я никогда не открывал тебе эту свою рану, она была слишком ужасна, её надо видеть, чтобы в неё поверить». Главным разочарованием своего детства и бесконечными вопросами, им порождёнными, романист наделил Феликса де Ванденеса, героя «Лилии долины»: «Какое честолубие я мог задеть своим рождением? Каких физических или моральных страданий стоила мне холодность матери? Выходит, я был дитём долга, чьё рождение состоялось по принуждению, а жизнь стала упрёком?» В «Лилии долины» показано, каким образом то, что поначалу было любовным влечением Феликса к госпоже де Морсоф, превращается в подобие сыновнего чувства. Порою возникает ощущение, что все эротические фантазии Бальзака колеблются между образами матери и любовницы. В романе «Баламутка» выведена мать, немилосердная к своему «хорошему» сыну и весьма снисходительная к другому, негодяю.

Другое глубокое переживание детства было связано у Бальзака с Вандомским коллежем ораторийцев. Заведение это до сих пор существует, и, разумеется, нынешняя его атмосфера не имеет ничего общего с той, что царила там почти два века тому назад. В «Луи Ламбере» Бальзак, основываясь на своих воспоминаниях об этом заведении, довольно точно описал его. Переступившие порог его суровых монастырских зданий оставались там надолго: каникул не полагалось, посещение родными — по особому разрешению, прогулки — по строгому распорядку. Дисциплина была суровой: «Классическая медная линейка с честью исполняла там свою жуткую роль. Некогда изобретённые иезуитами наказания, столь же пагубные для психики, как и для тела, полностью сохранились от старых порядков. По определённым дням воспитанники обязаны были писать письма родным, а также ходить на исповедь. Наши грехи, как и наши чувства, находились под контролем».

Воспитанника Бальзака там знали «крупным пухлощёким, румяным мальчиком, у которого зимой вечно зябли руки и ноги; он был молчун, из него трудно было вытянуть слово». Другой педагог описал Оноре более снисходительно, отметив, что он «был по характеру медлителен, но благодушен и поведения хорошего». В целом — персонаж, вызывающий некоторую жалость.

Известный печальный эпизод в повести «Луи Ламбер», когда герой украдкой пишет «Трактат о воле», который у него по доносу безжалостно конфискует наставник, по уверению Лоры Сюрвиль, произошёл с её братом. У мрачных коллежей-тюрем было, по крайней мере, одно достоинство: они будили у своих узников, юных непризнанных гениев,

воображение и заставляли их мечтать...

Одно можно считать несомненным: в Вандомском коллеже, где замкнутая среда и суровая дисциплина порождали между детьми ссоры, насмешки и насилие, Бальзак прошёл суровую школу.

И ещё одно достоверно установлено: успехами в учёбе он не блистал, тушевался среди сверстников и всех сторонился. Ему в коллеже было плохо. Плохо до такой степени, что в 1813 году его пришлось оттуда срочно забрать домой. Он замкнулся в себе. В наши дни это называют депрессией.

Оноре освободился из Вандомского коллежа не только по причине своего угнетённого психологического состояния. Дело в том, что в 1813 году в семье произошла перемена: Бернар Франсуа Бальзак был переведён в Париж в той же должности управляющего армейскими поставками.

В Париже семья Бальзак поселилась по адресу улица Тампль, 122. Для Оноре испытания с этим переездом не закончились: проучившись ещё год в третьем классе, он оказался в пансионе Лепитр, а затем в частной школе Гансер. Своё среднее образование он без заметных достижений завершил в лицее имени Карла Великого и в 1816 году поступил в Школу прав.

На следующий год он проходил практику в адвокатской конторе Гийоне-Мервиля, которая располагалась в доме 42 по улице Кокильер, а через несколько месяцев стал клерком в этой конторе. Карьера юриста его нисколько не вдохновляла, но принесла драгоценный опыт, позднее так пригодившийся ему как романисту. Нотариус Дервиль, часто появляющийся в «Человеческой комедии», по-видимому, имел прототипом первого нанимателя Бальзака.

Но пока представим себе пятнадцати-шестнадцатилетнего подростка, который открывает Париж после нескольких лет заточения у ораторианцев. Это был совершенно другой мир, на который он смотрел с удивлением и любопытством.

Квартал Марэ в те времена не был таким модным и престижным, каким стал позднее. Когда молодой Виктор Гюго подыскивал недорогое жилище для себя и семьи, он выбрал один из домов на площади Вогезов... Этот ныне реставрированный и чрезвычайно дорогой квартал, сформировавшийся в начале XVII века, во времена юности Бальзака был заселён лавочниками, ремесленниками, чиновниками, мелкими рантье. Студент, потом служащий, Бальзак бродил по большому, тесному, шумному, довольно грязному городу, в котором познакомился с миром мелких семейных и наследственных дел, коммерческих конфликтов, житейских комедий и драм благодаря службе в конторе своего нанимателя-нотариуса.

Париж начала XIX века выглядел далеко не таким, каким мы его знаем в наши дни, — во многих отношениях наследием префекта Османа. Кроме собора Парижской Богоматери, самой старой части Лувра, Пантеона (которому при Реставрации вернули первоначальное название — церковь Святой Женевиевы), построенного при Людовике XIV, и Дома инвалидов, окружённых по большей части трущобами, ни одного из примечательных строений, формирующих облик современного Парижа, ещё не существовало. Город располагался между Большими бульварами на севере и бульварами Госпитальным, Сен-Марсель и Монпарнас вплоть до Дома инвалидов — на юге, на левом берегу Сены. Дальше шли уже предместья.

То, что называлось долиной Гренель, было пустырьём. Вожирар — деревенькой, где в теперешнем одиннадцатом округе жители возделывали огороды. Таких больших магистралей, как бульвар Сен-Мишель или Севастопольский, не существовало. Центр города являл собой хитросплетение тесных, зачастую зловонных улочек, увлекательные картины которых накануне и во время революции оставили нам Ретиф де ла Бретонн и Луи Себастьян Мерсье.

Посреди площади Бастилии возвышался гипсовый слон — остаток монумента, который в годы империи планировали там возвести. Позднее Гюго поместил в чрево этого слона знаменитый эпизод «Отверженных».

С тех пор как по распоряжению Наполеона был прорыт Уркский канал, в Париж стало поступать больше пресной воды. Инженер Сюрвиль, муж Лоры, работал на техническом обслуживании этого канала. Как все великие властители, Наполеон мечтал преобразить столицу и распорядился украсить её монументальными постройками, от которых остались только романтические проекты, на осуществление которых ему не хватило времени, возможно, к счастью для нас. Император успел отметить в Париже несколькими мостами, помеченными буквой «N». Начали строить Триумфальную арку, но только при Реставрации работы по её возведению были ускорены...

Площадь Согласия, уже украшенная великолепными постройками Габриеля, возведёнными при Людовике XIV, была пустырьём. Поговаривали, что тягловый скот тревожно мычал, когда его гнали через то место, где когда-то находилась гильотина, — настолько земля там была пропитана кровью. Елисейские Поля были подобием рощи, где днём народ прогуливался и глазел на странствующих акробатов, но по ночам старался держаться от них подальше: место считалось опасным из-за процветавшей там проституции. Нынешняя авеню Монтеня называлась Алеей вдов, что говорит само за себя.

В 1815 году именно там квартировали русские казаки, оставившие по себе у парижан долгую память.

Здесь совершалась история. В коллеже ораторианцев, разумеется, не было слышно топота солдат на марше и громко оглашаемых победных бюллетеней. Можно не сомневаться, что за семейным столом у Бальзаков обсуждали политические события, так как положение Бернара Франсуа обязывало быть угодным властям, какими бы те ни были. Несчастный и кошмарный поход на Москву стал началом конца империи. Из соседей Франции императорским орлам так и не покорилась Испания, англичане высадились в Португалии. В 1813 году коалиция, образованная Пруссией, Россией, Англией и Австрией, нанесла поражение императору под Лейпцигом. Стало быть, можно его победить? На следующий год, сопротивляясь противнику, который решил покончить с их повелителем, французские войска сражались уже на своей территории: Шампобер, Монмирай, Шато-Тьери... Знатоки военной стратегии утверждают, что никогда прежде военный гений маленького лейтенанта-корсиканца не поднимался до таких высот. Возможно, они правы, но не было никакого смысла жертвовать своими жизнями, и французы это уже понимали. Ещё лучше это понимали француженки, ибо ненасытный людоед, сожравший их братьев и мужей, теперь забирал их детей.

31 марта союзники вошли в столицу. 6 апреля Наполеон отрёкся от трона, и Людовик XVIII, ожидавший исхода событий в Бельгии, вернулся в Париж.

Не прошло и года, как, обманув сторожевые корабли союзников и шпионов, Наполеон бежал с острова Эльба. Высадившись на материке, он был с восторгом встречен тем самым народом, который всего за несколько месяцев до того его освистывал. В его поддержку собирались толпы. Маршал Ней, успевший между делом присягнуть монархии, поменял взгляды и бросился к ногам императора, за что впоследствии заплатил своей жизнью. Король Людовик XVIII бежал, Наполеон снова взял бразды правления в свои руки. Но попытка оказалась тщетной. Сто дней спустя Наполеон был разгромлен при Ватерлоо. Последняя битва Цезаря стоила Европе ещё нескольких тысяч человеческих жизней...

На этот раз Францию решили привести к покорности. Подумывали даже о том, чтобы разделить её надвое, создав на юге отдельное королевство со столицей в Тулузе. На трон прочили герцога Ангулемского, племянника короля.

Союзники вновь окружили Париж. Трудно себе представить, до какой степени это тревожило парижан. Когда-то святая Женевьева, которую

считали покровительницей города, своими молитвами отвела от него орды Аттилы. Никогда прежде на людской памяти Париж не был захвачен врагом! Немного позднее, при Луи Филиппе, в столице были возведены новые укрепления, те самые знаменитые «фортифы», на месте которых в 1960-е годы проложили окружную дорогу.

Такова была обстановка в годы отрочества Оноре де Бальзака. Рухнувшая империя оставила Францию потерпевшей военное поражение и глубоко разделённой четвертью века смуты. Более миллиона французов моложе двадцати лет погибли на полях сражений. Страна была на пороге гражданской войны. Участились случаи сведения счётов, скоротечных судебных процессов. Позднее Дюма поместит в эту беспокойную эпоху завязку своего романа «Граф Монте-Кристо».

То было время «белого» террора, который, впрочем, был не таким массовым, как о нём говорят. Людовик XVIII, проведя значительную часть своей жизни в изгнании, далеко не всегда комфортном, желал спокойствия и стремился по мере возможности умерить реваншистский пыл части своего окружения, начиная с графа Артуа, который вскоре стал королём Карлом X. Людовика XVIII называли эгоистом, посредственностью, человеком осторожным до трусости. Это вполне справедливо, но именно благодаря этим слабостям он оказал услугу Франции, которая в тот момент нуждалась в чём угодно, только не в разгуле страстей. Ему первому удалось установить в стране буржуазный парламентский режим. Тот, кого французы высмеивали и называли «толстым боровом», по крайней мере принёс им мир.

За 25 лет в стране произошло много такого, что было немыслимо при старом режиме. Сыновья ремесленников становились маршалами империи, новыми дворянами, носившими звучные титулы, собранные по всей Европе: герцог Эльхингенский, герцог Отрантский, князь Московский! Крестьяне, прибравшие к рукам национальное имущество, наживали большие состояния. Неведомого происхождения буржуа, приехавшие из своих провинций, голосовали за казнь потомка Людовика Святого. Все те, кто имел веские основания страшиться Реставрации, становились ревностными сторонниками имперской диктатуры. Благодаря ей за какие-нибудь 15 лет французские товары вышли на рынки всей Европы, а армейские поставщики нажили миллионы.

Реорганизовав Францию после революционного лихолетья, создав административные и законодательные институты, которые во многом действуют до сих пор, Наполеон оставил после себя демографически и политически ослабленную страну. Печальный князь Меттерних и

циничный герцог Талейран были одними из тех, кто в течение полувека обеспечивал мир в Европе. Но народная любовь слепа: идолом французов, особенно молодого поколения, всё ещё остаётся Наполеон.

Одиноким и нелюбимым вандомский воспитанник тоже трепетал, вспоминая наполеоновскую эпопею, и, поскольку отныне было уже невозможно добыть славу мечом, мечтал о том, чтобы создать целый мир силой мысли и воображения. Существует свидетельство о раннем возникновении у него честолюбивых замыслов. «Ничто, ничто кроме любви и славы не может заполнить моего большого сердца», — писал он сестре в 1819 году. А 13 лет спустя молодой романист, уже осенённый крылом славы, поверял своей подруге Зюльме Карро: «Есть призвания, которым надо следовать, и что-то неодолимое влечёт меня к славе власти».

Это устремление было свойственно героям его книг, будь то Луи Ламбер, Рафаэль де Валантен, Люсьен де Рюбампре, Эжен де Растиньяк и многие другие.

Мощнейшее социальное потрясение, которое создало почву для появления и выражения подобных устремлений, — потрясение, свершившееся с космической скоростью (сравним: династия Капетингов царствовала в течение семи столетий), пока ещё не затронуло по-настоящему искусство и литературу, которые не сказали нового слова. Оно подспудно вызревало в течение нескольких лет при благословенном и сугубо католическом правлении Людовика XVIII и Карла X в головах ещё совершенно неизвестных молодых людей — Гюго, Делакруа, Жерико, Берлиоза, Дюма, Виньи, Мюссе... И Бальзака.

НАЧИНАЮЩИЙ АВТОР

Ледигьер — это название узкой улочки старого Парижа, которая берёт начало от улицы Сент-Антуан, что рядом с площадью Бастилии, и тянется в направлении Сены, к зданию, которое сейчас является казармой республиканской гвардии, а дальше ведёт к библиотеке Арсенала. На этой улице в мансарде дома 9 в августе 1819 года, вернувшись из Лиль-Адана, где у одного из друзей он проводил отпуск, поселился Оноре де Бальзак.

Получив в начале года звание бакалавра права, молодой человек, которого родители желали видеть нотариусом, объявил о своём намерении заняться литературой. Если верить Лоре Сюрвиль — и здесь опять-таки ничто не мешает ей верить, — это намерение Оноре повергло семью в настоящий шок. Не считая того, что он показал себя жадным читателем, молодой человек не выказывал какого-либо особого предрасположения к литературе. А кроме того, как всем известно, «это же не профессия». И всё же уступил непреклонной решимости сына Бернар Франсуа, так как по натуре был довольно снисходителен, а возможно, ему хотелось посмотреть, что из этой затеи получится. Но он поставил своё условие: у Оноре будет не более двух лет на то, чтобы добиться ощутимого результата.

Госпожа Бальзак занялась практической стороной дела. Оноре хотел жить один, чтобы никто не мешал ему работать. Мать подыскала сыну новое жильё и положила ему крайне скудное денежное пособие, рассчитывая на то, что столь аскетичные условия жизни остудят его фантазии.

Была ещё одна причина такой скарденности. Незадолго перед тем господина Бальзака отправили в отставку, что его совсем не порадовало, так как означало сокращение доходов семьи. Надо было уменьшить и расходы, и поэтому было решено, что семья переедет в Вильпаризи, к юго-востоку от столицы, где будет снимать дом.

Так Оноре вновь оказался один, на сей раз в своей парижской комнате на улице Ледигьер.

Этот образ молодого человека, который в тишине мансарды создаёт гениальные творения или готовится сделать революционные научные открытия, мечтает о славе и любви, а денег у него едва хватает на писчую бумагу и свечи, стал одним из романтических клише. Его прототипом послужил поэт Никола Жильбер, умерший в 1780 году в нищете тридцати лет от роду. Несколько его строк стали знаменитыми:

На жизненном пиру недолго гость унылый
Я задержался и уже уйти готов
Туда, в небытие, и над моей могилой
Поплакать не придёт, наверное, никто.

Позднее его судьба внушила Альфреду де Виньи замысел романа «Стелло». Но этот образ — если не проклятого поэта, то, по крайней мере, бедного и одарённого молодого человека, достоинств которого общество не признаёт, — во многом вышел из романов Бальзака, а там появился потому, что такой была его собственная жизнь.

Подобно тому как в романе «Луи Ламбер» Бальзак собрал свои воспоминания о Вандомском коллеже, «Шагреновая кожа», написанная в тот же период, содержит мотивы, отсылающие ко времени его жизни на улице Ледигьер. Рафаэль де Валантен, сирота без каких-либо средств, в стремлении достигнуть достойного положения рассчитывает только на свой философский гений. Квартал, в котором он поселился, не тот, где жил молодой Бальзак, но его комната — это первая комната Бальзака: «Не было на свете ничего более безобразного, чем эта мансарда со стенами грязно-жёлтого цвета, источавшими запах нищеты... Крыша там то и дело обрушивалась, и через дыры на месте выпавшей черепицы было видно небо...» Неизвестно, попадал ли дождь в чердачную комнату Оноре, но несомненно, что условия существования там были довольно суровые. Стол, стул, узкая кровать, кое-какие предметы обихода, скудные денежные средства, которых хватало только на самое необходимое, — вот чем он вынужден был довольствоваться, если уж сам так решил.

В 20 лет Бальзак был плотным, коренастым юношей с густой тёмной шевелюрой, красивыми чёрными и, как говорили, лучистыми глазами. Замкнутый вандомский подросток превратился в робкого молодого человека, по крайней мере, если верить Лоре Сюрвиль. По её свидетельству, на одном из балов, куда они были приглашены, Оноре решил потанцевать, но упал, чем вызвал смех присутствующих. Не следует сгущать краски, но, вероятно, он считал себя некрасивым и не особенно в себе уверенным, будучи в то же время, разумеется, убеждённым (и здесь одно другого не исключает), что на самом-то деле он человек совершенно незаурядный. Послушаем, как его герой Рафаэль излагает свои юношеские амбиции:

«Я хотел отомстить обществу, я хотел овладеть душами всех женщин, подчинить себе все умы, видеть, как на меня устремляются все взгляды,

когда лакей в дверях салона произносит моё имя... Уже в детские годы я стучал себя пальцем по лбу и говорил, как когда-то Андре Шенье: «Здесь есть кое-что!». Сцена появления в салоне в высшей степени символична: в Париже эпохи романтизма, в этом городе — символе успеха, доступ в салоны был эквивалентом нынешнего появления на телеэкране. Бальзак сам позднее будет пытаться удивить Париж своим именем с частицей *de*, тростью с набалдашником, инкрустированным бирюзой, и экстравагантными нарядами.

«Здесь есть кое-что...» Это ещё надо было доказать. Можно себе представить первое утро Оноре в мансарде, где всё начиналось. Наверняка он составил план действий и режим работы. «По утрам я отправлялся за провизией на день, прибирал комнату. Я был одновременно и хозяином, и слугой, с невероятной гордостью я изображал из себя Диогена», — писал он.

В чём состояла его программа? Сначала — чтение. Уже давно он читал всё, что попадало под руку. Прошедшим летом во время отдыха в Лиль-Адане он из прочитанного составил «Философские заметки», а потом «Заметки о бессмертии души». На досуге он посещал библиотеку Арсенала, расположенную недалеко от улицы Ледигьер. Он читал труды по истории, философии, естественным наукам. Он хотел знать обо всём и всё осмыслить, прежде чем обогатить всемирную библиотеку великолепным творением, которое выйдет из-под его пера.

Отец положил ему срок два года. Сам же он считал, что пройдёт почти десять лет, прежде чем перед ним забрезжит успех.

*

В литературе тех лет главной фигурой был Шатобриан. Этот дворянин из Бретани, побывавший в Америке, переживший в годы Революции изгнание и нищету, поддерживавший с Наполеоном отношения, в которых восхищение уживалось с вызовом, при Реставрации рассчитывал на политическую карьеру дипломата, которая не принесла ему ожидаемой славы. К тому же он полагал, что его, надёжную опору трона и алтаря, не ценят по достоинству Людовик XVIII и его приближённые. Но его литературный авторитет был огромен. «Атала», «Рене», «Мученики» открыли новые горизонты чувствований. «Гений христианства», опубликованный в 1802 году, когда Первый консул намеревался привлечь на свою сторону католическую Францию, имел колоссальный успех.

Революция недооценила древность, силу и укоренённость христианства во Франции. Несмотря на увлечения эпохи Просвещения и антирелигиозные меры Учредительного собрания и Конвента, огромное число французов оставались католиками. Мода на римские древности, которой была отмечена во Франции имперская эпоха, в 1820-е годы прошла, страна вновь осознала себя старой христианкой и заинтересовалась своим Средневековьем. В какой-то мере то была заслуга Шатобриана. Этот почитатель традиций смотрел далеко вперёд. Он знал мир, как, вероятно, никто другой в его время. Он был одним из первых великих путешественников-литераторов, и к нему восходит романтизация экзотики. Его «Путешествие из Парижа в Иерусалим» полно дыханием Греции и Восточного Средиземноморья. «Последний Абенсераж», за которым последовали «Начезы» и «Путешествие в Америку», стали символами десятилетия. Шатобриан выразил чувства эпохи.

Широкая публика увлеклась не только экзотикой, но и историей — дисциплиной, которой политические потрясения придали новую актуальность, у неё возрастал интерес к иностранной литературе. В 1820-е годы французы с энтузиазмом читали лорда Байрона, Вальтера Скотта, Фенимора Купера, Гофмана. Немецкая литература стала особенно популярна после публикации книги госпожи де Сталь «О Германии» (1808—1810).

Эти культурные обмены не были новы: французов в XVI веке манила Испания, во времена Корнеля — Италия, при Вольтере — Англия. Но несомненно, что романтическая эпоха ускорила это движение к открытости внешнему миру. Впервые литература и искусство становились осознанно и явственно европейскими. Появлялись новые переводы Шекспира, Гёте, Данте, Леопарди, Мильтона...

Это явление принималось не всеми. Так, в 1822 году английская театральная труппа приехала в Париж играть Шекспира на английском языке, и это вызвало скандал. Газета «Конститусьонель» возмущалась тем, что французской публике предлагают «иностранную продукцию». И это — в издании прогрессистского толка. Впрочем, не следует забывать, что в те времена прогрессивное тяготело к националистическому, Европа была монархическим интернационалом, пресловутым Священным союзом. Не забудем также, что Англия непочтительно обходилась с Наполеоном во время его пленения на острове Святой Елены, где он встретил свой конец в 1821 году.

Но такая реакция на явление иностранной культуры была скорее исключением, а преобладало всё же любопытство.

В сравнении с теми новыми художественными течениями, что появлялись в других странах, и новыми формами выражения, применявшимися зарубежными писателями, французская литература чувствовала себя отстающей. Когда-то такое не могло прийти в голову, скажем, Расину или Вольтеру. Понятно, что в течение прошедшей четверти века французам было не до поэзии. Произошёл реальный и ощутимый разрыв — о чём говорил позднее молодой Стендаль — между литературной традицией, прямо унаследованной от Великого столетия, и народом, неожиданно вписавшем в мировую историю грандиозную кровавую эпопею.

Не следует, однако, думать — как это делало поколение 1830-х годов, поколение Гюго, де Виньи и Дюма, — что французская литература целиком оставалась в склеротических формах и стилистике, унаследованных от старого режима. «На старый лексикон я надел красный колпак» — вот что в значительной мере составляло смысл эстетики Гюго и его единомышленников. Автор «Од и баллад», в ту пору ещё монархист, был весьма осторожен со стилевыми новациями. Но те авторы, что в 1815 или в 1820 году уже были вполне признаны, чувствовали необходимость эстетического обновления. Дюси в конце предшествующего столетия переводил Шекспира, явно упрощая оригинал, но тем самым показывал, что имеет право на существование и нечто отличное от традиции Расина. Драматурги Казимир Делавинь, Пиксерекур, Непомусен Лемерсье пытались отойти от бесконечного обращения к античным сюжетам, культивируя иные, ранее неизвестные разновидности исторической драмы и трагедии. Однако они в этом не преуспели. Первый из них остался в путах академизма, второй добился триумфа в жанре мелодрамы, сценически успешном, но в литературном отношении посредственном. Во всяком случае, росло понимание того, что поэтические каноны, заданные в эпоху Буало, равно как и тщательно отлаженное литературное обучение, уже недостаточны. Литературе требовалось новое дыхание.

Понемногу оно стало ощущаться. В 1820 году поэтический сборник «Размышления» сделал знаменитым его молодого автора Альфонса де Ламартина. Этого провинциального аристократа литературоведы записали в романтики, что оправдано основными темами его лирики: искренность, любовь к природе, упование на некий смутный абсолют. Но его поэтика синтаксическими инверсиями и стерильными эпитетами отзывалась XVIII веком. Два года спустя вышли первые стихи де Виньи, в которых автор пытался выразить себя суровым языком иной эпохи. В 1826 году вышел его «Сен-Мар», первый французский исторический роман, вернее сказать,

первый роман, в котором через конфликт между феодальным сепаратизмом и бюрократической монархией освещались вопросы исторического значения. Что касается опубликованного в 1823 году эссе Стендаля «Расин и Шекспир», то оно прошло почти незамеченным.

Во второй половине десятилетия молодые новаторы собирались у Шарля Нодье. Родившийся в 1870 году, он остался в истории литературы фигурой второго плана, почти не известной широкой публике. Но в своё время его значение было весьма существенным. Он сыграл роль передаточного звена между английской литературой, представленной Стерном и «чёрными» романами, немецкой литературой эпохи Гёте и Гофмана и молодой французской литературой. В его творчестве элегантно и насмешливо представлены всевозможные вариации фантастического и причудливого. Его эрудиция и любознательность, его свобода духа незаурядны. Вокруг него собирались Виктор Гюго, Дюма, работавший в ту пору секретарём у герцога Орлеанского, а также Готье, де Виньи, Ламартин, Делакруа...

К концу десятилетия эти новые тенденции и новые имена стали известны публике. В течение трёх лет (1829—1831), когда новая революция заменила конституционную монархию на монархию «по божественному праву» и «короля французов» на «короля Франции», это новое поколение заявило о себе целой серией блестящих премьер: «Генрих III и его двор» Александра Дюма; «Эрнани» и «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго; «Красное и чёрное» Стендаля; «Сказки Италии и Франции» Альфреда де Мюссе. Такое количество произведений, знаменовавших выплеск новых эмоций, современного воображения, разнообразия описываемых времён и мест, соединение трагического и смешного, мечты и реальности потрясло самые основы классицизма. Такое же обновление произошло и в музыке с появлением «Фантастической симфонии» Берлиоза, в живописи, где тон задавали Жерико (умер в 1824 году), написавший «Плот Медузы», и Делакруа, получивший широкую известность благодаря своим картинам «Данте и Вергилий в аду» и «Резня на Хиосе».

В 1829 году Бальзак, тогда ещё мало кому известный, опубликовал первое подписанное его именем сочинение, о котором заговорили. Но пока что жизнь его складывалась непросто.

Вернёмся в 1819—1829 годы на улицу Ледигьер. Оноре горячо принялся за работу. Когда после многих часов непрерывных занятий у него начинало шуметь в голове, он выходил прогуляться по бульвару Бурдон, вдоль канала, или же шёл вверх по бульвару Бомарше через бедняцкие

кварталы, доходил до ворот Сен-Мартен и района театров, который позднее назовут бульваром Преступлений — из-за кровавых мелодрам, на которые была так падка публика. Именно в это время Бальзак по-настоящему влюбился в Париж, в его старые дома, вывески, лица его жителей. В начале своей повести «Фачино Кане», написанной в 1835 году, он явно ссылался на этот период своей жизни:

«Одетый плохо, как одеваются рабочие, безразличный к своему внешнему виду, я не вызывал у них никакой насторожённости. Я мог затесаться в какую-нибудь из их компаний и наблюдать, как они нанимаются на работу, как спорят между собой, возвращаясь вечером по домам. Во мне уже развилась интуитивная наблюдательность, которая позволяла понять, что у них в душе, не пренебрегая и телесным их обликом...»

Он подслушивал их разговоры, угадывал какие-то раздоры, драмы, нехитрые радости.

«Я уже знал, какую пользу для себя могу получить от этого предместья, этого рассадника революций, в котором обретаются герои, изобретатели, учёные самоучки, негодяи, злодеи, носители добродетелей и пороков, придавленные нуждой и нищетой, заливающие горе вином, отравленные горячительными напитками. Вы не можете вообразить, сколько в этом городе скорби неведомых приключений, сколько забытых драм! Сколько ужасного и прекрасного! Воображение не в силах постигнуть действительность, которая там прячется и которую никто не способен открыть. Нужно спуститься слишком глубоко, чтобы увидеть эти трогательные или трагические, подчас комические сцены, эти изумительные порождения случая».

Вот что схватывал, впитывал ум молодого человека, который перед тем был опьянён чтением Спинозы или Орве. Конечно, ему было ещё далеко до предчувствия того, как он воспроизведёт в романе всю эту кипящую, полную контрастов, таящую в себе множество драматических сюжетов человеческую материю. До него только Никола Ретиф де ла Бретонн — такой же, как и он, каторжник литературы, уделял внимание этой стихии.

Пока что он задумал драму в стихах «Кромвель», над которой корпел несколько месяцев. Закончив труд, он показал его своим родным и нескольким собравшимся по этому случаю друзьям семьи. Обычная для дебютантов ошибка — испытывать своё творение на близких, которые слишком хорошо знают автора и потому могут вынести только ложное суждение — либо восхищаясь посредственным созданием из-за тёплых

чувств к его автору, либо, напротив, будучи не способными поверить в то, что в их семье может появиться настоящий талант или гений. Да и к тому же они в этом деле ничего не смыслят. Мнения надо спрашивать у людей компетентных, вас никогда не видевших.

Правда, в данном случае окружение автора в своём вердикте не ошиблось: сочинение трудоёмкое, скучное, плоское. Александрийский стих невыразителен, реплики персонажей всегда ожидаемы и напыщенны. А может быть, жизнь Кромвеля — это какой-то заговорённый сюжет. Позднее его использовал Гюго, написав многословную драму, из которой теперь читают только знаменитое предисловие.

Тем не менее к делу отнеслись серьёзно. Для большей уверенности при посредничестве инженера Сюрвиля, за которого незадолго перед тем вышла замуж Лора, обратились к некоему господину Андриё, старому учёному, профессору, члену Французского института. Тот сказал как отрезал: «Этот молодой человек может заниматься чем угодно, только не литературой».

Оноре чувствовал себя уничтоженным. Он начал уже в себе сомневаться, хотя виду не подавал. Отношение к юному мечтателю, который возомнил себя гением литературы, было смесью сочувствия и жалости. К тому же за несколько месяцев жизни в мансарде он побледнел и осунулся. Авантюра заканчивалась, надо было возвращаться в родительский дом, где он хотя бы сможет нормально питаться...

Тем не менее все, кто полагал, что Оноре окончательно смирился с неудачей, плохо его знали. Прошло всего несколько дней, и он вновь принялся за своё. «Трагедии — это не моё, только и всего!» — решил он. И впрягся в работу над другими проектами.

В эти годы в самом семействе Бальзаков разыгрывались в высшей степени бальзаковские сцены: замужество двух сестёр Оноре. В Вильпаризи Лора познакомилась с Эженом Огюстом Луи Сюрвилем. Выпускник Политехнического института, он работал инженером на Уркском канале. Год спустя вторая сестра, Лоране, вышла замуж за одного господина, который очень понравился её родителям — гораздо больше, чем добропорядочный, но бесцветный Сюрвиль, — по той простой причине, что звался он господин де Сен-Пьер де Монзэбль. Если на Сюрвиля господин и госпожа де Бальзак поглядывали снисходительно, то от второго зятя были в полном восторге.

Они обманулись в обоих. Сюрвиль, конечно, не был ни сказочным принцем, ни аристократом, но оказался верным и преданным мужем и обеспечил своей семье благополучное буржуазное существование, чего как

раз и ожидали в те времена от «хорошего» замужества. В противоположность ему Монзэгл не оправдал ожиданий: азартный игрок, увязший в долгах, о которых до женитьбы поостерёгся говорить своему будущему тестю, очень скоро он бросил Лоране, и та в 1835 году скончалась от туберкулёза в возрасте двадцати трёх лет.

Тогда же в семье Бальзаков произошло одно из ряда вон выходящее событие. Один из братьев Бернара Франсуа, Луи, был обвинён в убийстве молодой крестьянки и гильотинирован в Альби. По-видимому, его вина не была полностью доказана. Бальзак (Бальса), не поддерживавший отношений со своей сельской роднёй, вероятно, предпочитал помалкивать об этой тёмной истории, и неизвестно, знал ли о ней Оноре.

Тем временем молодой автор, оправившись после неудачи с «Кромвелем», с удивительной страстью и необыкновенной плодовитостью трудился над другими замыслами. С 1830 года вплоть до публикации «Шуанов» он в течение десяти лет непрерывно писал. «Библиотека Плеяды» издала сочинения Бальзака, не вошедшие в «Человеческую комедию», и собрание его писем. Только за период от первых его текстов до 1834 года это составило два тома объёмом более тысячи страниц. Там и романы, и монографии, и памфлеты, и статьи на литературные и политические темы. Попробуем сделать их краткий обзор.

Утратив всякий интерес к пятиактным драмам в стихах, Оноре обратился к жанру романа. Он написал мрачный философский роман «Фальтурно», действие которого происходит в Италии, и «Стению», роман в письмах, подобный тем, которых так много издавалось в предшествующем столетии. Стения (уменьшительное от Стефания), юная девушка, разрывается между человеком, которого ей прочат в супруги, и своей первой любовью к «молочному брату», ставшему ей другом и наперсником, — всё это в слезливом лирическом тоне, унаследованном от Руссо. Словом, начинающий автор пробовал себя в модных жанрах.

Романов в то время писали много, а читальни обеспечивали ими публику, в основном не придававшую значения литературным качествам прочитываемого. Ей были нужны страсти, любовь, вынужденная преодолевать преграды, нужны были похищения, ужасы, кошмары. Перегруженный страстями стиль, введённый в оборот романами Анны Радклифф и Горацио Уолпола, долго был в почёте. В этом жанре прославился также ирландец Роберт Матюрин, чей «Мельмот-скиталец», вышедший в 1820 году, пользовался большим успехом. Бальзак интересовался такой литературой и позднее использовал героя Матюрина в иронической повести «Примирившийся Мельмот».

В эти годы он осознавал, что зарабатывать на жизнь ему придётся сочинениями именно такого рода. При посредничестве одного из своих соучеников по Вандомскому коллежу он познакомился с неким Огюстом Лепуатевеном, который вместе с несколькими компаньонами запустил настоящую фабрику грошовых романов, которые писали несколько авторов. Из своего второго имени — Эгревиль — Лепуатевен смастерил анаграмму Вьейэргле, которую сделал фирменным знаком своей продукции. Собравшись вместе, компаньоны обсуждали сюжет и план будущей книги, после чего принимались за её написание, обычно в самом быстром темпе. Заинтересовавшись этой работой, Бальзак присоединился к бригаде Вьейэргле и тоже придумал себе псевдоним: «Лорд Р. Оон» — анаграмма имени Оноре. В те времена многие были англоманами, и с таким именем можно было сойти за англичанина, а звучное «лорд» намекало на Байрона.

Под этим псевдонимом Бальзак сочинил несколько романов, в которых с большим или меньшим успехом (скорее с меньшим) мешал историю с фантазией, красочными описаниями и сантиментами. Вот их названия: «Наследница Бирага», «Жан-Луи, или Девочка-найдёныш», «Клотильда де Люзиньян, или Красавец-еврей», «Столетний старик, или Два Берингхельда»... Потом он — уже под новым псевдонимом Орас де Сент-Обен — выпустил «Арденнского викария», а затем «Последнюю фею, или Волшебную лампу». Другие романы, в написании которых он участвовал, выходили под одним именем — Вьейэргле.

Он предпринял новую атаку на театр, и на этот раз опять безуспешную: в 1823 году его пьеса под названием «Негр» не была принята к постановке театром Гетэ. Он приступил к переделке «Стении» и «Фальтурно». Можно до бесконечности продолжать список этих его литературных поделок, среди которых следует упомянуть ещё романы «Анетта и преступник», а также «Ванн-Клор».

Надо, впрочем, отметить два важных обстоятельства. Первое состоит в том, что Бальзак, мечтавший прославить своё имя, старался отделить его от этой посредственной продукции. Под его настоящим именем впервые выйдет роман «Шуаны», который он, таким образом, обозначил как начало своего творчества. Стало быть, он знал истинную цену сочинениям, которыми добывал свой хлеб насущный. Во-вторых, очевидно, что эти сделанные на скорую руку тексты, в которых исследователи теперь находят ту или иную особенность его языка, того или иного персонажа либо анекдотический эпизод, который позднее попадёт в какой-нибудь из его великих романов, — были для Оноре тренировкой, как разучивание гамм

для музыканта. У Бальзака большой размах во всём: чтобы найти свой путь, ему надо было написать не один, а десятки пробных романов!

Иллюстрация к роману «Шуаны»

Разумеется, он, помимо прочего, как теперь сказали бы, отслеживал тенденции рынка. Мы не должны забывать о его одержимости в

стремлении преуспеть, заработать большие деньги, чтобы доказать родным, что он способен на многое. Неутомимый труженик с гигантскими литературными амбициями, Бальзак в отличие, например, от Флобера, был далёк от сакрализации своего творчества. Он создавал интеллектуальный продукт и хотел его продавать, получать от него доход. Он всегда следил за тем, что продаётся в книжных магазинах, и был поборником юридического признания авторских прав. Словом, он был настоящим предпринимателем.

Теперь его жизнь проходила между Парижем, где свершались его труды литератора и журналиста, и Вильпаризи, где он общался с родными.

Там он познакомился с соседями, приятелями семьи господином и госпожой де Берни. Он охотно посещал их дом и даже согласился дать несколько частных уроков их детям. Дело в том, что он сразу положил глаз на хозяйку дома. От одного визита к другому он всё больше убеждался, что влюблён в эту женщину.

Лоре де Берни в ту пору было 42 года, что по тогдашним понятиям считалось для женщины весьма зрелым возрастом, тем более что она родила девятерых детей.

Жизнь у неё была бурная. Её отец обучал королеву Марию Антуанетту игре на арфе, а мать была одной из любимых горничных королевы. Царствующая чета удостоила этих верных слуг своим присутствием на крестинах их дочери, малышки Лоры. Во время революции её мать, овдовев, вторично вышла замуж за некоего шевалье де Жарже, известного своим неосторожным роялизмом. Стремясь обеспечить безопасность своей дочери, она поспешила выдать её замуж за вышеназванного графа де Берни, который был намного её старше. Но это не помогло: супругов арестовали как «подозрительных», и от гильотины их спас только Термидор^[1].

С тех пор прошло 20 лет, и граф де Берни превратился в скучного старика, который давно уже закрывал глаза на измены жены, а та, несмотря на многочисленные роды, сохранила красоту и не пренебрегала возможностями ею пользоваться.

Итак, женщина, опытная в любовных делах, заинтересовала новичка. До той поры толстый, робкий, замкнутый юноша, у которого внутри кипели и не находили выхода страсти, любовных приключений ещё не пережил. Он влюбился в госпожу де Берни, словно персонаж какого-нибудь из популярных в то время романов: молча, не осмеливаясь признаться в своём чувстве... Но потом, всё же набравшись смелости, он выложил ей всё без утайки.

Можно себе представить, в каком затруднительном положении

оказалась Лора. Некоторое время она не сдавалась. Несомненно, он растрогал её наивной страстью, светившейся в его чёрных глазах. Но уступить желанию молодого человека, который был сыном её хороших знакомых, значило поступить не вполне пристойно.

Всё же она сдалась и стала ему нежной любовницей, в чувствах которой было что-то материнское. Если сначала она была сильно озадачена и, конечно, заинтригована, а потом по-настоящему увлечена, то в дальнейшем стала испытывать к своему молодому любовнику и плотскую страсть, и глубокую душевную привязанность, которая с годами только крепла.

Бальзак обязан ей очень многим. Эта женщина с большим жизненным опытом приобщила его не только к колдовству любви, но и к тайнам женского сердца. Он это знал и никогда не забывал, даже в то время, когда уже не испытывал к ней физического влечения. Она осталась для него Делектой, то есть избранницей. Её смерть в 1836 году его глубоко опечалила.

В 1824 году Бальзак подвёл итог прожитых лет и своих трудов и не нашёл оснований для довольства собой. Что ему удалось за пять лет таких усилий? Неудачные пьесы да написанные в четыре руки с другом Лепуатевеном романы, которые сам он ценил невысоко. Вся эта продукция на потребу дня — бездушная, безликая и бесперспективная — была так далека от тех высоких творений, которыми он мечтал одарить своих современников.

К этому добавлялось всё более осязаемое давление семьи. Мать Оноре, судя по всему, довольно нелюбезно высказывалась по поводу его занятий: всё это несерьёзно и никакого проку не сулит. И даже те, кто испытывал к нему самые тёплые чувства, — например, его сестра Лора, которая теперь жила в Байё и поддерживала с ним постоянную переписку, или другая Лора, любовница, которая стала так часто, как только могла, навещать его в Париж на улицу Турнон, где он поселился, — даже они не понимали, что на уме у молодого литератора.

Известно, что в конце 1824 года он пережил серьёзный кризис. Научные редакторы упомянутого выше издания не вошедших в «Человеческую комедию» сочинений обратили внимание на то, что в послесловии к роману «Ванн-Клор» автор под именем Орас де Сент-Обен объявил о своём намерении прервать выпуск романов: «Я слишком нуждаюсь в тишине, чтобы пытаться устраивать шум, пусть даже только моим именем».

И действительно, он в последующие пять лет не писал романов вплоть

до выхода «Шуанов».

Пять лет перерыва для 25-летнего автора — это долгий срок. Можно подумать, что он испытывал свою судьбу. Он уже не верил в себя. Его друг Этьен Араго, брат известного учёного, свидетельствует, что Оноре подумывал о самоубийстве: однажды он встретил его на одном из мостов через Сену, где тот замороженным, остановившимся взглядом смотрел на протекавший внизу тёмный поток.

И всё-таки жизнь взяла своё. В 1824 году Бальзак анонимно написал две книжки: «О правах ослицы» и «Беспристрастная история иезуитов». Он писал их за кого-то другого, иначе говоря, стал «литературным негром». До сих пор не ясно, каковы были его истинные намерения, когда он решился на создание текстов столь крайнего монархического направления. Несомненно, молодой Бальзак не придерживался таких взглядов. Было ли то хладнокровное желание подзаработать немного денег? Или же он решил дискредитировать излагаемые идеи, подав их в самом карикатурном виде? Было бы забавно, если бы монархические и католические взгляды, которые позднее защищал Бальзак, впервые были им выражены как опыт пародии. И — почему бы нет! — эти строки, написанные смеха ради, в итоге повлияли на воззрения его автора.

В следующем году Бальзак издал небольшое сочинение под названием «Кодекс порядочных людей». Журналист Орас Рэссон, с которым он сдружился, работая в газете «Литературный фельетон», куда пристроил несколько статей, предложил идею издания небольших опусов, где в форме юридических кодексов сатирически описывались бы нравы различных слоев общества. И здесь мы имеем дело с пародией, упражнением в сарказме, способном привлечь потерявшего веру в себя начинающего автора. Заслуживает внимания то обстоятельство, что именно тогда Бальзак порвал с отвлечённой романтикой и начал описывать, пусть даже несколько поверхностно, обычную жизнь обычных людей.

Но главное — он надумал нечто другое: поскольку литературная карьера не задаётся, он станет издателем.

Такое решение подсказал ему один из друзей отца, выразивший готовность финансировать будущее предприятие. Бальзак тут же задумал проект — первый из большой, растянувшейся на все периоды его жизни, серии смелых проектов, каждый из которых должен был принести ему состояние. В этот раз он предполагал издавать сочинения классиков в одном большом томе. Начать он собирался с Мольера и Лафонтена.

В то время это была новая идея. И прошедший XVIII, и наступивший XIX века питали слабость к книгам малого формата. Самый небольшой

роман занимал два или три томика. «Компактные» издания получили распространение позднее, а в наши дни даже стали нормой. Проект Оноре для своего времени означал переворот в книгоиздательском деле.

Бальзак взялся за дело, изучил вопрос, подыскал печатников. Результат был довольно впечатляющим. Тома в добротных переплётах выглядели красиво, элегантно. Но дело на этом и остановилось. Книготорговцы не желали связываться с новичком, который нарушал привычные стандарты и был явно человеком неопытным. Да за кого он себя принимает? К тому же слишком мало было вложено в рекламу новинки: следовало дать объявления в газетах. Книги не находили покупателей по той простой причине, что об их появлении никто не узнал.

Это было фиаско. Лора писала:

«Эти издания остались совершенно неизвестными публике. За год после их выхода из печати брат не продал и двадцати экземпляров. Чтобы не платить за аренду магазина, где они были сложены стопами и пропадали, он избавился от них, продав на вес по цене бумаги, печать на которой ему так дорого обошлась».

Он не только ничего на этом деле не заработал, но ещё и наделал долгов. Так долги вошли в его жизнь и остались в ней навсегда. Как выразилась Лора, «то было начало его большого жизненного опыта, благодаря которому он со временем так хорошо узнал людей и постиг суть явлений».

Всё было бы ещё не так плохо, если бы наш молодой предприниматель на этом остановился. Но дело получило совсем скверное продолжение. Стремясь вернуть вложенные в него средства, инвестор убедил Оноре вернуть потерянное, занявшись книгопечатанием. Посоветовались с Бальзаком — старшим, и тот согласился вложить в дело небольшую сумму. Привлекли к участию и госпожу де Берни. Оноре расположился в типографии (помещение сохранилось до наших дней) на улице, теперь называемой Висконти, вместе с наборщиком, с которым познакомился, когда готовил к изданию Мольера и Лафонтена. Начали печатать, но нужны были оборотные средства и патент печатника, тоже стоивший немалых денег.

Нашлось несколько клиентов. В типографии Бальзака печатался, в частности, «Сен-Мар» Альфреда де Виньи, который имел тогда большой успех. Можно предположить, что Бальзак, вероятно, грустно вздыхал, отправляя в печать сочинение своего молодого соперника, тогда как сам он перестал писать романы. «Я забыл, что был литератором, — жаловался он одному из друзей в 1826 году, — вместо него теперь человек свинцовых

литер». Горький каламбур.

В целом дело шло со скрипом. Нехватка оборотных средств да ещё долги отодвигали на неопределённое время тот момент, начиная с которого можно было получать прибыль. В то время представилась возможность дополнить печатное дело собственной словолитней, и Бальзака увлекла эта идея. Удивительно странная логика: раз уж дела идут плохо, почему бы не пойти на дополнительный риск? Будущий автор «Цезаря Биротто», похоже, наивностью не уступал своему герою. Вся жизнь Бальзака состояла из непрерывной гонки за большим финансовым успехом, который мог бы восполнить все потери.

Но и этот новый проект удался ему не больше, чем предыдущие. В 1828 году игра закончилась: семья и кредиторы отказались продолжать финансирование дела, в которое уже не верили.

Бальзак был по уши в долгах, которые составляли от 50 до 60 тысяч тогдашних франков, и в основном это были долги его близким. (Чтобы понять масштаб этого бедствия в евро, надо увеличить названную сумму примерно в четыре раза.)

Самое неприятное было в том, что предприятие, объединяющее типографию со словолитней, выкупленное и реорганизованное другими, более предусмотрительными деловыми людьми, в итоге заработало. Но уже без него.

Это были, несомненно, худшие моменты в жизни молодого Бальзака. Всё, за что он ни брался, кончалось неудачей. Лора была в отчаянии, которое надолго врезалось ей в память:

«У Оноре, в ту пору двадцатидевятилетнего, не осталось ничего, кроме долгов и его пера, чтобы их возвращать, — пера, которого тогда ещё никто не ценил по достоинству: все считали его человеком малоспособным, а эта несчастная характеристика лишает личность всякой поддержки и так часто приводит неудачников к катастрофе. Безжалостный приговор!»

После провала книгопечатного проекта Бальзак поселился рядом с Обсерваторией, в скромном доме 1 по улице Кассини, который до наших дней не сохранился. Там его навещала Лора де Берни, которая уже давно позабыла о всякой сдержанности и вновь перебралась в Париж, чтобы быть к нему поближе. Её любовный пыл не угас, она была без ума от Оноре и желала его с пылкостью, усилившейся с годами. Нельзя сказать, что её чувственные запросы не нравились Бальзаку, он любил любовь. Но Лора не была спокойна, она чувствовала, что их роман скоро закончится, подозревала его в изменах и не без оснований. У Бальзака были другие женщины. Всегда бывают другие женщины, особенно у молодых

честолюбцев, чей любовный опыт невелик.

За три года до этого, в 1823 году, когда умерла его сестра Лоране, Бальзак познакомился с герцогиней д'Абрантес. Она жила в Версале, где поселилась и чета Сюрвиль, переехав из Байё.

Бальзак, который всё ещё не отказался от литературного поприща, хотя и пережил период больших сомнений и продолжал публиковаться в журналах и участвовать в коллективных сочинениях, сразу же загорелся желанием добиться этой сорокалетней женщины, в которой было много для него привлекательного.

Герцогиня д'Абрантес в его глазах была фигурой почти исторической, во всяком случае, представлявшей недоступный для него мир знати. Урождённая Лора Пермон (ещё одна Лора) вышла замуж за молодого офицера по имени Андош Жюно. В качестве адъютанта Бонапарта Жюно принимал участие в египетском походе. Позднее он отлично проявил себя на Иберийском полуострове, где добыл титул герцога д'Абрантес. Он участвовал в русской кампании, после которой, находясь в должности губернатора провинции Иллирия, впал в депрессию, перешедшую в безумие. В 1813 году, вернувшись к семье, которая находилась в Монбаре, департамент Золотой Берег, он покончил с собой.

Лора д'Абрантес, сопровождая мужа, видела императорский двор и проехала всю Европу. Некоторое время она была любовницей австрийского канцлера Меттерниха и оставила интересные мемуары, к тексту которых, как полагают, Бальзак приложил руку.

Когда он с ней познакомился, она жила в стороне от высшего света и была не особенно богата, но сохранила благородные привычки. И к тому же она так хорошо знала людей и их дела! А ещё она была герцогиня! Добавим к этому, что у неё сохранились превосходные связи в свете, которые могли быть полезными.

В течение восьми месяцев она выдерживала ухаживания этого наивного, забавного и беспокойного молодого человека, который кипел от нетерпения и посылал ей страстные письма, после чего уступила его домогательствам. Под своими письмами он без всякого стеснения ставил подпись «Оноре де Бальзак».

ОНОРЕ СТАНОВИТСЯ БАЛЬЗАКОМ

В литературной карьере, о которой мечтал Бальзак, в течение двенадцати лет не было ни единого проблеска. Ему исполнилось 30 лет, к этому возрасту мужчина уже «обеспечивает себе положение», как тогда выражались. Бальзак же успел всего лишь наплодить несколько случайных сочинений, не имевших большого успеха.

Но в 1829 году он опубликовал две книги, которые резко изменили ситуацию: «Физиологию брака» с подзаголовком «Эклектико-философские размышления о семейном счастье и несчастье, опубликованные молодым холостяком» и «Шуанов, или Бретань в 1800 году». Вторая вышла под его настоящим именем.

Уже было отмечено, что Бальзак следил за модой и текущими тенденциями в книжном мире. Чтобы добиться успеха, он инстинктивно искал его «факторы», как сказали бы теперь. Он ещё не был тем уверенным в себе и своём таланте романистом, который способен навязать публике свой проект и свою эстетику, если нужно — наперекор вкусам современников.

Так что же было модно в 1825—1830 годах? История, красочные описания, приключения, историческая или географическая экзотика. Мэтром был Вальтер Скотт (1771 — 1832). Его первый роман «Уэверли» появился в 1814 году, затем он каждый год выпускал по книге, но только в 1820 году, после выхода романа «Айвенго», прославился на всю Европу. Он был уроженцем Шотландии, страны, которая была у всех на устах вследствие большой популярности песен якобы шотландского барда Оссиана, на самом деле сочинённых Джозефом Макферсоном. Успех Скотта был грандиозным, его влияние колоссальным благодаря глубокому погружению в историю и нравы своей страны. Вслед за ним Алессандро Мандзони в Италии, Пушкин и Гоголь в России открыли, что особые качества народа могут служить поэту богатейшим источником вдохновения в противовес абстракциям и универсализму классической эстетики.

За прошедшее с тех пор время многочисленные сокращённые версии и посредственные киноадаптации «урезали» Вальтера Скотта до размеров писателя для молодёжи, романтического и явно вышедшего из моды. А ведь «Шериф из Селкиркшира», как его прозвали, хотя и не пренебрегал сражениями, поединками на шпагах, любовными похождениями, был историком, стремившимся понять дух описываемой эпохи.

Первоначальный замысел его «Уэверли» состоял в том, чтобы через судьбы главных героев показать конфликты общества, мало известного читателю, — Шотландии XVIII века. Он превращал историю в роман, но делал это ради постижения истины. При описании Людовика XI в романе «Квентин Дорвард» он нигде не опускается до приёмов карикатуры, что позволяли себе другие авторы.

Во Франции все первые авторы исторических романов были его прямыми подражателями, но по этой же самой причине никогда на него не ссылались. С этой точки зрения ничто не даёт возможности лучше понять глубину различий между Дюма и Бальзаком, как выяснение того, что именно каждый из них взял у этого мастера, которым оба они восхищались. Дюма позаимствовал его умение воссоздавать колорит эпохи, строить авантюрную интригу, искусство перемешивать воображаемых персонажей с реальными историческими фигурами и событиями. Но он ускоряет ритм изложения, упрощает характеры героев, сокращает описания, увеличивает долю диалогов. Бальзака же в шотландце более всего восхищали тщательная прорисовка психологии действующих лиц, историческая достоверность в упоминании местностей, предметов обихода, нравов, — всё то, о чём добряк Дюма не слишком заботился и что сам Бальзак перенёс в современную ему эпоху.

Это увлечение историей в 1820-е годы захватило и читающую публику, и авторов. Шатобриан, который щедро делился с читателями своим пристрастием к американской экзотике, а потом к раннему христианству, преображённому его фантазией, в 1826 году опубликовал «Приключения последнего Абенсерага», написанные задолго до того. История Бен-Хамета, потомка короля Боабдила, который, возвратившись в Гранаду, влюбился в Бланку из семейства Биваров, то есть победителей-испанцев, — вся пропитана ароматами арабо-андалусийской цивилизации.

Велик был интерес и к одному автору-американцу, что уже само по себе было внове. В 1823 году в книге Фенимора Купера (1789—1851) «Пионеры» появился Натти Бумпо по прозвищу Кожаный Чулок, герой пяти романов этого автора. В 1826 году вышел «Последний из могикиан», из-за которого автор получил прозвище «американский Вальтер Скотт» и был признан одним из корифеев авантюрного и экзотического жанров.

В том же году Альфред де Виньи, увлёкшись историей Франции, изобразил в романе «Сен-Мар» борьбу феодальной аристократии против растущей силы абсолютной монархии, которую в XVII веке упорно создавал кардинал Ришелье. И Бальзак, испробовавший все жанры романа, которые могли понравиться публике, решил пойти на выучку к автору

«Уэверли» и «Роб Роя». В первом названии романа «Последний шуан» очевидна также отсылка к Куперу.

Чем привлекла Бальзака гражданская война французов, известная как восстание шуанов? Известно, что в 1826 году он прочитал несколько книг о Революции. Эта недавняя история ещё оставалась горячей темой в мемуарах, а в окружении Оноре было немало свидетелей тех событий, начиная с его отца и госпожи де Берни.

Бальзаку надоели упрощения, которые широко применялись в романах, выходивших из мастерской его друга Лепуатевена. На этот раз он замыслил солидное, сильное сочинение, тщательно прорисовал действующих лиц и их характеры, придумал сюжет, в котором тесно переплелись политика, любовь и динамичная интрига. Персонажи: храбрый офицер-роялист, красавица-шпионка, мошенник-полицейский, молодой аристократ-авантюрист и в центре повествования — жутковатый Крадись-по-Земле, воплощение архаического и тёмного мира крестьян-бунтовщиков. Франция эпохи Просвещения не догадывалась о существовании в её окраинных провинциях своих могикан. На этом фоне — заговор, любовная история, предательство. Стрельба, неуверенное продвижение войск в краю изгородей и рвов, где крик совы или недобрый взгляд молчаливого крестьянина могли стать предзнаменованием неминуемой опасности.

Работая над романом, Бальзак становился историком, исследователем социальных процессов, стремящимся создать правдивую картину описываемых мест и нравов тамошнего населения. Он впервые решил использовать собственные наблюдения, ради чего добился приглашения к одному из знакомых семьи, генералу де Поммерелю, который жил в Фужере, центре описываемых событий. Там он наблюдал крестьян, изучал местные типы, собирал свидетельства.

В романе видны результаты этой работы. У романиста Бальзака нет живости и стремительного развития событий, свойственных Александру Дюма. Но его медлительность творит чудеса, давая читателю почувствовать атмосферу места действия, суровость мятежных крестьян, будни армейской жизни. В какую бы эпоху и куда бы ни вёл своих читателей Дюма, они прежде всего и главным образом оказываются в мире приключений. Следуя же за Бальзаком, всегда остаются в реально существующей стране.

Исторический раздел составляет незначительную часть той «Человеческой комедии», которую автор успел написать. Общий же её план, задуманный Бальзаком, свидетельствует, что он придавал этой части большое значение. Раздел под названием «Сцены военной жизни»,

состоящий только из «Шуанов» и «Страсти в пустыне», должен был включать до двух десятков сочинений, сюжеты которых нам более или менее известны. Это «Солдаты Республики», «Начало кампании», «Французы в Египте», «Под Веной», «Англичане в Испании», «Сражение». Для работы над последним Бальзак в 1835 году посетил место сражения под Эслингом. Если бы он осуществил намеченную программу, «Человеческая комедия» являла бы собой политическую и военную эпопею времени, предшествующего буржуазной эре. Это противопоставление двух столь близких эпох, по-видимому, сильно его увлекало. Это видно по его наброскам к сочинению «История и роман», о котором известно только, что в нём он собирался противопоставить двумя симметричными картинками безжалостное время Террора (история) послаблениям и интригам времён Директории.

Наполеоновская эпопея вдохновила Бальзака на создание одного из самых знаменитых и самых мрачных его романов — «Полковник Шабер», который впервые был опубликован в 1832 году под названием «Сделка». В нём выведена трогательная фигура воина, объявленного погибшим на поле боя («того, кто погиб под Эйлау...»), чьё возвращение домой через много лет вызвало большое беспокойство у многих, начиная с его жены, которая, считая себя вдовой, вторично вышла замуж. Но эта история — только фон для основных событий. Не следует, однако, забывать, что, хотя первый план в «Человеческой комедии» занимает описание современного автору общества, корни его уходят в прошлое. Биографии многих бальзаковских персонажей приобрели свои особые черты за 25 лет Революции и Империи.

По совпадению — весьма символичному — один из персонажей первого романа, подписанного именем Бальзака, — Юло, появляется и в «Кузине Бетте» (1848), последнем из опубликованных им сочинений. В 1799 году Юло командовал полубригадой, которая действовала в Фужере. Из романа «Муза департамента» мы узнаём, что позднее он воевал в Испании. В 1809 году ему был присвоен титул графа Юло де Форцхейма, а в 1830-е годы Луи Филипп производит его в маршалы. Этот простосердечный и преданный вояка, к концу жизни тугой на ухо, один из самых привлекательных персонажей «Человеческой комедии», служит связующим звеном между двумя ключевыми романами, разделёнными двадцатью годами.

К сожалению, «Последний шуан» не имел того успеха, на который рассчитывал автор. Упоминания в прессе были редкими и по большей части сдержанными. Всего несколько любителей заинтересовались новым автором. В его стиле отметили изъяны, которые в дальнейшем неизменно

обличались его хулителями: тяжеловесность, неуклюжесть, запутанность и высокопарность. В действительности же у романа есть один недостаток: медлительность повествования. Хорошо выстроенная интрига реализуется с натугой. Атмосфера событий передана верно и убедительно, любопытство читателя разбужено, и всё же надо признать, что самой драмы приходится слишком долго ждать, довольствуясь подготовительными описаниями. У Бальзака и в дальнейшем будут эти проблемы с ритмом, которые принесут ему много разочарований, когда в моду войдут романы-фельетоны («продолжение следует»).

Успех в том же 1829 году пришёл к Бальзаку совсем с другой стороны. Его принесла менее известная — и, надо признать, менее интересная сегодняшнему читателю — «Физиология брака». Известно, что Бальзак собирал для неё заметки в 1826—1828 годах. Это не роман, а собрание более или менее смешных анекдотов, советов и изречений. Автор явно старался и дальше разрабатывать жанр, в котором был написан его «Кодекс порядочных людей», придерживаясь стиля, вошедшего в моду после появления в 1825 году «Физиологии вкуса» Брийя-Саварена. Показав себя моралистом, слог которого колеблется между серьёзным и смешным, Бальзак позднее не отказывался от этого произведения, предполагая приобщить его к своим «анатомиям» и другим «трактатам» в разделе «Аналитические этюды», которыми должна была завершиться «Человеческая комедия». С этой точки зрения «Физиология брака» открывала одно из важнейших направлений его творчества, каким он сам его представлял, даже если у него не хватало времени на осуществление своего замысла.

Итак, «Шуаны» почти не пользовались спросом, а эта книжка принесла ему известность. Ныне она представляется нам довольно многословной, легковесной и отмеченной тем кудрявым стилем, что был характерен для тогдашней модной журналистики. Но в своё время книга забавляла и провоцировала читателя. Особенно сочувственно она была принята читательницами, поскольку в ней содержалась едкая сатира на брак по расчёту и мужей-грубиянов. В ней Бальзак выступил как поборник женских желаний, обвинял мужчин в склонности видеть в жёнах только свою собственность и поощрял их к тому, чтобы они искусно пробуждали в своих супругах — девственницах чувственность. Читатели оценили также его способность метко обрисовать человеческие типы, занимательность рассказа и умение делать серьёзные обобщения на основании частных житейских ситуаций.

Словом, искра зажглась. Впервые Бальзак почувствовал, что между ним и читателем возник контакт. Это ещё не слава, но уже успешное начало. Отныне он принадлежал к числу тех авторов, «о которых говорят». Первый успех помог ему найти себя. Он постепенно приходил к убеждению, что предмет его писательского дела находится прямо перед ним. Издатели газет и журналов заинтересовались его манерой описывать повседневную жизнь современного общества, и он их не разочарует. Если существует какая-то черта писателя Бальзака, которая отчётливо проявилась с самого начала, то это исключительная способность писать много и быстро. Отныне романы и повести одна за другой выходили из-под его пера. За несколько месяцев он написал «Семейный мир», «Дом кошки, играющей в мяч», «Эль Вердуго», «Этюд о женщине», «Страсть в пустыне», «Бал в Со». В 1831 году за ними последовали «Шагреновая кожа», «Неведомый шедевр», «Иисус Христос во Фландрии». Поразительно, что после долгих проб «настоящий» Бальзак появился всего за два года.

Летом 1829 года в Ла Булоньере близ Немура, где он находился вместе с госпожой де Берни, он написал повесть «Семейный мир», а осенью — «Дом кошки, играющей в мяч». Этот небольшой роман стал первым, в котором проявились характерные черты искусства Бальзака. В нём он вывел на сцену мелких парижских торговцев («Гильом, наследник Шевреля, торговец тканями»), достоверно и основательно раскрывая особенности ведения дел, денежные вопросы, обстановку, нравы этой среды. И всё это вплетено в логичную, хорошо выстроенную интригу. История Августины, дочери коммерсанта, которая вышла замуж за светского живописца, человека беспокойного, сделавшего её несчастной, по-видимому, отчасти списана с трагичной судьбы Лоране, младшей сестры Бальзака. В книге определился и основополагающий бальзаковский пессимизм: мораль истории, если уж кто-то хочет её найти, состоит в том, что не следует выбиваться из своей среды и своих условий существования, ибо социальный мир неумолимо герметичен. А тем более не надо пытаться заключить счастливый брак, построенный на любви будущих супругов.

Очевидно, к тому времени романист уже определился со своими планами. В течение последующих лет появились два тома сочинений под общим названием «Сцены частной жизни», включавшие, среди прочего, уже упомянутые выше произведения «Гобсек» и «Бал в Со», а также

«Вендетту» и «Побочную семью». Отныне и впредь Бальзак задумывал свои произведения сериями, ансамблем. С самого начала в нём чувствовался этот энциклопедический подход, хотя в то время было ещё очень далеко до сложной и продуманной архитектуры «Человеческой комедии».

Но главное — Бальзак обрёл свой почерк, свою индивидуальность. Он уже никому не подражал. Перед ним открылась неисчерпаемая стихия реальной жизни Парижа, который он успел пройти вдоль и поперёк. Он знал его лавки, вывески, жилища, его коммерцию, браки по расчёту, его социальные типы, их имена. До него никто из романистов не придавал значения таким вещам. Стандартные психологические ситуации служили темами легковесных комедий или карикатуры. Бальзак пошёл дальше: он определял, исследовал этот обширный «человеческий материал», этих персонажей, которых поставляла ему парижская действительность, стремясь найти в каждом из них человека с его страстями и побуждениями, открыть законы, управляющие жизнью общества.

В «Вендетте» (второе название «Эпизод времён Террора») он вновь обратился к истории. «Эль Вердуго» построен на жестокой интриге, развёрнутой на фоне войны в Испании.

В эти же годы были написаны произведения иного свойства. В «Эликсире долгой жизни» присутствуют мотивы фантастического, фаустовского мифа. «Решётка» и «Страсть в пустыне» открывают другие стороны бальзаковского вдохновения. В первой из них в духе Стендаля описана страсть молодого человека к кастрату, во второй — чувственные отношения мужчины и пантеры на фоне алжирских декораций. Хотя фирменным знаком Бальзака с той поры стало описание современного общества, не следует забывать, что он использовал и другие регистры, которым намеревался отвести место в «Человеческой комедии».

В этом отношении показательны произведения, созданные в 1831 году. Наряду с «Тридцатилетней женщиной», продолжающей этюды о нравах, появляется «Неведомый шедевр», где показано, как страсть к идеалу доводит художника до безумия и самоуничтожения, а также рассказ «Иисус Христос во Фландрии», похожий на традиционную народную сказку. Подобным же образом в следующем, 1832 году рядом с «Полковником Шабером» и «Турским священником», выдержанными в «реалистических» тонах, возникает «Луи Ламбер», где автор с большим романтическим напором демонстрирует свою тягу к оккультизму и спиритуализму.

Об этом стоит сказать подробнее. Как уже отмечалось, Бальзак читал сказки Гофмана и так называемые «неистовые» романы, под влиянием

которых в ту пору, когда он подписывался псевдонимом Р. Оон, им были написаны «Наследница Бирага» и «Столетний старик». Он был одержим теориями «иллюминистов» Сен-Мартена и Сведенборга. В романе «Урсула Мируэ» с таким излюбленным у Бальзака мотивом, как присвоение наследства, возникает связь между мёртвыми и живыми, благодаря которой изобличается мошенничество. В «Красной гостинице» он описал странный случай телепатии: преступление, приснившееся одному из персонажей, совершил его попутчик. Такого рода сюжеты всегда его интересовали, и в окончательном плане «Человеческой комедии» он отвёл им целый раздел под названием «Философские этюды». Бальзак-«реалист», «бытописатель» уживался с Бальзаком-романтиком, искателем тайного знания.

Словом, он ни в чём не отказывал силе воображения, и его идея тотального романа потребовала бы для своего осуществления много большего. В предшествующем столетии Лесаж в своём романе «Хромой бес» вывел демона Асмодея, который приподнимает крыши домов, чтобы подсмотреть жизнь горожан, раскрыть их секреты и тайные интриги. Замысел «Человеческой комедии» предполагал такого всеведущего автора, который был бы способен вытащить на белый свет те драмы, что сокрыты в недрах Парижа, автора, похожего на демиурга, наделённого сверхъестественными способностями.

Он не отказывался ни от чего! Этот молодой романист с необыкновенной готовностью брался за всё, пробовал всё, бросал всё в плавильный котёл своего творчества. В 1831 году он принялся за книгу ещё одного жанра. То были «Озорные рассказы», в которых Бальзак явил себя последователем Боккаччо с его «Декамероном» и раблезианской традиции. Именно у автора «Пантагрюэля» он позаимствовал эпитет «озорной». Говорят, что Рабле был одним из любимых писателей отца Бальзака. XVIII век вернул уважение к свободному от опеки властей и власти догм творчеству Бальзак всегда восхищался этой противоположностью всякого академизма, этим вольным языком, в котором перемешаны диалекты, жаргоны, учёные неологизмы и смешные просторечия.

Для того чтобы понять, каков был Бальзак этого периода, следует вчитаться в «Шагреновую кожу». Роман, вышедший в августе 1831 года, имел необыкновенный успех. Пресса расточала автору похвалы. Только Сент-Бёв промолчал, а в частных разговорах называл книгу «зловонной». «Зловонная» или нет, но в ней великолепно проявились все составляющие бальзаковской психологии: современный реализм в описании игорного дома, антикварной лавки, оргии в доме банкира Тайфера; фантастическое — в придумке с куском кожи, покрытым восточными письменами, который

сокращается при исполнении каждого желания; честолюбивые грёзы юного Бальзака в портрете бедного и одинокого Рафаэля де Валантена, который обдумывает в своей мансарде некий грандиозный философский труд. Там всё: и неутолимое честолюбие, и попытка самоубийства, и фаустовское искушение. А также чувственная одержимость: великолепная и развращённая куртизанка Акилина и юная простодушно-наглая Эфрасия, вероятно, и побудили господина Сент-Бёва назвать книгу «зловонной».

Иллюстрация к роману «Полковник Шабер»

Иллюстрации Г. Доре к «Озорным рассказам»

Остановимся на образе старого антиквара, похожем на тихое и зловещее привидение, и сопоставим его с другим персонажем Бальзака, созданным за год до того, — ростовщиком Гобсеком. Тот и другой многое пережили и всюду побывали. Гобсек был в Индии, знал де Сюффрена и Типу-Сахиба, не был чужд «ни одному из событий, связанных с американской независимостью». Он и ему подобные собираются по несколько раз в неделю на деловые встречи и знают секреты всех состояний, торговли, биржи. Таинственный антиквар из «Шагреновой кожи», должно быть, прожил тысячу лет, как граф Калиостро. Затаившиеся в Париже, тот и другой остаются последней надеждой несчастных разорившихся молодых людей и отчаявшихся женщин, последним и опасным средством, к которому они прибегают. Это образы олицетворяют дьявольское искушение.

Творчество Бальзака нельзя понять без внимательного рассмотрения этих вторых планов, этой силы, прячущейся в глубинах парижской преисподней. Обозреватель нравов, намеревающийся стать «секретарём и историком» общества, достиг такого уровня реализма только потому, что сумел показать эти тайные подземные течения, эту «изнанку современной истории».

Но и это ещё не всё. Следует отметить, что этот трагический, местами мелодраматический (например, когда юная Полина дарит герою «невинную и чистую» любовь) роман содержит также нечто вроде зашифрованного послания, настойчиво отсылающего к Рабле и к другому автору, который стоял на позициях, прямо противоположных «пламенеющему» романтизму, — Лоренсу Стерну. У автора «Тристрама Шенди» Бальзак позаимствовал для своего романа одну из странных арабесок, с помощью которой намеревался представить течение жизни, а у Рабле — апокрифическую, им самим сочинённую и звучащую откровенно пародийно цитату, которую поставил в конце текста первого издания: «Телемиты были великие радетели своей шкуры и умеренны в печалях». Любопытный выбор в крёстные отцы такого сочинения мастера смеха и иронии. Похоже на то, что Бальзак, выказав самым пылким образом некое романтическое настроение, хотел дать понять тем немногим (*happy few*), кто на это способен, что всё это, возможно, фарс.

Да, он ни от чего не отказывался!

*

За какие-нибудь два-три года Бальзак занял прочное место в молодом литературном поколении рядом с такими авторами, как Гюго, Мериме, де Виньи. И сразу же была признана оригинальность его таланта.

Виктор Гюго — если не считать исключительного феномена «Собора Парижской Богоматери» — занимался преимущественно поэзией и драматургией, а позднее стал искать политической карьеры, которая в итоге принесла ему звание пэра.

Дюма, ещё один король театра, через несколько лет обратился к жанру популярного исторического романа. Виньи и Ламартин были аристократами, несколько отстранёнными от широкой публики и как будто стеснявшимися предлагать себя её вниманию. Проспер Мериме нашёл свою особую манеру подачи исторической экзотики, предпочитая жанр новеллы, в котором не имел себе равных. Он сочетал романтическую

сценографию с осторожной язвительностью, которая была так свойственна его учителю Стендалю.

В сущности, только Бальзак выбрал описание современных нравов, хотя — вновь повторим это — к нему не сводилось его творчество. Он один и, возможно, первый во французской литературе отвёл жанру романа исключительную роль.

*

Можно думать, что последующие пять или шесть лет были самыми счастливыми и удачными в жизни Бальзака. Романист нашёл свою дорогу. Малоизвестный писатель предшествующих лет уступил место автору, которого стали принимать светские и литературные круги.

Его зять Сюрвиль согласился снять на своё имя квартиру на улице Кассини, в которой Оно-ре жил с 1828 года. Это было небольшое пособие от семьи, благодаря которому он имел возможность как-то отвлечься от бремени долгов. Впрочем, эти долги не мешали ему совершать новые траты и превратить квартиру в уютно обставленное холостяцкое жилище. Образ бедного молодого гения, трудолюбивого аскета Бальзака уже не устраивал. Теперь он был убеждён, что известности можно добиться, устраивая пирушки для друзей, появляясь в свете и демонстрируя некоторый внешний шик. В 30 лет он испытывал сильнейший вкус к жизни, творчеству, к покорению вершин и первенству. Деньги? К чему об этом думать, ведь деньги он заработает своими сочинениями! Лучше пока что их тратить, рассчитывая на успехи, которые теперь не замедлят посыпаться как из рога изобилия и сделают из него короля Парижа!

С годами ему удалось завести знакомство со многими издателями и собратями по перу. Хотя «Последний шуан» и не принёс ему громкого успеха, но всё же привлёк внимание нескольких знатоков. Испытывая крайнее смущение, появился он и у Виктора Гюго, куда его пригласили на авторское чтение «Марион Делорм», на котором присутствовали Мюссе, Виньи, Сент-Бёв, Мериме. Гюго в ту пору был сверходарённым и невероятно честолюбивым литературным львом. Автор «Ориенталий» прекрасно умел устраивать свою карьеру. Некоторое время спустя Шарль Нодье высказал недоверие к тому, как он сделал себя главой новой романтической школы. Гюго сумел убедить всех, что его драма «Эрнани» сыграла решающую роль в обновлении театра (в чём литературоведы убеждены и поныне), тогда как в действительности первым по времени

новатором был Александр Дюма, чей «Генрих III и его двор» появился годом раньше. Написав «Собор Парижской Богоматери», Гюго великолепно воспользовался всеобщим увлечением Средними веками. Он даже был одним из тех, кто убедил власти в большом значении национального культурного наследия. Вскоре министр Гизо поручил Просперу Мериме произвести учёт памятников старинной архитектуры по всей Франции, что было ответом на озабоченность публики этой проблемой, в значительной мере вызванной популярностью романа Гюго. Бальзак относился к Гюго с интересом и уважением, но не более: его творчеством он увлечён не был. В дальнейшем эволюция политических взглядов обоих отдалила их друг от друга, но Гюго при этом всегда сохранял искреннее восхищение Бальзаком.

Герцогиня д'Абрантес также постаралась устроить молодому автору несколько полезных светских знакомств. Госпожа Рекамье принимала его у себя в Аббе-о-Буа. Среди его друзей были Шатобриан, Констан, Ламартин. Бальзак посещал мастерскую живописца Жерара, где ему доводилось встречать Делакура, Шеффера, Давида д'Анже, а также салон Софии Ге, чья очаровательная дочь Дельфина, после того как вышла замуж за издателя Эмиля де Жирардена, стала для Оноре надёжной советницей.

Его провинциальный вид и внешняя неловкость несколько вредили ему. Кое-кто посмеивался над тем упорством, с каким он добивался, чтобы его называли «де» Бальзаком. К тому же он не был красивым мужчиной: невысокого роста, полный, даже, по некоторым свидетельствам, тучный. Карикатуристы ухватились за эту его особенность — округлость без видимой тяжеловесности, — из-за которой он напоминал колышущийся надутый шар. У него были нездоровые зубы, и он обильно брызгал слюной. Словом, первое впечатление в целом было неблагоприятным. Но стоило ему справиться со своей застенчивостью, почувствовать себя уверенно, как его красноречие, умение шутить, подкупающее добродушие завоёвывали сердца окружающих. И ещё — его глаза. Все, кто встречался с Бальзаком, запомнили взгляд его чёрных глаз, в которых светились нежность и серьёзность, взгляд, то глубоко и неумолимо проникавший в самую душу собеседника, то быстрый, весёлый и дружеский. Более всего ценили его весёлость, жизнелюбие, восторженность.

Ламартин писал о Бальзаке: «При нём было невозможно не быть весёлым; ребяческая живость была характерной его чертой». Готье обрисовал это его свойство более подробно:

«Он был пылок, красноречив, неотразимо увлекателен. Все обычно замолкали, чтобы его послушать, и потому разговор с ним быстро превращался в монолог. Хотя то было время печальных, как плакучая ива,

разочарованных и хнычущих байронистов, Бальзак был полон той здоровой, крепкой весёлости, которая, предположительно, была свойственна Рабле, а у Мольера присутствует только в его пьесах».

Помимо светских салонов у него были ещё ужины — мальчишники, на которых литературные споры изобиловали каламбурами, солёными шутками и громким хохотом. Со временем Бальзак стал большим мастером создавать непринужденную обстановку дружеского застолья. Именно в таких картинах он представил читателю историю банкира Нусингена.

Многочисленные приятели, успехи в свете, газеты, издатели, охотно его печатавшие... Какой реванш за те трудные годы, когда его одна за другой преследовали неудачи! Его отцу не довелось стать свидетелем успеха сына. Бернар Франсуа Бальзак умер в 1829 году на восемьдесят третьем году жизни. Его теория долгожительства помогла ему, но к концу своих дней он превратился в болтливого старика, чей неисправимый оптимизм на деле скрывал всё более обострявшееся себялюбие.

Зато Оноре имел удовольствие наблюдать, как его миловидная мать стала смотреть на него по-другому, как только обозначились признаки его успеха. Она подобрела к нему и стала помогать по хозяйству. К тому же после ликвидации печатного дела молодой писатель стал постоянным кредитором семьи.

В эти годы Бальзак был удачлив и как мужчина. Он продолжал отношения с Лорой де Берни и с Лорой д'Абрантес, которую решил перекрестить в Мари, решив, что мать, сестра и две любовницы — многовато Лор на одного. В объятиях Лоры де Берни Бальзак познал все секреты любовных удовольствий, и та делала всё, чтобы в этом отношении оставаться для него незаменимой. К тому же она была ему верной подругой, наперсницей и в чём-то заменяла мать. Она была ему нужна, но порой он от неё уставал. Она одаривала его такой горячей нежностью, которая на некоторых мужчин наводит страх — они боятся в ней задохнуться. Бальзак иной раз замечал в себе внезапное охлаждение к любовнице, стремление убежать, побыть одному или, как он выражался, «охоту прогуляться».

При этом ему надо было соблюдать осторожность. Хотя Лора де Берни более или менее смирилась с тем, что этот молодой талант принадлежит не ей одной, ему следовало всё же не доводить дело до того, чтобы две его дамы столкнулись лицом к лицу у его дома на улице Кассини.

Тем не менее он жил с обеими, словно какой-нибудь паша. То его видят в Булоньере близ Немура с Лорой де Берни, а немного погодя он уезжает оттуда вместе с госпожой д'Абрантес в Мафье, что севернее Парижа, откуда направляется в Турень, в Гренадьер, чтобы вновь встретиться с Лорой де Берни. Как раз оттуда они в 1830 году вдвоём проплыли на корабле вниз по Луаре до её устья. Все эти места он потом опишет в своих романах.

У молодого романиста всё шло впрок, а женщины были для него в

некотором смысле источником информации. Его сюжеты и персонажи не выходили готовыми прямо у него из головы. Из рассказов своих любовниц, которые многое пережили, он собирал забавные случаи, особенности поведения тех или иных людей. Благодаря им он исследовал женскую психологию, нередко столь загадочную для мужчины. В этом деле ничто не может заменить непосредственного опыта, поэтому Оноре не упустил случая прибавить к своим охотничьим трофеям миловидную Олимпию Пелисье, любовницу одного из своих друзей, ставшую позднее госпожой Россини.

А ещё была Зюльма Карро, ещё одна версальская приятельница его сестры Лоры де Сюрвиль и её мужа. Он познакомился с ней в то же время, что и с Лорой д'Абрантес. Она была женой офицера, переведённого вскоре в Ангулем. Эта умная и образованная женщина, за которой молодой автор начал ухаживать, предпочла остаться его другом, о чём сразу твёрдо ему заявила. Она устояла и после нескольких следующих его попыток, так что ему пришлось согласиться на роль просто друга семьи. Они стали переписываться, он не раз приезжал к ним в гости. Зюльма тоже испытывала к нему материнские чувства, в которых он так нуждался, старалась убедить его вести себя благоразумно, беспокоилась по поводу его рассеянной парижской жизни и даже пыталась устроить его женитьбу на какой-нибудь провинциальной невесте, чтобы наладить спокойное и размеренное существование — идеальные условия для продолжения его труда. Бальзак остался глух к таким советам. Он вовсе не спешил потеряться где-нибудь вдали от Парижа в компании преданной супруги, которая надоела бы ему уже через два месяца.

Зюльма Карро издали, но с некоторой тревогой следила за новым любовным приключением молодого романиста — на сей раз с маркизой де Кастри.

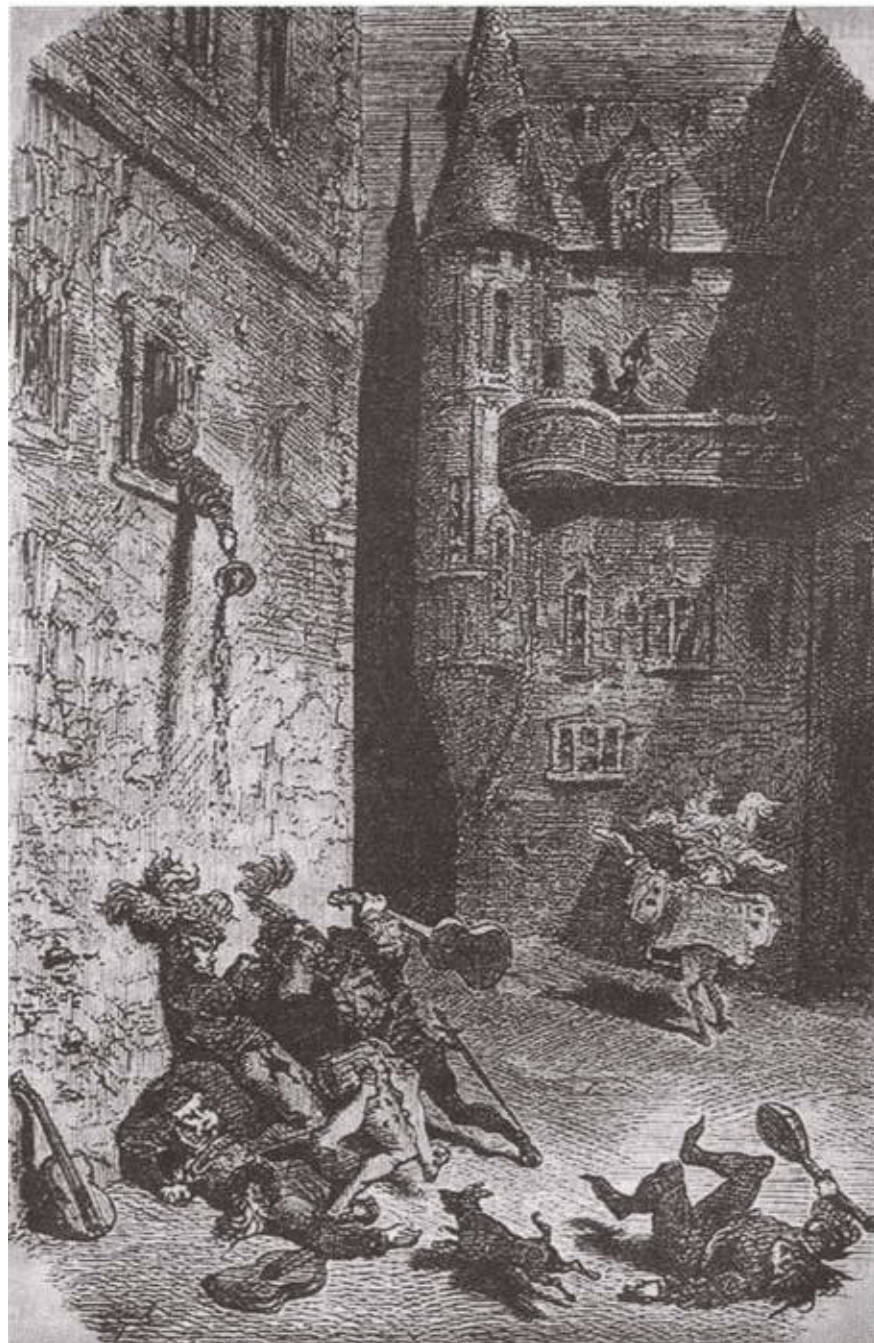

Иллюстрация Г. Доре к «Озорным рассказам»

История началась в 1831 году, когда эта дама из высшего света написала Бальзаку анонимное письмо, исполненное бурного восхищения его талантом. Он ей ответил, после чего она согласилась открыться. Ей было 35 лет, и она принадлежала к высшей аристократии легитимистского

направления. С 1822 по 1829 год она жила отдельно от мужа со своим любовником, сыном австрийского канцлера Меттерниха, пока он не умер. После падения с лошади она получила лёгкое увечье, но от этого не стала менее соблазнительной. Бальзак сразу же увлёкся ею, равно как и титулом, который она носила. Дворянство времён империи, к которому относилась Лора д'Абрантес, было для него началом, а госпожа де Кастри — это уже дворянство настоящее, старорежимное, обитающее в почтенных особняках Сен-Жерменского предместья.

Можно было подумать, что он выбрал для этого неудачный момент. В июле 1830 года после опубликования ордонансов, ограничивавших свободу печати, произошёл взрыв народного возмущения против политики Карла X. Его любимчик министр Полиньяк полагал, что ему покровительствует сама Святая Дева. Но у неё, по-видимому, на этот счёт было иное мнение, и режим рухнул всего за три дня. Герцог Орлеанский под именем Луи Филиппа I заручился поддержкой (в том числе высших банкирских и деловых кругов), достаточной для того, чтобы предложить французам конституционную монархию. Буржуазная Франция праздновала победу. Её ставленник, «король баррикад», впоследствии без колебаний топил в крови народные выступления. Что касается родовой аристократии, то ей не оставалось ничего другого, как гордо удалиться в свои старинные интерьеры.

И всё же авторитет высшего света сохранялся. Оноре, сын чиновника и внук крестьянина с юга страны, был счастлив приобщиться к этому кругу. Под нежными взглядами маркизы де Кастри и под воздействием интереса и уважения, которые проявляли к нему её друзья, он очень скоро почувствовал себя монархистом и католиком.

Тем не менее Генриетта — так звали маркизу — не уступала его притязаниям на неё и объявила о своём намерении отправиться в Савойю, в Э-ле-Бен. Несколько огорчённый Бальзак рассудил, что это только отсрочка, и тоже оставил Париж и уехал в Ангулем, где поделился тайной своей новой страсти с Зюльмой Карро.

Его добрая приятельница обеспокоилась. Дело было в 1832 году. Не прошло и двух лет со времени свержения Карла X, как некая группа легитимистски настроенных активистов, собравшаяся вокруг невестки госпожи де Кастри герцогини де Берри, своенравной представительницы рода неаполитанских Бурбонов, задумала посадить на трон её юного сына, графа Шамборского. Полиция зорко следила за этими интригами. Предстояли аресты. В это дело оказалось замешанным и окружение маркизы де Кастри. Стоило ли Оноре связываться с этим осиным гнездом!

Зюльма пыталась его отговорить.

Возможно, писатель и послушался бы её совета, согласись она отдаться ему. Он был настойчив и почти открыто заявил, что подозревает её во фригидности. Но Зюльма упорно ему отказывала, тогда как госпожа де Кастри дала ему понять, что он может приехать к ней в Э-ле-Бен. Решив, что это её приглашение уже есть знак согласия, он покинул Ангулем, пересёк Центральный массив и остановился в одной из гостиниц савойского города.

В течение нескольких недель он ежедневно встречался с очаровательной маркизой и её дядей герцогом Фитц-Джеймсом. Он согласился сопровождать их в путешествии. Но в октябре, находясь в Женеве, она вдруг резко и окончательно дала ему понять, что никогда не будет принадлежать ему.

Крайне удручённый, Бальзак отказался следовать за нею в Италию и решил вернуться в Париж. Он горько страдал, будучи не в силах понять поведения этой женщины, которая искусно распаляла в нём желание только ради того, чтобы затем оглушить бесповоротным отказом. Он долго не мог избыть унижения и обиды. На следующий год он позволил себе месть, которой дал название «Герцогиня де Ланже».

Почему Антуанетта де Наварен, герцогиня де Ланже так решительно отказалась уступить желаниям бедняги Монриво, которого сама же так ловко приманила? Автор безжалостно намекал читателю на психологическую неспособность Антуанетты принять чувственную любовь. «Надо считать её девственницей, иначе пришлось бы призвать её чудовищем», — замечает он. Девственница? Но ведь Антуанетта замужняя женщина. Правда, за стариком... Тайна Антуанетты останется неразгаданной. «Ради чести Сен-Жерменского предместья не следует раскрывать тайны его будуаров, где от любви ожидали всего, кроме того, что могло любовь доказать», — жестоко заключил автор. И всё же, отвергнутая своим воздыхателем Монриво, которому достало смелости порвать с ней, она наконец его полюбила!

Этот личный реванш оказался жестоким. Маркиза де Кастри дорого заплатила за свои отказы Бальзаку, войдя в его библиографию. «Всё идёт в живот», — гласит народная поговорка. У Бальзака всё шло в творчество. В романе содержится и политический подтекст. В образе главной героини Бальзак хотел показать траченную временем, холодную, эгоистичную аристократию, не способную понять, что времена изменились и ей самой суждено сойти со сцены. Если как человек Бальзак был увлечён пристанищем старой знати (он даже подумывал о том, чтобы под знаменем

легитимистской партии баллотироваться в депутаты), то писатель видел его суть с неумолимой ясностью.

Что же касается его любовной неудачи, то вскоре он утешился в объятиях некой Марии дю Френе, которая в конце 1833 года родила ему ребенка. В своём отцовстве Бальзак не сомневался.

ОТ «ЕВГЕНИИ ГРАНДЕ» К «ОТЦУ ГОРИО»

Из поездки в Савойю Бальзак привёз ещё один роман, «Сельский врач», который говорит многое о тех побуждениях, что склоняли его к писательскому труду.

Герой книги — врач Бенаси, поселившийся по неизвестным причинам (в дальнейшем, конечно, выяснится, что причиной была любовная драма) в глухом горном селении. Он стремится к филантропической деятельности с целью способствовать общественному прогрессу. Он организует борьбу против кретинизма, в который впали многие жители тех мест, пытается наладить там ремесленные производства, привести убогое, обездоленное население к процветанию. Читатель узнаёт множество подробностей, относящихся ко всем этим явлениям, становится свидетелем долгих разговоров, в которых выясняется опасность всеобщего избирательного права и содержатся призывы к возрождению элиты. «Сельский врач» — это настоящий политический памфлет. В этой утопии Бальзак излагал свою доктрину некоего просвещённого консерватизма, при котором религия призвана привить народу нравственность, а мудрая прозорливость властей — обеспечить ту меру благополучия, при которой он больше не думал бы о бунте.

К политическим идеям писателя мы ещё вернёмся, пока же следует отметить, что с этой первой из будущих «Сцен сельской жизни» в авторе крепло стремление не только описывать общество таким, какое оно есть, но и указывать способы излечить его от недугов, которыми оно страдает. Романист выступает здесь в роли не просто рассказчика историй из жизни, но и мыслителя. Поистине, роман — дело нешуточное!

«Сельский врач», которому автор придавал такое большое значение, грешит некоторой тяжеловесностью. Писатели часто с упорством выказывают особое пристрастие к тем или иным своим произведениям, которые, по всеобщему мнению, менее удачны.

Но, как бы то ни было, в том же 1833 году Бальзак работал ещё над одним романом, который принёс ему гораздо большую славу.

«В некоторых провинциальных городах встречаются дома, вид которых внушает меланхолию, подобную той, какую наводят на нас самые угрюмые монастыри, самые унылые степи и самые печальные руины. В

этих домах, кажется, разом поселились и безмолвие старинных обитателей, и неприютность степей, и камни руин, ибо жизнь и движение в них столь спокойны, что человек посторонний не поверил бы, что они обитаемы. Если бы внезапно не встретил холодный, бесцветный взгляд какой-нибудь неподвижной, напоминающей монаха фигуры...»

Роман «Евгения Гранде» стал одним из самых знаменитых его произведений — из тех, которые, по мнению потомков, символизируют всё его творчество. Конечно, такой славой он обязан и тому, что его включали и доныне постоянно включают в программы школьного чтения. Но ему сопутствовал большой успех уже после первой публикации. Позднее романиста даже раздражало, когда его представляли только как автора «Евгения Гранде».

Приведённые выше первые строки романа — это не просто один из самых поразительных и самых характерных для авторской манеры Бальзака зачинов. Это словно касание смычка, которое задало тон тому, что стало видением провинции в общем ансамбле «Человеческой комедии».

Бальзак хорошо знал провинцию, всегда ею интересовался, он в ней родился и вырос. Со слов своего отца, который был одним из высокопоставленных чиновников города Тура и, как уже упоминалось, некоторое время заместителем мэра, Оноре уже с юных лет имел возможность познакомиться с тамошними интригами, борьбой интересов, с характерными персонажами. Позднее он бывал в Байё у своей сестры Лоры, наезжал в Ангулем и часто возвращался в Турень. Там, а также в Вильпаризи, довольно глухом местечке департамента Сена-и-Марна, он впитал в себя мир крестьянства. Читатель, познакомившийся с его парижскими картинами, вправе был ожидать от него и сцен из жизни провинции. Здесь сказывался энциклопедический подход писателя к делу. Мало того, Бальзак не сомневался, что жизнь провинции может стать для романиста богатейшим источником сюжетов. Богатейшим и, по существу, неисследованным.

Без преувеличения можно сказать, что этими первыми строками «Евгения Гранде» французская провинция вошла в литературу. Бальзак изобрёл французскую провинцию, как Гоголь изобрёл Санкт-Петербург, — изобрёл, то есть открыл. То, чего не замечают художники, существует как бы условно, и, лишь будучи отражённой в произведениях искусства, реальность приобретает смысл и значение.

От романа к роману Бальзак возвращался в провинцию, и всякий раз это было конкретное, точно обозначенное место. Поездки Бальзака за пределы Франции не давали ему такой пищи для творчества. Ему

предстояло побывать в Швейцарии и Италии, Германии и Польше. Он познакомился с Женевой, Веной, Петербургом, Берлином, Дрезденом, Неаполем, Римом... Но его не особенно вдохновлял космополитизм привилегированных классов, тот вкус к туризму, о котором впервые сатирически высказался Мериме в «Коломбе». Он чувствовал себя на своём месте лишь в парижских переулках, в лавочках квартала Марэ, в особняках Сен-Жерменского предместья, во французских городках, где обмениваются презрительными взглядами легитимисты и либералы, в поместьях и салонах, посещаемых священниками-интриганами, судьями, кандидатами в депутаты, молодыми охотниками за богатыми невестами, тайными любовниками; в местах, где царила рафинированно-удушающая учтивость, где, играя в вист, подсчитывали про себя сумму приданого или ренты, где вежливость и элегантность маскировали ядовитые уколы и жгучую ненависть.

Иллюстрация к роману «Евгения Гранде»

Всё это было обещано читателю несколькими ритмичными фразами зачина «Евгении Гранде»: тишина, тягучесть времени, почва, на которой вырастают утомительные пересуды и мелкие интриги, где сумрачно протекает ограниченная, предопределённая социальными и семейными

условиями и без какой-либо надежды вырваться из них — жизнь обывателей. Эта едва различимая голова, показавшаяся за оконной занавеской, стала первым знаком целого мира, который долго будет вдохновлять романистов после Бальзака. Это уже провинциальный мир и Гюстава Флобера, и Марселя Пруста, и Франсуа Мориака, Жоржа Сименона и Жюльена Грина.

В этом тихом и тусклом Сомюре, в тёмном, ветхом, укрывшемся за оградой доме Гранде он поселил непонятую, отверженную женщину (вероятно, такой образ также впервые был выведен им во французской литературе), чьи надежды и устремления, которые она переживает с тоской или воодушевлением, будучи сама не способной ни понять их, ни умерить, столкнулись с полным безразличием окружающих. В этой героине Бальзака проявился его феминизм. «Евгения Гранде» — это история женщины, которую лишили права выбора, права жить (о том, чтобы испытать счастье, даже и речи быть не могло, — такое понятие отсутствует в мире бальзаковских персонажей), сразу и навсегда подчинив тирании барыша, воплотившуюся в её отце. Эмма Бовари, Тереза Декейру, Адриена Мезюра, Элизабет Донж — эти женщины, попавшие в капкан игры, в которую они вынуждены играть, не зная её правил, и проигрывающие свою партию, едва её начав, во многих отношениях — вечные сестры Евгении, чьё благозвучное имя словно наталкивается на грубоватую и краткую фамилию Гранде.

Поговорим немного об этом мелком тиране, который полностью подчинил своей воле не только дочь, но и жену, и колоритную прислугу Нанету, с которой он обращался как с домашней скотиной, а та отвечала ему безупречной преданностью. Папашу Гранде несколько поспешно охарактеризовали как «тип скупца». Но в нём есть много другого помимо скупости.

Прежде всего — это энергия и ум. Энергия того однонаправленного свойства, что характерна для персонажей Бальзака. Она часто бывает извращённой, но при этом она незаурядна. «Если бы хозяин Сомюра метил выше, если бы благоприятные обстоятельства <...> занесли его туда, где обсуждаются судьбы наций, и если бы он употребил там свой гений, который он выказывал в делах личной выгоды, то можно не сомневаться, что он бы принёс Франции чрезвычайную пользу», — рискнул предположить автор. Гранде — это человек, у которого железная воля сочетается с редкостным терпением и хитростью. В 1789 году он был бочаром и понял, какую пользу для себя можно извлечь из революционных волнений. Он ставил сразу на каждую из враждующих сторон, скупал

национальное имущество, негласно поддерживал «бывших», поставляя при этом продовольствие республиканским войскам, не упускал возможностей — во времена, когда был мэром, — «построить в интересах города отличные дороги, которые вели в его владения». Службу он оставил без сожаления: подобно Гобсеку, ещё одному одержимому деньгами, он презирал политику. Этот по-своему недюжинный человек инстинктивно понимал, что страсти остывают, власти меняются. Сам же он, не привлекая внимания посторонних, с крестьянским лукавством человека, твёрдо знающего, что никогда не следует прямо говорить, а уж тем более писать «да» или «нет», торил свою дорогу. Одна его особенность даёт полное представление об этом характере: как только он начинал какой-нибудь коммерческий или денежный разговор, то тут же притворялся заикой, чтобы утомить и лучше обработать собеседника.

Через эту фигуру выявляется глубокий историзм творчества Бальзака. Это не костюмная история, а настоящая, та, движение которой предопределяет людские судьбы. Если бы не было Революции, Империи и Реставрации, история Гранде не состоялась бы. Его замысел — разбогатеть и устроить своей дочери престижное замужество — без этого не мог бы возникнуть. Исполнение такого замысла возможно только в мобильном обществе, где перемена социального статуса допустима в широких пределах, где можно мечтать о чём угодно. Для того чтобы бочар из Сомюра мог выдать свою дочь за какого-нибудь господина де***, отрубили голову королю и потрясли всю Европу. Гранде в гораздо большей степени, чем может себе представить этот практичный мужчина, которого не интересуют и не задевают абстрактные идеи, порождение своего времени. В известном смысле этот образ позволяет понять пристрастие французов к своей Революции, которое сохранится у буржуа времён Республики. Он принадлежит к тому классу, который от Революции выиграл.

Впрочем, не только персонажи Бальзака, но и сам его роман был бы немислим, не случись Революции. За какую-то четверть века общественное положение, собственность, чины, состояния французов существенно изменились, породив новые интересы, новые страсти и типы поведения. Перед Бальзаком предстала сама история, мир, который надо было описать. Если до него этого никто не сделал, то потому, что такого мира раньше не существовало.

Вслед за «Евгенией Гранде» в том же году был написан «Прославленный Годисар» — забавный портрет коммивояжёра на фоне городка Вувре, а годом раньше, во время пребывания вместе с Делектой в Шантийи, — «Турский священник». «Покинутая женщина», «Послание» и

«Гренадёрша» дополнили два тома «Сцен провинциальной жизни», вышедшие из печати в 1833 году. Обе серии — провинциальная и столичная — должны были стать частями единого цикла «Этюды нравов XIX века», на который Бальзак подписал договор.

Его писательская жизнь в ту пору вошла в ритм, который сохранился до самого конца. Подгоняемый хронической нехваткой денег, он спешил от одного контракта или заказа к другому. Но теперь он уже знал, что эта непрерывная работа ведёт его к созданию чего-то большого, части которого представлялись ему всё более отчётливо. Конечно, критика его не жаловала. Умные головы находили его стиль напыщенным, претенциозным, тяжеловесным, местами неуклюжим. Подобные упрёки иной раз ему адресуют и в наши дни. Но публика читала его с увлечением, многие захлёб. О восторге читателей свидетельствуют их письма автору, многие из них — от женщин, которых восхищала точность его наблюдений и суждений об их психологии, чувствах, о браке, о любви.

Он с наслаждением вдыхал фимиам, который они ему курили, и отвечал им со всевозможной учтивостью. Но при этом не спешил завязывать со своими корреспондентками личные знакомства из опасения встретить какую-нибудь сумасбродку или вздорную особу, — как, на беду свою, он познакомился с госпожой де Кастри.

28 февраля 1832 года он получил письмо от одной своей почитательницы из Одессы, что само по себе польстило его самолюбию: стало быть, его знают уже на северном побережье Чёрного моря! Корреспондентка, выразившая ему знаки истинного почитания, подписалась романтически: Иностранка. Это письмо остановило его внимание...

1834 год тоже был у него урожайным, причём на сочинения разного рода. В «Серафите» он пошёл на поводу у своего демона философии и спиритуализма. Бальзак был убеждён, что его творчество должно затронуть всё, создаваемая им картина всё в себя вобрать, отразив самую приземлённую действительность, но и проникнув в мир невидимого. Существо, именем которого названа книга, — двойственной природы, андрогин, полумужчина, полуженщина. В мужском обличье (Серафитус) оно очаровывает юную дочь пастора Минну, тогда как в женском воплощении увлекает возлюбленного Минны Вильфрида. Но Серафитус-Серафита, утолив зов плоти, оттолкнёт обоих. Он соблазняет людей ради того, чтобы они поняли ограниченность земной жизни, собственное несовершенство и устремились к миру потустороннему.

Место действия — Норвегия. Кругом снег и ели. Читатели не были в

восторге от этого опуса романиста. Спиритуализм Бальзака обернулся смутным, маловыразительным символизмом. Сам же автор был убеждён, что это самая важная из его книг. По крайней мере. В этом он уверял Еву Ганскую, которой посвятил «Серафиту». Но не будем забежать вперёд...

В трилогии «История тринадцати» сказалось ещё одно из его увлечений — обострённый интерес к тайным обществам. Не раз отмечалось, что в своих представлениях о жизни социума Бальзак всегда отводил место неким тайным силам, действие которых иногда имеет более серьёзные последствия, чем результаты видимых акций и событий. Его стремлению к успеху и доминированию импонировала идея солидарного обретения влияния и власти. Отец Бальзака был масоном. Позднее сам он с несколькими друзьями основал тайный клуб «Красный конь» с целью в короткое время обеспечить его членам безраздельную гегемонию в прессе и литературном мире. Похоже, что в такую возможность верил только он один, да и то совсем недолго.

Малоэффективная на практике, идея эта совсем иначе реализовалась в романе. Там заговорщики вырабатывают свою стратегию власти, устраивают банкротства, создают и губят репутации. А при этом всего лишь занимаются кое-какими женскими историями. Триптих «История тринадцати» интересен другим — фигурой де Марсе, чудовищного честолобца, архивоплощения человека власти в «Человеческой комедии», непроницаемого циника, который будет появляться и в других романах. Эта фигура маячит вдали, на заднем плане, где угадываются сумрачные кулисы. В сущности, происки тринадцати удаются им потому, что про них не многое известно... Создав позднее образ Вотрена, Бальзак вновь обратился к теме тайной власти, которая, впрочем, привлекала и других романистов его времени. Эдмон Дантес, превратившийся в графа Монте-Кристо, и бывший каторжник Жан Вальжан в облике солидного добряка господина Мадлена в некотором смысле — родные братья Вотрена. Таким образом, «История тринадцати» сыграла роль одной из точек притяжения, присущих бальзаковскому миру.

«Златоглазка» (третья часть трилогии после «Феррагуса» и «Герцогини де Ланже») раскрывает ещё одну черту романиста: его интерес к разнообразным, порою самым таинственным формам сексуальности и эротики. Любовник куртизанки по имени Пакита Анри де Марсе замечает, что эта соблазнительная девица обманывает его с маркизой де Сан-Реаль, порочным созданием, будто сошедшим со страниц книги Лакло. Затем Марсе узнаёт, что эта самая маркиза — его сводная сестра. Пакита же, будучи любовницей обоих, в каком-то смысле верна одной крови или

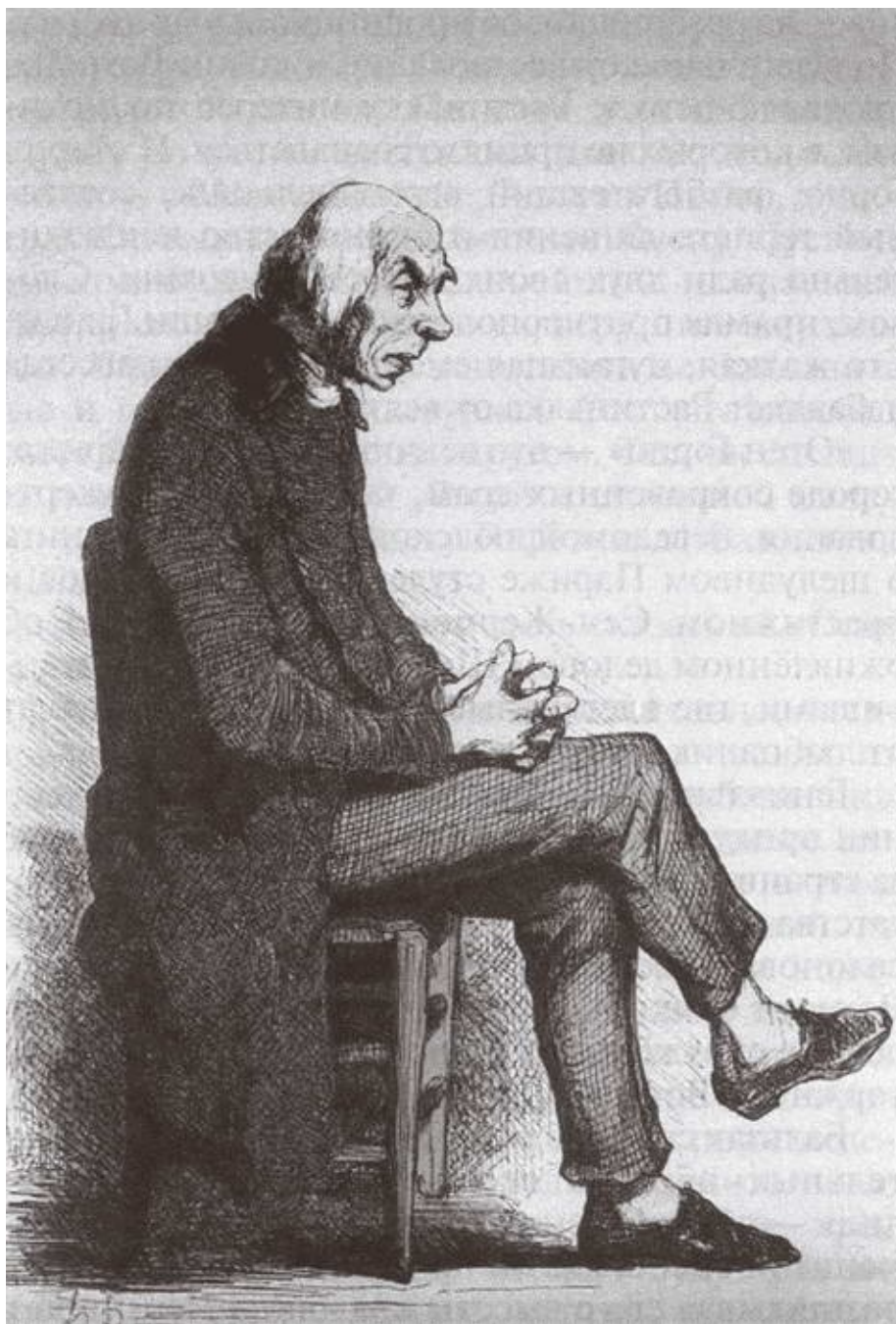
влюблена как бы в одно существо, но в двух воплощениях.

В это же время им была написана такая сильная вещь, как «Поиски абсолюта». Мотив навязчивой идеи, всемогущей и разрушительной мании, прозвучавший ранее прозаическим примером папаши Гранде, здесь даёт о себе знать уже в судьбе личности с научным складом ума. Главный герой повести Валтасар Клаас, прототипом которого автору послужил Бернар Палисси^[2] (мастер-керамист XVI века), мечтает открыть субстанцию, которая присутствует во всех веществах растительного и животного миров. Ради этого открытия он жертвует всем, что у него есть, разоряет собственную семью и, уже умирая, восклицает: «Эврика!» Клааса можно считать собратом двух погубивших себя художников: живописца Френхофера, персонажа повести «Неведомый шедевр», вечно недовольного собой искателя идеальной красоты, на картине которого в конце концов осталось лишь бесформенное месиво красок, где проступало изображение ноги, и Гамбара, музыканта из романа с одноимённым названием, который вознамерился открыть универсальные законы гармонии. Эти персонажи проявляют энергию и волю до такой степени накала и сублимации, что погибают от этого.

Дано ли человеку предвидеть свою судьбу? Создаётся ощущение, что Бальзак описывал этих несчастных, опустошённых слишком мощной идеей, с иступлением, в котором таился страх. Во всяком случае, об этом заставляет думать сравнение их с судьбой самого Бальзака, раздавленного у подножия своего незаконченного творения, которое отняло у него все силы... И как не заметить, что некоторые из букв, составляющие имя Бальзака, присутствуют в написании имени Валтасара Клааса.

Здесь мы вновь видим в Бальзаке романиста-романтика, влюблённого в тайну во всех её проявлениях, исходит ли она из невидимых миров, от человеческих происков или же от безумия, порождённого мечтой о каком-то абсолюте.

Но тут же появляется другой Бальзак — писатель, рисующий мир таким, какой он есть, открывающий нам изнанку видимого, когда он уже не ищет её в самой заурядной действительности. В 1834 году появился ещё один его шедевр — «Отец Горио».

Папаша Горио. Иллюстрация О. Домье к роману «Отец Горио»

*

Надо ли напоминать читателю сюжет и персонажей этого романа, одного из самых мощных и сумрачных его произведений? Неприятный и

тоскливый пансион Воке на холме Святой Женевьевы. Растиньяк, новичок в Париже, молодой человек из разорившихся провинциальных дворян. Полулегальное существование и козни Вотрена, проявляющего к Растиньяку интерес по мотивам, в которых не принято сознаваться. И старик Горио, разбогатевший вермишельщик, согласный терпеть лишения и одиночество исключительно ради двух своих дочерей-чудовищ. Словом, прямая противоположность папаши Гранде. Его жалкая, пугающая смерть, которая навсегда избавляет Растиньяка от всяких иллюзий.

«Отец Горио» — это великий роман о Париже, городе сокровенных драм, тайного самопожертвования, неведомой людской низости. Это книга о шелудивом Париже студенческих кварталов и престижном Сен-Жерменском предместье, об оживлённом деловом Шоссе-д'Антен с его нуворишами, где элегантные красивые дамы спешат от любовников к ростовщикам...

Гениальность автора проявилась здесь в умении придумать такую интригу, которая страница за страницей ведёт читателя сверху вниз — от богатства и роскоши к бедности и нужде, от блеска салонов, изысканных ужинов к столу мамыши Воке, от банкира Нусингена, купающегося в золоте и окружённого гризетками, до беглого каторжника Вотрена.

Бальзак создал в романе один из самых значительных образов всей «Человеческой комедии» — образ Эжена Растиньяка, который в знаменитой сцене, где он приценивается к Парижу, разглядывая его с высоты кладбища Пер-Лашез, сделал свой окончательный жизненный выбор: цинизм и честолюбие. Растиньяк часто появляется в «Человеческой комедии». После продолжительной связи с Дельфиной де Нусинген он женится на её дочери Огюсте, получив в приданое золотой мешок. По ходу дела он заводит дружбу со всеми светскими львами, модными денди — с Марсе, Дютийе, Аджуда-Пинто, а также с циничными журналистами Бисиу, Лусто и им подобными. Обаятельнейший и опасный Растиньяк завершит свою карьеру, став министром. Впрочем, фигура эта отнюдь не однозначная и вовсе не карикатурная. Этот честолубец умеет быть и преданным другом. Так, он спешит на помощь — в своей лёгкой и циничной манере — впавшему в нищету Рафаэлю де Валантену («Шагреновая кожа»).

Это не всё, что следует здесь сказать об «Отце Горио».

«Можете меня поздравить: решительно, я становлюсь гением» — промелькнуло в одном из писем Бальзака Лоре незадолго до публикации романа. Что он имел в виду? Своё великое открытие, которое он впервые применил в этом произведении, — возвращение персонажей из книги в

книгу? По-видимому, интерес к этому приёму появился у Бальзака, когда он вывел в романе госпожу де Босеан, которую за три года до того описал в «Покинутой женщине». Распространив его потом на десятки других произведений, он открыл для себя головокружительные творческие перспективы. Его парижские, провинциальные и сельские «сцены» будут уже не просто сериями отдельных картин, но частями одной большой панорамы. Из романа в роман станут кочевать те или иные, уже знакомые читателю персонажи, и он будет всякий раз узнавать о них что-то новое. Врачи, нотариусы будут посещать разные семьи, как это происходит и в жизни. Появятся десятки романов, каждый из которых как цельное сочинение может быть прочитан отдельно, но все вместе они описывают одно общество, один мир, населённый теми же самыми людьми — лавочниками, журналистами, дворянами, буржуа, куртизанками, священниками, которые живут бок о бок и встречаются друг у друга на пути.

Конечно, всё это может привести к большой путанице. Может, например, случиться, что читатель о каком-то персонаже что-то, что было с ним прежде, узнает позднее. Но, как объяснял сам Бальзак в одном из писем Эвелине Ганской, именно таким образом мы узнаём что-то о людях в реальной жизни: «В хронологической последовательности вы можете рассказывать только историю, случившуюся в прошлом, что неприменимо к настоящему, которое протекает у вас на глазах». Догадывался ли Бальзак в какой-нибудь момент молниеносного видения этого вечно движущегося сочинения, что ему не суждено его закончить?

Госпожа Воке. Иллюстрация О. Домье к роману «Отец Горио»

Это открытие писателя имело и другое следствие. Романы, уже написанные им до того, как он придумал эту систему, приходилось править, чтобы они вписывались в ансамбль. К тому же надо было изыскивать способы возвращения уже известных читателю персонажей. Отныне по

ходу переизданий Бальзак будет переписывать тексты, менять имена и роли. Постепенно сеть взаимоотношений сотен действующих лиц будет становиться всё более обширной, и автору придётся следить за тем, чтобы всё это было согласовано в целом. То была хитроумная игра, поскольку речь шла не просто о литературных персонажах, но об определённых характерах, типах, и, следовательно, нельзя было допускать, чтобы из-за их многочисленности кто-нибудь из них случайно попал в чужое амплуа. При этом каждый из них должен был сохранить свою неповторимую индивидуальность. Биротто, если угодно, олицетворяет собой мелкую торговлю, но в то же время он Цезарь Биротто, а не кто-либо другой. Он одновременно и типичен для известного класса людей, и единственный в своём роде. Вся панорама должна была производить впечатление множества существ в постоянном движении, занятых своими делами, страстями, интригами — с бесконечным разнообразием качеств и их оттенков, присущих живым людям.

Именно это составляет главную особенность мира Бальзака и придаёт ему глубину. Каждый представленный в нём тип есть окно, открытое в этот мир, и всегда — под другим углом зрения. Каждый роман — это фрагмент одного гигантского романа, в котором пересекаются сотни сюжетов и судеб. Действующие лица первого плана в одном романе отделены пространством и временем от героев другого. У читателя каждый известный ему персонаж, появляясь в другом произведении, создаёт впечатление, будто он живёт своей собственной, независимой от произвола автора жизнью. Бальзаковский мир оставляет ощущение трёхмерности.

И всё это исполнено с впечатляющим размахом: из двух тысяч персонажей сотни романов и новелл «Человеческой комедии» около шестисот появляются в ней по меньшей мере дважды. Придирчивые исследователи обнаруживают некоторые анахронизмы, неувязки с возрастом. Так, внимательное прочтение «Шагреновой кожи» даёт основание сделать вывод, что появляющийся там Растиньяк, учитывая время действия романа, не соответствует по возрасту Растиньяку из «Отца Горио». Но, чтобы узнать его, достаточно к нему присмотреться: это тот же самый честолобивый и циничный Растиньяк, каким он остался в памяти читателя.

Это бальзаковское открытие имело ещё одно следствие. Бальзак, понемногу входя в созданный им мир, начинал жить рядом со своими персонажами. Он давал им имена, случайно найденные во время прогулок, и уверял, что персонажи романа более достоверны, когда они носят имена реальных людей. «Я нашёл имя Матифа на улице Перль в Маре, —

рассказывал он в письме сестре, — и уже вижу моего Матифа. У него довольно бледное кошачье лицо, слегка полноват...» После этого «его» Матифа стал для него более реальным субъектом, чем тот неизвестный парижанин, которого так звали. Отныне автор жил бок о бок со своими персонажами и не мог уже от них отделаться. Однажды он объявил: «Я еду в Алан-сон, где живёт мадмуазель Кормон». В письмах он говорил о событиях, излагаемых в его книгах, так, словно они происходили в действительности. «Знаете, на ком женился Феликс де Ванденес? На одной из девиц Гранвиль. Для него это превосходная партия, ведь Гранвили богаты...» В другой раз, когда его сестра заинтересовалась каким-то второстепенным персонажем «Урсулы Мируэ», он совершенно серьёзно ответил ей: «Я не знал господина Жорди до его приезда в Немур».

Бальзак углубился в лес, из которого так и не вышел.

ВРЕМЯ «ИНОСТРАНКИ»

В феврале 1834 года в Женеве Бальзак стал любовником госпожи Ганской.

Нам следует вернуться к той бурной, напряжённой жизни, которую он вёл в течение предшествующих двух лет: от романа к роману, от одной женщины к другой, от кредитора к издателю. К той исполненной нетерпения жизни, что преждевременно истощила его силы.

Мы уже упоминали эту таинственную «Иностранку», чьё письмо остановило его внимание. Второе послание от неё он получил спустя несколько месяцев, в ноябре. В нём она предлагала ему подтвердить получение письма с помощью закодированного объявления в газете «Ла Котидьен». Бальзак так и сделал. Его корреспондентка подсказала ему, как он сможет, если того пожелает, писать ей: помещать письма в двойной конверт с адресом гувернантки её дочери.

Бальзака захватила эта романтическая игра. «Я люблю Вас, незнакомка», — признался он уже в третьем своём письме. К тому времени она уже раскрыла своё инкогнито. Она родилась в 1801 году на Украине в семье польских аристократов Жевусских, вышла замуж за богатого графа Венцеслава Ганского, владельца имения Верховня с 21 тысячей гектаров земли и тремя тысячами крепостных. Из пятерых детей, рождённых в этом браке, четверо умерли, в живых осталась одна дочь Анна.

Вотрен и Растиньяк. Иллюстрация О. Домье к роману «Отец Горио»

Бальзак был очарован. Его трогало всё, что она писала о его творчестве. Постепенно его письма к ней становились подобием дневника. Он описывал в них свои непрестанные труды, поверял свои заботы (например, сообщал о неуспехе «Луи Ламбера» в 1833 году). Иногда он

немного рисовался. «Припишите, мадам, всё то, что вас шокирует в моих книгах, необходимости сильнее поразить пресыщенную публику...» Или ещё:

«Я был поглощён изнурительной работой и сильнейшей тоской. Надо заставить молчать и тоску, и работу. Только Богу да мне ведомо, какая невероятная энергия требуется для того, чтобы сердце, полное невыплаканных слёз, было способно на литературные труды <...> Мне уже доводилось переносить добровольное заточение ради учёбы или по бедности, а теперь тюремщиком мне стали мои печали».

Она между тем использовала свои связи среди парижских поляков, чтобы побольше узнать о нём. Правду ли говорят, что Бальзак человек светский и большой вертопрах? И что там на самом деле у него было с этой маркизой де Кастри, которую он якобы безуспешно обхаживал? Она даже просила на этот счёт разъяснений у него самого. Он в чём-то признавался, оправдывался, изображал из себя человека строгого поведения, погружённого в занятия, настоящего монаха.

После года переписки они решили, наконец, встретиться. Госпожа Ганская уговорила мужа поехать в Швейцарию, в Невшатель, и предложила Бальзаку приехать туда же. Он появился там в конце октября 1833 года. Их встреча, устроенная одной из общих знакомых, состоялась в присутствии мужа. Эвелина Ганская (в письмах он называл её Евой), увидев невысокого полного мужчину с густой тёмной шевелюрой, была удивлена. На первый взгляд в нём не было ничего привлекательного. Но всё же это был Бальзак, известный романист, больше того, французский писатель, а в те времена французский язык и литература повсюду пользовались непререкаемым авторитетом. Немного погодя она, подобно многим до неё, была покорена его обаянием, красноречием, весёлостью.

Он же с первого взгляда нашёл её обворожительной красавицей и окружил обожанием пылко влюблённого подростка, желанием мужчины и мечтательностью поэта. А какой трепет они, находясь на противоположных краях Европы, должно быть, испытывали от связывавшей их тайны!

Между тем ему приходилось набираться терпения: «Проклятый муж все пять дней подряд не оставлял нас наедине ни на минуту, перемещаясь от юбки жены к моему жилету», — писал он сестре. И всё же влюблённые улучили момент, чтобы обменяться поцелуем и пообещать друг другу встретиться в Женеве в будущем году.

Там 26 января Эвелина наконец-то уступила настойчивым домогательствам Оноре, которому осточертело общение с её мужем. Она нашла способ остаться с Бальзаком наедине в своей спальне. Оба были в

экстазе от своей долгожданной близости. На следующий день он писал ей с обезоруживающей простотой: «Я спал как сурок, хожу теперь как околдованный и люблю Вас как безумец».

Граф Ганский ни о чём не догадывался. И когда любовникам снова пришлось расстаться, Бальзак продолжил переписку, но уже отправлял свои послания по двум адресам: одни он адресовал супружеской чете, как того требовали правила вежливости, но гораздо чаще писал возлюбленной на адрес её горничной. Приходилось ждать смерти старика-мужа, что было безнравственно, как сама любовь, и смешно, как водевиль.

Бальзак был искренне влюблён и мечтал о их совместном будущем. Она красива, и он её обожает. Она аристократка, полька, у них там тысячи гектаров земли!

Это не мешало нашему реалисту предаваться удовольствиям не столь отдалённым. В Париже он был не так уж одинок. Через несколько месяцев после его поездки в Женеву у госпожи де Френе родилась девочка Мари Каролин, предполагаемая дочь Бальзака. На следующий год он познакомился с графиней Гвидобони-Висконти, которая на самом деле была англичанкой по имени Сара Довел. Миловидная и кокетливая светло-пепельная блондинка тридцати лет от роду. У неё тоже был старый, но безобидный и покладистый муж, так что вскоре Оноре стал близким другом семьи. Позднее у графини родится мальчик Лионель Ришар (умер в 1875 году), которого Бальзак признавал своим сыном. Идиллия Оноре и Сары была продолжительной. В самые тяжёлые моменты финансовых трудностей Бальзака супруги приходили ему на помощь и даже прятали его от кредиторов в своём доме на Елисейских Полях.

Любовная эпопея Бальзака и Евы Ганской до сих пор остаётся одной из самых удивительных в истории литературы. Бальзак, несомненно, был искренне и страстно увлечён Иностранкой, которой в течение многих лет писал сотни писем, рассказывая в них обо всём на свете — о своих помыслах, о работе, о неудачах и разочарованиях... Конечно, он умалчивал о своих шалостях, которые от внимания его биографов не ускользнули. Как бы то ни было, письма Бальзака госпоже Ганской свидетельствуют о его глубоком чувстве к ней.

В то же время вызывает удивление сама их любовная история, пережитая в основном в письмах. Она длилась 19 лет, в течение которых они встретились не более пяти или шести раз, и промежутки между встречами составляли иногда до семи лет. Что это за любовь, которая обходится без физического присутствия, без моментов близости в продолжение семи лет?

И всё же в этой истории было что-то, что устраивало обоих. Их связь была чем-то вроде душевного дополнения к их повседневной жизни — дополнения наполовину фиктивного, тогда как реальная жизнь шла своим чередом. К тому же отношение Бальзака к любви вообще было двойственным. С одной стороны, он загорался страстью в своих тщетных поисках идеальной женщины, но при этом как мужчина всегда был не прочь испытать какое-нибудь лёгкое приключение. По-видимому, в отношении любви у него не было никаких иллюзий, как будто романист и мужчина были в нём каждый сам по себе. Творчество Бальзака совсем не «романтично» — в сентиментальном смысле этого слова. В нём описаны все стороны любви и сексуальности от странной сексуальной ущербности Антуанетты де Наварен до чувственной науки куртизанок и разнузданности Дианы Дюксель, которая коллекционировала любовников. Ранее мы уже упоминали странный сюжет «Златовласки», где куртизанка влюбляется одновременно в сводного брата и в сводную сестру. В других произведениях он отдаёт дань сексуальным фантазиям, их крайностям, подчас парадоксам. Так, в «Массимиле Донни» он затрагивает довольно специфическую тему: противодействие душевного чувства зову плоти. Герой выказывает мужское бессилие перед женщиной, которую любит. Дело доходит до того, что его возлюбленная выдаёт себя за девицу лёгкого поведения, чтобы помочь любовнику преодолеть возникшее затруднение.

Есть у Бальзака и описания проявлений гомосексуальности, как мужской, так и женской, и даже зоофилии («Страсть в пустыне»). Словом, менее всего он в этом был похож на человека малоискущённого. Его творчество раскрывает подноготную всего, что он наблюдал. В отношении секса и любви у него не было предрассудков. Он видел в них часть реальной жизни, верёвочки, с помощью которых можно управлять людьми — марионетками. Он не испытывал никакой потребности приносить в них лирику. Что касается сильных страстей и глубоких чувств, то в его романах они, как правило, ведут героев к жестокому отрезвлению или даже катастрофе. Беззаветная, идеальная любовь, вроде той, что наивная Евгения Гранде испытывала к своему кузену Шарлю, в большинстве случаев оказывается сладкой иллюзией, которая не выдерживает столкновения с такими реальностями, как женитьба ради денег. Мужчины у Бальзака, ища удовольствий, встречаются с содержанками и стараются завоевать любовниц преимущественно из блестящих светских дам. К старости они превращаются в сластолюбцев. В 20 лет идеалист, в зрелом возрасте циник, к концу жизни старый хряк. Семейная жизнь? Это стойло, которое может быть покойным, даже уютным, но в нём нет места

сентиментальным порывам. Такой урок можно извлечь из его «Воспоминаний молодых жён».

*

После встречи Бальзака с Евой Ганской жизнь его стала, можно сказать, однообразной в том смысле, что происходившее вокруг ничего в ней не меняло. То была очень наполненная, даже утомительная жизнь, но ограниченная несколькими простыми обстоятельствами. Он мечтал жить с Эвелиной, но приходилось ждать, когда она станет вдовой. К тому же, чтобы быть достойным её и в нужный момент предложить ей тот образ жизни, которого она заслуживала, ему надо было избавиться от долгов. Он не сомневался, что после этого его писательский труд принесет ему богатство и славу.

«У каждого наступает возраст, когда от жизни остаётся только привычка, которой следуют, предпочитая то или иное окружение, — говорил его Гобсек, — и тогда счастье состоит в применении наших способностей к обстоятельствам». Изречение старого ростовщика во многом подходит к последним пятнадцати годам жизни самого Бальзака. В них были Ева, постоянная нехватка денег, романы, которые требовалось написать к сроку, кредиторы, которых приходилось кормить обещаниями или бегать от них. Больше ничего из ряда вон выходящего за всё это время с ним не происходило. С одной стороны — мечты о состоянии, о блестящей женитьбе, о солидном и прочном общественном положении. С другой — реальная повседневность, непрерывный труд, правка гранок, договоры на книги, борьба за театральные постановки, за благоприятные отзывы в печати, за выгодные издания.

Друзья и современники по-разному описывали Бальзака той поры. То он в весёлом расположении духа с нарочитым шиком играет роль денди. Многие говорили о его дурном вкусе, поминали его знаменитую трость с набалдашником, инкрустированным бирюзой, которая обошлась ему в 700 франков, его костюмы от Бисона, самого модного парижского портного тех лет. В таком наряде он был похож на расписное пасхальное яйцо. Он любил пустить пыль в глаза, полагая, что для того, чтобы общество тебя признало, не следует выглядеть человеком, стеснённым в средствах. Такой довольный жизнью, радушный, полный разнообразных замыслов Бальзак охотно общался с друзьями, слыл замечательным сотрапезником, мог за один присест управиться с сотней устриц и четырьмя бутылками вина, после

чего был способен, удалившись в свой кабинет, писать два или три часа кряду.

Но помнят его и совсем другим — обременённым заботами и похожим на человека опустившегося. Книготорговец и издатель Верде, опубликовавший немалое число его произведений, пишет, как однажды видел Бальзака, прогуливавшегося по Парижу в темно-буром пальто, небрежно надетых чулках, в стоптанных ботинках, помятой шляпе, с многодневной щетиной. Большую известность получил его рабочий костюм — монашеский балахон из белой фланели, подпоясанный верёвкой. Во всём, что относилось к работе, он был маниакально аккуратен. Перья, его монашеское облачение, стопки бумаги — всё у него было в безупречном порядке и на положенном месте. Словом, он был попеременно то монахом, то франтом и гурманом, жил крайностями. Было в нём что-то от Рабле — писателя, занимавшего почётное место в его собственном литературном пантеоне.

Всех поражала творческая мощь, исходившая от этого невысокого, заметно полнеющего человека. Впрочем, полнота была ему к лицу Громкий смех, простодушие, даже недостаток чувства меры уживались в нём с надёжностью крестьянина его родной Турени. Он был французом с берегов Луары. Тому, кто знаком с той местностью, это говорит о многом. Французская литература, сосредоточенная в Париже, где авторы искали и находили успех и славу, непрестанно подпитывалась провинцией. Провинциалы Рабле, Корнель, Дидро приезжали в столицу, чтобы получить свою долю почестей наряду с коренными парижанами Мольером, Вольтером, Анатолем Франсом. Без этого первоначального, полученного им от рождения субстрата, который уравнивал его романтические грёзы и даже финансовые трудности, Бальзак мог бы лишиться рассудка. Но он сохранил психологический баланс. Это хорошо видно по его портрету с раскрытым воротом рубахи. На этом дагеротипе, исполненном в 1842 году Луи Огюстом Биссо (обычно его авторство приписывают Феликсу Надару), рука писателя гордо лежит на сердце, взгляд твёрд и полон мыслей, лоб пересечён одной вертикальной складкой. Чувствуется, что этот человек будет идти до конца во всём, что бы он ни предпринял. Без такой несокрушимой, исключительной крепости духа Бальзак не смог бы создать «Человеческую комедию». Он работал 15—16 часов в сутки, поглощая кофе в невероятных дозах, разрываясь между главами романа-фельетона, которые надо было выдать к сроку, и правкой поступивших из типографии гранок. Эти знаменитые гранки, которые он находил нужным править до шести-семи раз, перелопачивая текст, что-то добавляя, что-то

вымарывая, что-то меняя местами, для печатников были кошмаром и одновременно предметом восхищения. Мастерские этой профессии, нередко жадные до знаний самоучки, всегда с большим уважением относятся к хорошо сделанной работе и будут вспоминать Бальзака до тех пор, пока просуществует сама их корпорация. По некоторым сведениям, печатники присутствовали на его похоронах.

К этим столь разным ликам писателя можно добавить образ человека в состоянии депрессии, угнетённого денежными заботами. Порой такая жизнь приводила его в отчаяние. Таким описала его, например, Лора Сюрвиль:

«Иногда он с трудом передвигался, лицо его делалось жёлто-бурым... Я пыталась как-нибудь вывести его из тоски... Он, упав в кресло, слабым голосом говорил: “Не утешай меня, бесполезно, я человек конченный”».

Но потом он вдруг приободрялся, вновь начинал строить планы, уверял себя, что найдёт банкира, который ему поможет. Да, он встретит мецената, и тот выручит его. «Это ведь что-нибудь да значит — сказать: “Я спас Бальзака!”».

*

В 1835 году был написан «Брачный контракт», очень сумрачный роман, в котором две женщины — мать и её миловидная дочь — вознамерились «прибрать к рукам» одного сироту, слабовольного наследника большого состояния, которого с трудом защищает преданный ему нотариус. Бальзак, чтобы спокойно работать и укрыться от кредиторов, устроил себе убежище на улице Батай в Шайо (сейчас это авеню Йена). Место с отличным видом на Сену. Спальню он изящно обставил, чтобы предаваться там шалостям с Сарой. На это он деньги нашёл, хотя был весь в долгах. Снаружи строение ничем особенным не выделялось. Он выбрал такое намеренно. Для входа в дом надо было назвать пароль.

В мае он снова встретился с Ганской, на этот раз в Вене. Поначалу свидание не заладилось, так как Ева всё больше убеждалась в его изменах. Зато эта поездка предоставила ему возможность насладиться своей известностью. Весь цвет Вены искал встречи с большим писателем Франции, его принял сам канцлер Меттерних.

Вернувшись на родину, он снова отправился со своей Делектой в Булоньер близ Немура, потом посетил своих друзей Карро в Исудене, где они тогда жили и куда он частично поместил действие «Баламутки».

В 1836 году вышли два новых его шедевра: «Музей древностей» и «Лилия долины».

«Лилия долины» — это история любви (ей суждено было остаться платонической) Анриэтты де Морсоф, богобоязненной и покорной жены старого брюзги, вернувшегося из эмиграции дворянчика, и юного Феликса де Ванденеса, который, сам того не ведая, искал не столько любовницу, сколько мать. Роман написан от первого лица: предполагается, что Феликс сам рассказывает эту историю своей любовнице Натали де Манервиль. Он поведал ей, как, отвергнутый госпожой де Морсоф, познал радости любви в объятиях обольстительной и легкомысленной англичанки леди Дадли, отчасти списанной с Сары Гвидобони-Висконти. Таким образом, в этой истории воспитания чувств Феликс от начала до конца отражается в зеркалах трёх женщин. Сделано это с большим искусством. В сочинении интриги Бальзак проявлял неистощимую изобретательность, от романа к роману непрерывно меняя сюжетные ходы, приёмы, ракурсы.

Иллюстрация к роману «Музей древностей»

За год до этого ему пришла в голову новая идея: основать свою газету. Газету успешную, которая приносила бы ему прибыль, и он уже видел себя магнатом прессы. Он считал, что пресса есть не только источник дохода, но и мощный инструмент влияния. Как и раньше, он подумывал о

политической карьере, и газета должна была ему в этом помочь. Словом, он вновь разыгрывал мотив басни «Перетта и кувшин с молоком»: уже видел себя влиятельным журналистом, пэром Франции, министром.

Ему удалось найти инвесторов и подобрать команду молодых талантов. Именно тогда он познакомился с Теофилом Готье, который стал одним из самых близких его друзей. Ещё там были Жюль Сандо, Альфонс Карр, критик Гюстав Планш. Виктор Гюго, предугадывая судьбу начинания, от участия в нём уклонился. В течение нескольких недель, пока газета выходила, сам Бальзак опубликовал в ней несколько статей, в том числе политического содержания.

В июне 1836 года газету пришлось закрыть. Тиражи, незначительные с самого начала, в дальнейшем только уменьшались. Основной капитал был потерян. Бальзак, еще не разгадавший со своими долгами по печатне, теперь в общей сложности был должен свыше 200 тысяч франков.

С этого момента его уже ничто не останавливало. Он продолжал тратить, покупать дорогую мебель и картины, трости и модные сорочки, подписывал договоры на новые романы, чтобы со временем заработать большие деньги. Это был замкнутый круг. Ему даже приходилось переиздавать свои юношеские сочинения, подписанные псевдонимом Орас де Сент-Обен. Но при этом у него была коляска ценой в четыре тысячи франков...

НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНИЯ

Злоключение с газетой, которая называлась «Парижская хроника», весьма показательно: в Бальзаке бок о бок с романистом уживался человек, замороженный властью и политикой.

Он обдумывал политические проблемы. У него, создателя целого мира, составилось представление о том, каким должно быть французское общество.

Его убеждения в этой области эволюционировали в противоход времени. В 15 лет пылкий почитатель императора, до тридцати лет, то есть в период Реставрации, скорее либерал, он разочаровался в Июльской монархии. Ему не нравилась буржуазная парламентская эра. Связь с маркизой де Кастри, а потом с госпожой Ганской усиливала в нём эту эволюцию. В своих письмах первых месяцев 1848 года, когда Франция и другие страны Европы были охвачены революционными волнениями, он объявил, что ему нравится русская аристократия. Возможно, он это делал для того, чтобы создать себе репутацию монархиста, которая облегчила бы ему женитьбу: поговаривали, что царь внимательно приглядывается за своими дворянами польского происхождения...

Но каковы бы ни были личные обстоятельства, влиявшие на его убеждения, нет сомнения в том, что он выработал собственную доктрину, в основу которой положил порядок, власть, традицию. Часто цитируют фразу из написанного им в 1842 году предисловия к «Человеческой комедии»: «Я пишу при свете двух вечных истин — монархии и религии». Такое заявление может удивить и озадачить читателя, который высоко ценит «Отца Горио» или «Утраченные иллюзии», поскольку в этих произведениях он находит нечто иное. Но автор этих романов мыслил именно так, и даже если его творческий опыт устоял перед осознанными намерениями, отмахнуться от этого факта мы не можем. В известном смысле его произведения содержат критику всего, что он считал наследием революции 1789 года. По его мнению, революция, расширив права индивида, подорвав собственность аристократии, тем самым спровоцировала атомизацию семей и состояний и, главное, обострила личные амбиции и конкуренцию. Он мечтал о воссоздании органичного общества, которое давало бы возможность проявлять индивидуальные качества, но в строгих рамках. Эти убеждения проступают сквозь тексты его романов.

Об этом уже шла речь, когда упоминался «Сельский врач». В 1837 году

в романе «Служащие» (который, между прочим, был написан им за четыре дня) он словами своего персонажа Рабурдена излагает собственные мысли о функционировании общества, а также об искусстве и способах управления им. Он недвусмысленно выступает за сильную власть, опирающуюся на крупную земельную аристократию. Пустопорожние разглагольствования в прессе и в палате депутатов вызывают у него отвращение. «Власть, которую оспаривают, не существует». Это утверждение он ещё раньше приписал другому персонажу, Бенаси. Сильная власть, по его мысли, должна ради своей же пользы, равно как и из сострадания, стремиться обеспечить народу всё необходимое для сохранения социального мира.

Всякий раз, когда Бальзак выступает в роли мыслителя, возникают поводы для скептицизма. Чего, например, стоят его суждения о религии? Вкушавший все земные удовольствия Бальзак совсем не был похож на святошу. Конечно, он увлекался спиритизмом и оккультизмом, но во всём этом не было ничего католического. Вероятно, церковь его интересовала прежде всего потому, что помогала структурировать и умиротворять общество.

Что касается роялизма этого краснощёкого простолюдина, то, похоже, у него он выражался в пристрастии к герцогиням, великосветским салонам, замкам и дорогим экипажам. Его мечтой был аристократический и политический «бомонд», где его бы принимали, чествовали и почитали, такой правящий класс, при котором литература и философия считались бы воплощением высших моральных авторитетов.

Эта реакционность Бальзака тем более любопытна, что всё его творчество, создающее убедительную картину современного общества, скорее доказывает неизбежность того, что в его время называли «движением». И видно, что даже если он и был неравнодушен к Сен-Жерменскому предместью, изображал он его в своих сочинениях далеко не в идиллических тонах, показывая склеротичность и бессилие класса, не сумевшего приспособиться к переменам.

В конечном итоге важно не то, кем Бальзак был — или за кого себя выдавал, — католиком, легитимистом, а то, что он как романист нашёл собственную позицию, в известном смысле противоположную и критическую по отношению к происходящему. Излагать взгляды, радикально противоположные тому, что в данный момент принято большинством общества, — это наилучший способ понять, что в нём происходит.

Такого рода решения принимаются чрезвычайно редко, ибо сила

расхожей идеи в том, что она, как правило, опирается на весомые аргументы, и чтобы её преодолеть, следует прибегать к преувеличению, утверждая обратное. Романист Бальзак не согласен быть хоть в чём-то одураченным и потому предпочитает идти наперекор господствующим вокруг понятиям и мнениям. Эта «свободная» пресса, этот вездесущий парламентаризм, это повальное увлечение выборами и всевозможными сделками, столь характерные для его времени, не раз подвергались им беспощадному разоблачению.

К тому же Бальзак особенно высоко ценил сильные натуры, которые восстают против существующего порядка вещей, идут своим путём, руководствуясь собственными принципами и моралью. Таковы у него Растиньяк, Дюмарсе, Вотрен, Диана де Монфриньёз. Монархию Луи Филиппа он упрекал в некоторой промежуточности: это ни настоящая монархия, ни настоящая республика. В «Тайнах княгини де Кадиньян» он не скрывает своей симпатии к несгибаемому республиканцу Мишелю Кретьену. Он любил людей деятельных. «Я отношусь к оппозиции под названием жизнь», — заявлял он. Такой была политика романиста Бальзака.

К одному политическому вопросу он относился очень серьёзно и постоянно к нему возвращался, — вопросу о печати.

Иллюстрация к роману «Служащие»

Постоянно нуждавшийся в газетах, которые были для него средством общения с публикой и общественного признания, прессу Бальзак не любил. В его «Монографии парижской прессы» (1842—1843) есть такое изречение: «Если бы прессы не существовало, её бы не следовало выдумывать». В

«Служащих» он писал об одном министре: «Его несчастье было в том, что он при всяком затруднении уклонялся от прямого действия: журналистику он хотел извести скрытно, вместо того чтобы откровенно её сразить».

Что же беспокоило Бальзака в том подъёме, который в его годы переживала журналистика? Прежде всего, появление многоликой, неуловимой, переменчивой, поверхностной параллельной власти, в которой посредственные умы становятся достаточно влиятельными, чтобы помешать деятельности великих государственных мужей, если таковые находятся, или держать в тени истинных гениев, которым они завидуют. Бальзак, как уже было сказано, не мог похвастаться тем, что его жалует литературная критика. Но зло, по его мнению, было глубже: пресса позволяет себе споры обо всём, легкомысленные или некомпетентные суждения, она калечит великие идеи недобросовестным или лукавым их толкованием. Бальзак восхищался Талейраном и Фуше, которые умели вести свои дела, не давая никому в них отчёта.

Из этого своего убеждения он всегда выводил конкретные следствия, и они всегда приобретали политический смысл. В романе «Феррагус» он внёс весьма существенную поправку в суждение о последних Бурбонах, высказанное им несколькими годами ранее. В первом издании романа он противопоставлял «Людовика XVIII, который смотрел вперёд, Карлу X, который смотрел назад». То было довольно широко распространённое в своё время мнение, и его подтвердила история, сохранившая образ Людовика XVIII как сторонника компромисса и Карла X как монарха нетерпимого и ограниченного. Спустя десять лет, переиздавая роман, Бальзак переделал и фразу: «Людовик XVIII, который видел одно только настоящее, и Карл X, который слишком далеко заглядывал вперёд». И добавлял: «Чтобы устоять, нынешнее правительство должно обезопасить себя с помощью двух законов там, где Карл X потерял власть из-за двух своих ордонансов». Один из этих знаменитых ордонансов спровоцировал волнения и привел к падению Карла X. Отныне в глазах Бальзака Людовик XVIII был фигурой слабой, а его преемник на троне — деятелем, который понял, в чём таилась настоящая опасность.

И тот же самый Бальзак пытался основать газету и тщился добиться особого положения в уже существующих периодических изданиях. Его отношение к журналистике было смесью навязчивого увлечения с презрением. С 1835 года это противоречие углубилось в связи с вопросом о романе-фельетоне. До этого Бальзак публиковал свои тексты в журналах и газетах. В те времена тиражи ежедневных парижских газет не превышали 5—10 тысяч экземпляров, но впоследствии резко возросли в связи с

увеличением спроса на рекламу. В июле 1836 года вышли первые номера газеты «Ля Пресс», основанной Эмилем де Жирарденом, и «Сьекль» («Век»), созданной Эдмоном Дютаком. Эти издания предлагали годовую подписку за 40 франков вместо обычных 80, рассчитывая компенсировать — и даже с лихвой — потери за счёт повышения расценок на рекламные объявления, в результате число подписчиков стало расти день ото дня. Это была своего рода революция, так как отныне газеты финансировались уже не только читателями, но и рекламодателями. Современные крупные печатные и электронные средства массовой информации существуют на тех же основаниях.

Такой порядок дел имел одно важное следствие для литературы: продажу по сниженной цене и доходы от рекламы связывало одно решающее звено: публиковавшийся отдельными эпизодами роман-фельетон, назначение которого было «приманить» читателя к данному изданию, — в точности как это делается в наши дни с помощью популярных телесериалов. Знаменитое уведомление («Продолжение следует»), стоявшее в конце каждого выпуска, оказалось одним из ключей к успеху, ведь читатель старался не пропустить ни одного номера газеты. Роман-фельетон становился, как теперь бы выразились, «товаром повышенного спроса».

Так у романистов неожиданно появился небывалый читательский и денежный ресурс.

Бальзак был другом Жирардена, тесно общался с этим одарённым человеком, одним из самых передовых для своего времени. Идея романа-фельетона привела Бальзака в восторг. Теперь его романы прочитают не две, а десять, двадцать тысяч человек или даже больше.

В 1836 году его «Старая дева» стала первым французским романом, изданным в таком виде. Выпусками также печатались «Служащие» (1837), «Беатриса», «Дочь Евы» (1838), «Сельский священник». Итак, в течение нескольких лет дела Бальзака шли на лад, но к концу 1844 года он был словно громом поражён: Эмиль де Жирарден оскорбил его, отказавшись печатать продолжение его «Крестьян», которым предпочёл «Королеву Марго» Александра Дюма!

Что же произошло? Да просто в борьбе за массового читателя Бальзак уступил конкуренту. В письме к Еве Ганской он дал трезвый анализ неуспеха этого долго вызревавшего у него романа, который считал одним из самых важных в своём творчестве:

«“Ля Пресс” заполучила три тысячи новых подписчиков благодаря “Крестьянам”. Это большой успех, но среди тех, кто не выступил с

восторженными отзывами и не покупает, 22 тысячи рабочих подписались на “Парижские тайны”. Если бы “Крестьяне” вышли с иллюстрациями, уверяю Вас, на них подписались бы 22 тысячи богатых».

Что отсюда следует? А то, что другие романисты оказались более ловкими в привлечении широкой публики — той самой, в которой прежде всего заинтересована большая пресса. Но искусство Бальзака для такого дела не слишком подходило. Не то чтобы он не мог сочинять искусные интриги, драмы, за которыми читатель следит с замиранием сердца. Ему не удавалось придать своему повествованию быстроту и лёгкость, которыми отличались Эжен Сю и Александр Дюма.

Жанр романа-фельетона требовал от автора особого способа писать, который противоречил эстетическому идеалу Бальзака. Главы должны были быть одинакового объёма, сюжет — с первого же выпуска задевать читателя за живое, характеры должны быть чётко прорисованы и свободны от всякой двойственности, действие не следует замедлять описаниями; чувства надлежит описывать самые простые и сильные, чтобы читатель сопереживал героям. И ещё требуются неожиданные, эффектные повороты сюжета, читателя надо держать в постоянном напряжении. Разумеется, эти требования не были предъявлены писателям официально, но очень скоро поставщики такой литературной продукции, сумевшие соблюсти их наиболее полно (Дюма, Сулье, Сю), приобрели наибольшую популярность и лучше оплачивались.

Газетные романы породили особый род авторов, создавших особую эстетику. Бальзаку было трудно подчинить своё искусство законам этого жанра. Прежде его часто упрекали в потакании вульгарным вкусам, а теперь, когда он стал писать романы-фельетоны, стали упрекать в том, что он потакает им недостаточно. Для него это противоречие было неразрешимым.

Больше того, эти новые требования противоречили стремлению Бальзака сделать роман благородным жанром прозы. Роман-фельетон, подчинивший романтизм собственным задачам, исключал из текста всё, чем Бальзак особенно дорожил. Прежде всего это, конечно, авторские размышления, социальный анализ, например, его суждения о сельском хозяйстве, производстве бумаги или о сложных социальных процессах в обществе. С другой стороны — и это, несомненно, главное — неоднозначность характеров: Вотрен злой человек или добрый? Роман-фельетон предлагал читателю образы простые, сильные, но одномерные.

Иллюстрация к роману «Крестьяне»

Отказ издателя продолжать печатать «Крестьян» можно считать символичным. В этом романе Бальзак, в противовес идиллическим картинам, восходящим к эпохе Жана Жака Руссо, показывает мир села диким, свирепым, полным эгоистических страстей, мелочных, недалёких

устремлений. Для издателя газеты было не важно, прав автор или заблуждается, рисуя такую неутешительную картину. Он твёрдо знал одно: публика читает романы не для того, чтобы размышлять о подобных предметах. Ей подавай чего-нибудь такого, отчего Марго заплачет и задрожит: удары шпагой, любовные интриги, дальние страны, давние времена.

Бальзак, упорно изучавший предпочтения читателей и никогда не скрывавший, что пишет для денег, осознал — если раньше о том не догадывался, — что всё лучшее в его творчестве противоречит вкусам его времени.

1836 и 1837 годы принесли ему новые неприятности. Помимо фиаско проекта «Парижской хроники» на него свалился процесс против редактора журнала «Ревю де дё Монд», который, не спросив его разрешения, продал одному русскому издателю неправленную рукопись «Лилии долины». Ещё один нелепый эпизод усложнил ему жизнь: он был посажен под арест, за то что не прошёл обязательную службу в Национальной гвардии, которая предписывалась законом. Об этом нововведении режима Луи Филиппа Бальзак не желал и слышать.

Он задыхался в финансовой удавке. Его друг граф Гвидобони-Висконти, который находился тогда в Турине, где был занят каким-то делом о наследстве, предложил ему приехать туда и посодействовать в его хлопотах, за что будет получать некоторый процент от искомого наследства и хотя бы несколько месяцев поживёт вдали от всех своих забот и кредиторов.

Бальзак предложение принял. В самом деле, надо было как-то развеесться. Он отправился в путь в сопровождении некой Каролины Марбути, которая ради этого переоделась мужчиной. Эта провинциальная дама из буржуазной семьи порвала с мужем, переселилась в Париж и мечтала о литературной карьере. Она отчасти стала прототипом героини написанного Бальзаком позднее романа «Муза департамента». По возвращении из этой поездки Бальзака, несколько повеселевшего в компании такой очаровательной спутницы, ожидал тяжёлый удар: он узнал о смерти госпожи де Берни. Она долго болела и не желала никого видеть. С её кончиной Бальзак потерял подругу, любовницу, наперсницу. Перед смертью она перечитывала «Лилию долины», несомненно, находя в этом произведении если не историю их любви, то далёкие её отголоски.

Эта потеря повергла Бальзака в страшную тоску, усугубляемую финансовыми проблемами. Он был близок к отчаянию. «Потерять эту благородную и очень большую часть моей жизни, осознавать, как Вы

далеко от меня, — от всего этого можно в Сену броситься», — писал он Еве.

Следующий год сложился для Бальзака не лучше: кредиторы не давали покоя, на его коляску был наложен арест, он был вынужден скрываться. Часть его долгов оплатила Сара Гвидобони. На его удачу, итальянские дела графа ещё не были улажены, и Бальзак вновь отправился в Италию в качестве поверенного своего друга. В этот раз он посетил Милан, Венецию, Геную, Ливорно, Флоренцию, Болонью.

При этом он продолжал работать. Как уже было сказано, «Служащих» он написал за четыре дня. Его мысли о принципах управления интереса у читателей не вызвали: с какой стати увязший в долгах романист решил учить других, как следует управлять делами общества?

Роман «Старая дева», также опубликованный в это время, сочли почти непристойным. Героине 40 лет, и она изводит себя оттого, что у неё нет мужчины. Бальзак рассказал об этом случае сексуальной фрустрации чуть ли не в медицинских терминах, что шокировало публику. Мало того: когда она наконец находит себе мужа, тот оказывается импотентом. Бальзак, не признавая никаких табу в том, что относится к природе человека, приводил в смятение добропорядочных читателей. До него в такие заповедные зоны авторы романов не вторгались.

В целом глубокий реализм Бальзака, его стремление осветить социальные явления и понять их движущие силы — всё это вызывало у читателей скуку. Публика требовала романов развлекательных, романтических, «утешительных».

Она не имела ничего против, скажем, социализма, афишируемого Эженом Сю: его популярные романы за счёт этого даже привлекали тысячи новых подписчиков. Но Бальзаку было мало просто забавлять читателя, он претендовал на нечто большее. И его считали претенциозным.

Но он от своего не отступался. Никогда он не был более уверенным, изобретательным и щедрым в своём творчестве, чем в те годы. В 1837 году он написал «Цезаря Биротто» — историю одного разбогатевшего парфюмера, который увлёкся рискованными финансовыми спекуляциями и всё на этом потерял. Бальзак показал такое знание финансовых механизмов, которое удивило даже специалистов. Но, главное, он создал незабываемый образ коммерсанта, одновременно трогательный и комичный. Уже само сочетание его столь прозаично звучащей фамилии с именем великого римского полководца было находкой автора. Здесь Бальзак обличил захватившую общество жажду богатства, которая нарушает в нём всякое равновесие. Лавочник Биротто мог быть вполне

счастливым, оставаясь в своей лавке, если бы его не заманили сирены финансовых спекуляций. Рядом с ним — образы негодяя дю Тийе, решившего отомстить госпоже Биротто, которая когда-то его отвергла, и преданного хромого Ансельма Попино. Последний заставляет вспомнить буржуазную слезливую драму XVIII века с её бесчисленными картинами несчастий обиженной добродетели. Добавим, что Цезарь Биротто — родной брат другой жертвы общества — кюре Биротто из «Турского священника».

Мораль, выводимая из этих историй, пессимистична: есть люди, которым на роду написано быть обманутыми. Они слишком честны и простодушны. Так они были воспитаны... Надо оставаться в своей среде.

В том же году у Бальзака вызрел большой замысел «Утраченных иллюзий», в которых он соединил парижские сцены со сценами из жизни провинции, следуя за Люсьеном, который покинул Ангулем, чтобы завоевать в столице славу. В романе дана широкая картина мира парижской прессы. Год спустя он закончил «Банкирский дом Нусингена» и написал первую часть «Блеска и нищеты куртизанок» под названием «Скат». Два этих произведения связывает фигура барона де Нусингена.

В 1837 году Бальзак затеял ещё одно предприятие, которое, как он думал, должно было облегчить ему жизнь и принести богатство, но в действительности обернулось новой финансовой катастрофой. Была в его жизни какая-то удивительная закономерность: он вечно хотел заниматься чем-то помимо сочинительства, и в этом его всегда постигали неудачи.

А между тем сама идея была не такой уж плохой. Бальзак предположил, что ему будет лучше и дешевле жить в каком-нибудь деревенском доме. Он обследовал окрестности Парижа и присмотрел неподалеку от Виль-д-Авре небольшое имение, которое решил назвать Ле Жарди.

Иллюстрация к роману «Утраченные иллюзии»

Это могло бы стать для него отличным решением, но дело испортил его неумный размах. Купив участок, он захотел прикупить и соседние. Участки эти располагались на склоне холма, и, чтобы разбить на них сады, их надо было укрепить. Чета Гвидобони-Висконти выделила ему на это

дело средства. При всём уважении к Бальзаку его решение воспользоваться деньгами своей любовницы и её мужа нельзя не признать несколько сомнительным.

Впрочем, он был уверен, что скоро вернёт им долг, получив немалый доход от своей новоприобретённой собственности. Его друг и секретарь Леон Гозлан в своей книге «Бальзак в домашних туфлях» подробно изложил эту историю. Бальзак всерьёз уверял друзей, что будет разводить у себя на ферме коров и обеспечит молоком всю округу. Помимо этого, он собирался выращивать овощи, а потом и насадить виноградники. Он намеревался также устроить на своей земле свалку, благодаря которой рассчитывал стать крупным поставщиком удобрений. В его планы входило также строительство оранжереи, где можно было бы выращивать ананасы. Он уже подсчитывал будущие доходы. Ле Жарди вскоре должно было приносить ему 20 тысяч франков в год. Никак не меньше.

Одновременно с этим он замыслил ещё одно многообещающее дело. Во время своей поездки в Турин в предыдущем году он слышал, что на Сардинии собираются начать разработку залежей серебра. Он решил познакомиться с делом поближе и не сомневался, что, приобрести он серебряный рудник, тот обеспечит ему состояние. Во время второй поездки в Италию он отправился на место будущих разработок. Там его, разумеется, никто не ждал. Месторождение действительно существовало, предприятие уже работало, и неплохо. Бальзак ни на минуту не задумался, с чего бы это в королевстве Пьемонт-Сардиния для разработки своих залежей серебра стали бы ждать приезда парижского романиста.

Итальянские поездки заканчивались для него дурными известиями: вернувшись из Турина, он узнал о кончине госпожи де Берни, по возвращении из Милана и Сардинии — о смерти герцогини д'Абрантес.

При такой беспорядочной жизни он продолжал работать, поставляя одно сочинение за другим для выполнения очередного договора, истощая себя за письменным столом ночами напролёт, правя гранки, следя за переизданиями, спешно готовя следующий эпизод очередного романа-фельетона. В 1839 году были опубликованы «Дочь Евы», «Сельский священник», «Беатриса», «Тайны княгини де Кадиньян», в 1848 году — «Маркас», «Перетта», «Пьер Грассу». Среди этих произведений мы не найдём двух похожих или таких, которые производили бы впечатление, что он использует испытанные приёмы. Бальзак в каждом своём произведении — другой. Даже самые большие романисты иной раз поддаются соблазну «концепции», выбирают определённый стиль, тональность и придерживаются их. Бальзак всегда остаётся самим собой, со своим

голосом и своим неподражаемым слогом, но мы не найдём у него ни одного примера, когда бы он повторил какой-нибудь сложный ход, ситуацию, тип характера. Ритм изложения, время и место действия, многообразные переплетения тем — всё у него служит основой для создания новых комбинаций.

«Сельский священник», роман, в сюжете которого — любовная и социальная драма (из любви к женщине некий Ташерон становится убийцей), в то же время служит иллюстрацией филантропических идей Бальзака, перекликаясь в этом с «Сельским врачом». Героиня романа Вероника Грален, мучимая раскаянием из-за того, что Ташерон ради любви к ней совершил убийство, решила осчастливить жителей бедного лиможского селения.

В «Беатрисе» выведены писательница Камилла Мопен, образ которой во многом списан с Жорж Санд, и аристократка Беатриса де Рошфор, влюблённая в музыканта Конти, которого она когда-то похитила у Камиллы. Ревность этих двух женщин переносится на одного молодого человека, живущего по соседству. Фабула этого великолепного романа, описывающего любовные страсти, была подсказана автору отношениями между Жорж Санд, музыкантом Листом и Мари д'Агу, светской дамой, бросившей всё, чтобы последовать за ним. Бальзак довольно бесцеремонно воспользовался тем, что ему под большим секретом поведала Жорж Санд. Мари д'Агу тяжело пережила тот факт, что Жорж Санд её выдала... Эта история рассорила всех её участников.

«З. Маркас» — это автопортрет Бальзака. «З.» — значит Зефирен, имя, которое автор выбрал только для того, чтобы выделить его как крайне необычное. Он говорил, что этот инициал — словно перо на шляпе. Маркас, серьёзный человек мысли и действия, готовящийся к политической карьере, сталкивается с мелочностью и глупостью окружающего мира. «По одному довольно распространённому убеждению, каждое человеческое лицо имеет сходство с каким-нибудь животным. Маркас был похож на льва».

В августе 1839 года Бальзак был избран президентом Общества литераторов, основанного за год до этого. Предметом постоянных конфликтов между писателями и редакторами газет был размер гонораров за тексты романов-фельетонов. С другой стороны, успешные романы нередко издавались за границей, и авторы не получали при этом никакого вознаграждения. Появлялись даже пиратские издания на французском, выходившие в Бельгии. Бальзак уже давно пришёл к убеждению, что писатели должны объединиться и сообща отстаивать своё право на

справедливые гонорары. В 1830 году молодой романист помещает в «Фельетоне политических газет» статью под названием «О нынешнем состоянии книжной торговли». Четыре года спустя он публикует своё «Письмо к французским писателям XIX века», в котором предлагает создать общество, аналогичное тому, что когда-то задумал для драматургов Бомарше.

Организацией Общества литераторов занялся журналист Луи Денуайе. Бальзак председательствовал в нём всего один год, после чего уступил этот пост Виктору Гюго. Но требования, которые он изложил, и предложенные им меры оказали глубокое влияние на формирование концепции авторских прав и разработку связанного с этим законодательства.

В 1840 году неутомимый мечтатель основал газету «Парижское обозрение». Он занимался ею в течение всего лета и был автором почти всех публиковавшихся в ней текстов. Именно там был напечатан его похвальный отзыв о Стендале, чей только что вышедший роман «Пармская обитель» не был замечен ни публикой, ни критиками. Осенью того же года «Парижское обозрение» приказало долго жить. К старым долгам Бальзака прибавились новые. К тому времени он по-прежнему был должен в общей сложности более 200 тысяч франков. Каждое утро он был на грани полного фиаско. Еве Ганской, обеспокоенной его долгим молчанием, он отвечал, что у него попросту не хватает денег на оплату отправок в Россию.

В это время у него была кратковременная связь с некой Элен де Валет, а свою подругу Зюльму Карро он попросил присмотреть для него какую-нибудь девицу на выданье с приданым в 200—300 тысяч франков, которые помогли бы ему поправить свои дела. Он уже явно не знал, что ещё предпринять. Зюльма от выполнения этой просьбы уклонилась.

То была скверная для него пора. Вдруг ему приспичило встать на защиту одного нотариуса по имени Пейтель, обвинённого в убийстве своей жены и слуги. За несколько лет до того он короткое время имел дело с этим Пейтелем и не сомневался в его невиновности. У судей на этот счёт сложилось иное мнение, и нотариус был осуждён и казнён. Над Бальзаком посмеивались: дескать, пытался прибавить себе популярности, найдя своего Каласа^[3].

Бальзак решил баллотироваться во Французскую академию. Еве Ганской он сообщил о своём намерении открыть двери этого учреждения «под гром пушек». Каких пушек? Желание Бальзака стать академиком — это новое повторение истории Перетты и её кувшина с молоком. Дело в том, что он не собирался на этом останавливаться. Он уверял Еву, что, как только его изберут, он станет членом разных административных советов и

будет за это получать соответствующие денежные выплаты, которые поправят его дела. С другой стороны, благодаря приобретённому почётному званию академика он сможет стать пэром Франции. А там уже — прямая дорога в министры.

Но его кандидатура заведомо не проходила, и было решено выдвинуть Виктора Гюго. Принятие Гюго в Академию означало бы победу нового поколения литераторов над «пыльными париками» классицизма. Бальзак снял свою кандидатуру в его пользу с тем большей готовностью, что у него самого было мало шансов на избрание. И Гюго был избран. Он не остался в долгу перед Бальзаком и, будучи академиком, старался провести и его кандидатуру, но безрезультатно.

Возможно, прав был старик Нодье, который полагал, что академики, дорожа репутацией своего учреждения, не желали принимать в него писателя, который постоянно рисковал остаться один на один с судебным исполнителем.

Какие были ещё возможности? Театр! Вот хороший способ быстро разбогатеть. Бальзак уже успел забыть свои прежние неудачные попытки заявить о себе как драматурге, и на этот раз была принята к постановке его пьеса «Вотрен», герой которой был взят из его романов. В заглавной роли согласился выступить прославленный Фредерик Леметр. До успеха было рукой подать. К несчастью, Леметр ради бравადы (или для того, чтобы навлечь неприятности на директора театра, с которым был не в ладах) нарочно загримировался под Луи Филиппа^[4]. Публика хохотала до слёз. В результате пьеса была запрещена. Правительство «короля-гражданина» не стеснялось прибегать к цензуре.

Так рухнул ещё один замечательный проект Бальзака, что достойно сожаления, поскольку на этот раз речь шла не о какой-нибудь химере.

Бальзак снова оказался на краю полного краха. Его имение Ле Жарди было продано с торгов за долги. Прощайте, дойные коровы, виноградники, оранжерейные ананасы! Вся затея, включая благоустройство территории и ландшафтные работы, обошлась в сотню тысяч франков, а торги принесли всего 17 тысяч. На самом деле он устроил так, что имение было куплено его подставным лицом. Он надеялся позднее выкупить его, а тем временем кредиторы были вынуждены довольствоваться дележом скудной выручки. Это уже выходило за пределы норм порядочности. Положение Бальзака становилось пугающим. Он задолжал даже полицейскому приставу в Вильд-Аврэ!

Он снял себе дом в Пасси, где теперь находится музей Бальзака. Неприметное строение имело два выхода. Самый знаменитый романист

своего времени вынужден был прятаться, как беглый каторжник Вотрен. Для большего спокойствия адрес дома был записан на имя некой Филиберты Луизы Бреньё, которую он нанял в качестве экономки.

Немного позднее она оказалась в его постели. Она была далеко не светской дамой, но он переименовал её в госпожу де Брюньоль.

Вотрен. Один из основных персонажей «Человеческой комедии». Иллюстрация О. Домье

«ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ»

Самое удивительное, что всеми этими передрягами и неудачами писатель не был ни сломлен, ни даже надломлен. В 1841 году вышли его четыре значительных произведения: «Тёмное дело», «Баламутка», «Урсула Мируэ», «Воспоминания молодых жён». Кузница Вулкана всё ещё освещалась адским пламенем.

Может быть, он владел каким-то секретом. Может быть, в глубине души уже отказался от всего, что не относилось к его творчеству, в которое он продолжал верить, был убеждён, что когда-нибудь его поймут, оценят по достоинству и оно принесёт ему прочную славу. Трудно поверить, что у него ещё оставались иллюзии относительно возможности заплатить свои долги. Но он был уверен, что когда-нибудь все забудут и их, и имена его кредиторов, а Горио, Растиньяк, Евгения Гранде останутся навечно, как остались Гаргантюа, Одиссей, Альцест. Об этом и только об этом он должен был и хотел думать. Им двигали энергия отчаяния и тот чудовищный эгоизм, что присущ не художнику, как многие думают, а его творению, которое требует от своего создателя всех сил и ни на минуту не отпускает его.

«Тёмное дело» снова погружает нас в бурные годы конца Революции — период, к которому Бальзак явно был равнодушен. То было время, когда он родился, и можно считать, что оно было сценой, на которой зарождалось его творчество. Довольно запутанные политические интриги связывают роялистский заговор, похищение одного сенатора и двусмысленную роль Фуше. В романе доминирует фигура Лоренции де Сен-Синь, пассионарии из старого дворянства, энергичной и преданной, ярко выделяющейся на inferнальном фоне политических манёвров и государственных секретов.

В «Баламутке», одном из самых прекрасных романов Бальзака, переплетаются несколько тем: хороший и дурной сын, страсть игры, битва за наследство. Как и «Утраченные иллюзии», книга связывает «Сцены парижской жизни» и «Сцены провинциальной жизни», но в обратном порядке, поскольку завязка драмы происходит в Париже, а продолжение её и развязка — в Иссудене. Детство и юность, художественное призвание Жозефа Бридо, картины жизни Иссудена и его «Общества праздности», портрет старого родственника, попавшего в подчинение бесстыдной и неотразимо обольстительной любовницы-служанки (не приукрашенная ли

это госпожа де Брюньоль?), — всё это незабываемые страницы книги. К тому же автор нашёл для её названия выразительное слово из местного диалекта, которое использовал когда-то ещё Рабле. Его происхождение не совсем ясно. Глагол, от которого это существительное образовано, означает скрести землю или грязь, рыть нору. Эта удачная находка — одно из свидетельств любви Бальзака к слову. Он всегда интересовался местными говорами, различными жаргонами. Во французской словесности он относится к неакадемической традиции, представленной Фюретьером, поэтами-бардами, Ретифом.

«Воспоминание двух молодых жён» — это размышления о любви и браке. Две подруги по пансиону обмениваются рассказами о своей супружеской жизни. Одна из них приняла спокойное и скучноватое семейное существование, другая продолжает мечтать о страсти и дорого за это заплатит.

Да, в эти годы творческая мощь Бальзака была поразительной.

У него есть недостатки. Интриги в его романах находили излишне мелодраматичными, надуманными, его стиль — многословным, грешащим длиннотами. Но это всё потому, что он увяз в реальности. Некая густота, присущая всем текстам Бальзака, — особенность, которую его хулители всегда ставили ему в упрёк, есть густота самой действительности. Бальзак жил в чрезвычайно конкретном мире, который непрестанно инвентаризировал. Его глаз оценивал недвижимость или доход от участка земли, раскрывал денежные расчёты и вождедения, раздевал женщин. Его сила, заставляющая всех, кто его любит, забыть все его недостатки, состоит в том, что он наивно и безоглядно верил в придуманные им истории. Как убедителен этот серьёзный, проникновенный, часто непреднамеренно забавный тон, с которым он повествует о перипетиях судьбы своих персонажей так, словно говорит об Александре Македонском, Людовике XIV или Наполеоне Бонапарте! Он в них верит, верит безоговорочно. Этот реалист был человеком околдованным. Его романы были для него наркотиком. Он уже не жил в реальном мире. Реальный мир для него был не тот, что начинался за воротами дома, а тот, который он выплёскивал на бумагу, постоянно воспроизводил, разворачивая перед взором читателя.

Он знал, что его творчество вызывает споры, что его плохо понимают. Ведь он, в конце концов, не чародей, не утешитель. Человек, который в собственной жизни всегда был готов увлечься какой-нибудь химерой, никогда не отрицал миражей фантастического и сверхъестественного, перед чистым листом лучших своих творений превращался в человека решительного, безжалостного, трезвого и, если можно употребить такой

неологизм, — в отрезвителя. Он описывал людей такими, какими их видел. А он видел человечество не как абстрактное понятие, но как явление социальное. И выглядело оно далеко не идеально.

Один пример: «Муза департамента». История провинциалки, которая, бросив мужа и семью, отправилась вместе с журналистом Лусто в Париж, подсказана сюжетом шедевра Бенжамена Констана «Адольф». Но Бальзак подошёл к этой теме со стороны реальности. Сравнение этих двух произведений помогает уяснить замысел Бальзака. Из истории Элеоноры, которая полностью дискредитировала себя в глазах света любовью к эгоисту Адольфу, Констан создал психологическую драму в очищенном, строгом стиле классической трагедии. Бальзак же разыграл аналогичный сюжет с поразительным, почти непристойным реализмом. В его версии та же самая история вызывает скорее смех, чем слёзы. Его Дина Пьедефер (имя-то какое!^[5]) идиотка, а Пусто — циничный соблазнитель. Никакой лирики. У героини мало что осталось от её Любви с большой буквы, когда она оказалась в Париже без денег, с мужчиной, которому она, в сущности, только мешала и который уже собирался её бросить.

Повторим: ничего простодушного, лиричного и никакого морализаторства. Вероятно, именно всё это было ему особенно противно в тех романах-фельетонах, что имели большой успех у читателей, чем его собственные, — утешительная мораль, воркующие влюблённые, которых разлучает множество препятствий, но, преодолев их, они познают наконец полное счастье. Читателю предлагали прожить самые драматические, самые упоительные чужие приключения, каких в собственной жизни ему узнать не суждено. Главное — заставить его забыться. Это — торговля мечтами, Бальзак же такими приёмами брезговал. Новобрачная хороша собой, муж от неё без ума — это пожалуйста. Но каково приданое? На какие деньги они будут обставлять своё жилище? Не будет ли дама чересчур расточительна? Сумеет ли глава семейства должным образом вести семейные дела?

Всегда найдутся такие читатели и критики, которые терпеть не могут, когда автор показывает мир таким, каков он есть в его повседневной реальности. XIX век особенно этого не любил. В этом вопросе он был даже непримирим и жесток. Каждый роман Золя сопровождался воплями оскорблённой добродетели. Как посмел автор описывать дурно выражающихся слуг, женщин, которые идут в прачечную! За свой реализм вынужден был расплачиваться и Бодлер, стихотворец, утверждавший, что именно он ввёл в высокую поэзию такие слова, как «водянка», «больница», «смертность». А Флобер, описывающий, как Эмма Бовари в спешке

раздевается, чтобы поскорее заняться любовью!

Бальзак знал, что ведёт сражение. Гюго, выступая у его могилы, упомянет об этом. Бальзак творил вопреки и наперекор всему. Он побудил современников читать романы, в которых намерен был высказаться обо всём, в том числе о вещах серьёзных. Критики саркастически называли его «постоянным поставщиком книжных лавок», работающим не покладая рук. Во французской литературе сложилась традиция, согласно которой особенно ценными признаются сочинения немногочисленные. Считается, что автор, который пишет много, не может писать хорошо. Сколько ещё времени потребуется, чтобы признать Жоржа Сименона великим романистом!

Добавим к этому, что Бальзак не проявил достаточной осторожности в отношении журналистов, не сделал ничего, чтобы им понравиться. Вторая часть его «Утраченных иллюзий» содержит безжалостное сатирическое описание мира журналистики. В 1842 году он опубликовал чрезвычайно острую по содержанию «Монографию парижской прессы». Там можно встретить такую, например, фразу: «Всякий, кто когда-либо имел или до сих пор имеет дело с журналистикой, оказывается перед необходимостью обмениваться рукопожатиями с людьми, которых презирает».

Таким образом, Бальзак повернулся спиной к обычной массовой журналистике и в то же время — уже по прямо противоположным причинам — к журналистике иного уровня, к авторитетным профессиональным критикам, таким как Сент-Бёв, Жюль Жанен, Низар или, например, Филарет Шаль, который видел в нём писателя для гризеток. Его много читали, но много о нём и спорили, и славой своей он в конечном счёте был обязан своим собратьям по перу и более молодому поколению авторов, которые не обманулись в оценке его творчества, — Гюго, Готье, Бодлеру, Золя. Каждый из них внёс свой вклад в окончательное утверждение его признания.

*

Бальзак переступил порог сорокалетия. Год за годом его творчество развивалось, и всё более ясной становилась цель, которую он поставил перед собой. Сначала у него появился замысел «сцен», и в 1830 году он начал издание «Сцен частной жизни» в двух томах. Год спустя появились «Философские романы и рассказы». В 1833 году пришёл черёд «Сцен провинциальной жизни». Очень рано интуиция подсказала Бальзаку мысль

о труде, состоящем из серий.

Немного позднее он решил, что эти серии составят большой ансамбль под названием «Этюды о нравах», который, в свою очередь, станет одним из этажей всего здания. 26 октября 1836 года он написал госпоже Ганской ставшие позднее знаменитыми строки, в которых объяснил свой замысел:

«Этюды о нравах представляют все явления общества, и ни одна жизненная ситуация, ни одна физиономия, ни один характер, мужской или женский, ни один образ жизни, ни одна профессия или социальная среда, ни одна французская местность, ни один возраст человека, будь то детство, зрелость, старость, ничто, относящееся к политике, юстиции, войне, — не будет упущено! <...> Во второй же сессии, после показа явлений последует изложение причин <...> Потом, после рассмотрения явлений и их причин, последуют аналитические этюды, куда войдёт “Физиология брака”, ибо после явлений и причин надлежит исследовать принципы».

Иллюстрация к роману «Муза департамента»

Он заранее подсчитывал число томов этого монументального труда, который, как он горделиво заявлял, станет «Тысячей и одной ночью Запада».

«Когда всё это будет закончено, когда моя Мадлен^[6] будет высечена в

скале, на её фронтоне изваяна скульптура, леса сняты, последние мазки нанесены, станет ясно, прав я или нет. Но после поэзии и представления целой системы я займусь исследованием движущих сил человека. И на устоях этого чертога я, дитя и насмешник, начерчу гигантскую арабеску “Сто озорных рассказов”».

Он воодушевлялся и, пользуясь подходящим случаем, старался успокоить Еву относительно причин своего частого общения с женщинами:

«Вот пучина, вот кратер, вот предмет для наблюдений — женщина, та, что занимает мой ум и днем и ночью, что придаёт смысл этому письму, в котором отражён опыт такого изучения. О, я умоляю Вас, никогда не приписывайте мне ничего мелкого, ничего жалкого. Вам дано оценить размах моих крыльев».

Таков был проект, от которого он не отступал и не отступил, пока перо не выпало из его рук. Нельзя понять Бальзака, прочитав два-три или даже десять его произведений. Он не собирался выстраивать свои романы в колонну один за другим. Его величие, мощь его гения, его грандиозный замысел можно оценить, только окинув взглядом всю ширь созданного им ландшафта. Он это знал и хотел, чтобы это знали читатели ещё при его жизни. Когда-то он говорил об этом своему другу и врачу Накару: он владеет огромным бриллиантом, но ему приходится продавать его, распилив на куски. О том же он писал Еве: «Произведение, которое должно содержать все характеры и социальные явления, может быть понято, только когда оно окончено».

Побочным, но чрезвычайно важным следствием этой концепции стала возможность вновь пускать в оборот уже опубликованные произведения, продавать их новым читателям и получать за них новые авансы...

В 1840 году он нашёл название для своего колоссального предприятия: «Человеческая комедия».

Название исполнено гордыни. Следует, однако, обратить внимание на слово «комедия». Виктор Гюго, который позднее тоже увлёкся честолубивой идеей отобразить во всей полноте человека и историю, Бога, обратился к эпосу и поэзии. Бальзак положил в основу роман и назвал его «комедией». Его учителями были Мольер, Лафонтен, Рабле. Не стоит забывать о том, какое большое значение придавал он «Озорным рассказам», ныне полузабытому сочинению «ребёнка и насмешника», по его собственному выражению, своего рода Гавроша. Это качество, которое, как уже отмечалось, присутствовало в одном из его самых трагичных сочинений — «Шагреневой коже» с её отчётливыми отсылками к Рабле и Стерну. В предисловии к этому роману, возвращаясь к «Физиологии брака»,

Бальзак писал:

«Авторы часто бывают правы в своих дерзких выпадах против нынешнего времени. От нас ждут красивых картин? Где мы возьмём для них натуру? В ваших убогих одеяниях, ваших неудавшихся революциях, в ваших спорщиках-буржуа, в вашей мёртвой религии, в ваших королях на половинном жалованье? Разве они столь поэтичны, чтобы мы их вам живописали?.. Нынче мы можем только смеяться над ними».

*

Нет, решительно, он не уважал свою эпоху. Она, как и всякая другая, упивалась громкими словами. На него эти слова не действовали.

Итак, в 1840 году Бальзак заключил соглашение с группой издателей, главным из которых был Шарль Фюрн, на публикацию всей «Человеческой комедии». Среди участников проекта был Этцель, будущий издатель сочинений Жюль Верна. На Фюрна Бальзак как будто бы вполне мог положиться: издатель сочинений Вальтера Скотта и многих историков, он в финансовом отношении был надёжен. Соглашение, помимо прочего, позволяло Бальзаку привести в порядок свои запутанные финансовые дела. «Сцены частной жизни» печатались у Луи Мама, «Философские романы и рассказы» — у Гослена, некоторые сочинения — у Верде, банкротство которого в 1837 году обернулось для Бальзака разными осложнениями. Новый договор давал ему возможность сосредоточиться на всём произведении, по ходу Дела перечитывая уже изданные его части и внося в них поправки.

С 1842 по 1846 год из печати вышли 16 томов, за которыми в 1848 году последовал дополнительный том «Бедных родственников».

В 1842 году Бальзак составил подробный план всей эпопеи. Сначала идут «Этюды о нравах», разделённые на шесть частей (сцены парижской жизни, сцены частной жизни, сцены провинциальной жизни, сцены политической жизни, сцены военной жизни, сцены сельской жизни). За ними последуют «Философские этюды» и, наконец, «Аналитические этюды».

Отныне по мере написания новых произведений он должен был следить за тем, как выполняется общий замысел. Сохранился его личный экземпляр издания, на страницах которого его рукой сделаны пометки, уточнения, поправки. После двух или трёх публикаций и бесчисленных исправлений, из-за которых он стал проклятием наборщиков, он всё ещё

старался улучшить своё творение для будущих изданий. «Исправленный фюрн», как его теперь называют, этот экземпляр до сих пор остаётся основой для любого серьёзного издания Бальзака, поскольку в нём зафиксированы последний вариант текста и мысли автора.

Фюрн и его коллеги посоветовали Бальзаку написать общее предисловие ко всему труду, и он с ними согласился. Чтобы понять суть замысла «Человеческой комедии», следует прочесть авторское предисловие, хотя его и недостаточно для исчерпывающей характеристики всего творения.

Этот текст интересен, в частности, тем, насколько осторожно автор пользуется термином «роман». Бальзак надеялся на избрание во Французскую академию, на официальное признание его литературных заслуг. Ему было важно, чтобы его творчество не относили к жанру, который, по мнению многих, был малопочтенным. Он часто цитирует Корнеля, Мольера и Гёте, любит упоминать учёных или философов — Кювье, Лейбница и особенно Бюффона. Он говорит об «истории человеческой души», о «драме» и с большими предосторожностями определяет понятие романа.

«Вальтер Скотт, этот современный первооткрыватель, дал сильнейший толчок литературному жанру, который несправедливо называли второстепенным <...> Вальтер Скотт поднял до высоты философского значения истории роман, тот род литературы, который из века в век украшал поэтическую корону стран, в которых развита словесность».

Вальтер Скотт — единственный романист, который назван здесь по имени, и видно, с какой осмотрительностью Бальзак прибегает здесь к термину «роман».

Впрочем, проронив это слово, он возвращается к делам более серьёзным: «Само французское общество становится своим историком, а я буду у него всего лишь секретарём». Он называл себя то археологом, то систематизатором, то регистратором и крайне редко — романистом, да и то лишь только для того, чтобы, предвидя критику, загодя оправдаться: «К романисту будут придираются из-за того, что он хочет быть историком». У него было наивное пристрастие и уважение к учёным словам: «аналитические этюды», «физиология», «патология», «анатомия».

Бальзак обозначил здесь и своё видение общества как мира, бьющегося в конвульсиях страстей и интересов, — мира, который именно по этой причине надлежит упорядочить стабильным и сильным государством и попечением католической церкви.

В 1842 году вышли из печати три первых тома «Человеческой

комедии», и тогда же он опубликовал, помимо «Баламутки», забавное сатирическое подобие того, что по-немецки называется *Bildungsroman* (воспитательный роман), под названием «Начало жизни». Там показан самоуверенный молодой человек, который в дилижансе ведёт предосудительные разговоры, не догадываясь о том, что сидящий напротив незнакомец может оказать решающее влияние на его карьеру. За свою неосторожность он дорого заплатил, потеряв в Алжире руку.

В делах Бальзака улучшений не последовало. Он попытался поправить их с помощью своей комедии «Находчивый Кинола», тема которой — слуга, умело распутывающий все затруднения. Пьеса была принята к постановке в театре Одеон, но автору пришла в голову крайне неудачная мысль: в знак пренебрежения не приглашать на генеральную репетицию журналистов. Те не пришли, но не пришла и публика.

Тогда же случилось важное событие. В ноябре 1841 года так мешавший Бальзаку муж Иностранки решился наконец отправиться в мир иной. Бальзак узнал об этом в январе 1842 года.

Он чувствовал, что его ждёт большая удача. Ева будет принадлежать ему безраздельно, она будет его и в глазах всего света. Она выйдет за него замуж и приедет в Париж. К тому же она вступит во владение состоянием своего покойного мужа и будет распоряжаться доходами от Верховий. Близок конец всем его испытаниям!

Он не догадывался, что ему предстоит ждать этого ещё долгие годы.

БЛЕСК И НИЩЕТА

Один из биографов Бальзака, характеризуя его жизнь, уподобил его Прометею. Можно было бы для сравнения выбрать имя и другого мифологического персонажа — Сизифа. Жизнь Бальзака словно была отмечена печатью какого-то рокового проклятия, жестокого и простого, как сюжеты всех мифов.

Деньги, творчество, планы женитьбы, всё более химерические мечты о большом состоянии и прочном положении в обществе... Бальзак упорно и безосновательно воображал, что настанет время, когда он сможет отдохнуть и насладиться оглушительным и неизменным, как картина на полотне, успехом, будто какое-то мгновение жизни можно раз и навсегда остановить.

Между тем ничто не указывало на приближение этого долгожданного момента, а к привычным заботам добавилась ещё одна, очень тревожная: ухудшалось здоровье.

Вот что Бальзак рассказывал 29 апреля 1842 года Еве, очевидно, в ответ на её упрёки, что он ей редко пишет. Эти строки лучше любого портрета дают нам представление о писателе:

«Чтобы написать, как я всегда это делал, произведение высокого класса за неделю, за десять дней или за две недели, надо вставать в 2 часа ночи и работать по 16 часов кряду. В промежутках обдумываешь построение интриги, последовательность сцен. Чтобы писать той, которую любишь больше всего на свете, надо сбросить с себя груз литературных мыслей и драматургических комбинаций. Всегда ли это возможно? Добавьте сюда беготню по делам, встречи... Двадцати четырёх часов, из которых семь приходится на сон, постоянно не хватает. Большую часть времени я не слежу за собой: у меня нет времени ни на то, чтобы принять ванну, ни на одевание, ни на бритьё. А многие упорно видят во мне какого-то денди, который одевается дольше, чем я пишу. <...> Я уже не верю, что доживу до будущего года, не пережив какой-нибудь денежной катастрофы или беды со здоровьем. Я больше не могу в одиночку вести эту борьбу после пятнадцати лет напряжённой работы. Творить, непрерывно творить. Сам Бог творил только шесть дней!»

То был крик боли. Но остановиться он уже не мог. Его толкали и финансовая необходимость, и та особая страсть, которая пожирала его, и все эти существа, которых ему надо было замышлять, оживлять, железной

рукой вести к их судьбе. А ещё он был вынужден вести эту адскую битву с постоянным душевным беспокойством — битву, которую его тело в какие-то моменты отказывалось продолжать.

Он вывел для себя одну страшную формулу: «Я достигну цели убитым». И мечтал о том дне, когда судьба наконец-то ему уступит и приведёт в тихую гавань.

Многие годы Бальзак страдал мигренями, которые называл «воспалением мозга». В 1836 году во время пребывания в замке Саше он упал в обморок на прогулке, после этого у него в течение нескольких дней были затруднения с речью. Год спустя друг и врач Бальзака Накар обеспокоился, обнаружив у него хронический кашель и хрипы в лёгких. В 1842 году он стал жаловаться на нервный тик в веках, тогда же Накар нашёл у него «сильное засорение больших сосудов сердца». Появились и другие поводы для уныния.

Следующий год был отмечен многими тревогами. Бальзак сильно растолстел, постоянно переутомлялся, работая по ночам, злоупотреблял кофе. День за днём он пробуждал в себе гаснувшие творческие порывы. Ему не давали покоя денежные заботы. В наши дни сказали бы, что он страдал от сильного стресса. А попросту говоря, «укатали сивку крутые горки». Нелегко давались ему путешествия по стране и за границу, но ему не сиделось на месте. По разным причинам он исколесил всю Францию, делая в каждом городе, где побывал, заметки для будущих сочинений. Но в тогдашних условиях даже не очень дальняя поездка означала часы дорожной тряски, сквозняков, недосыпания. Бальзаку, чьё здоровье и без того было уже расшатано, всё это не шло на пользу. При этом, разумеется, он ещё вынужден был брать с собой в дорогу неотложную работу.

1843 год, как и предыдущие, прошёл в трудах и терпении. Или, если угодно, в нетерпении. Бальзак думал только об одном — уехать из Парижа к Еве. Увы, но было похоже, что она не спешит встретиться с ним. Она занималась в то время вопросами наследства и управления Верховней. Это было непросто — оказаться хозяйкой огромного имения. Ей нужны были помощь и благожелательное отношение юристов. К тому же российские законы запрещали приобретение земельной собственности через женитьбу. Сначала ей надо было отписать часть имения своей дочери. Всё это было очень сложно. Помимо того, она опасалась, что слишком поспешное новое замужество будет превратно истолковано земляками. Во всяком случае, это она давала понять Бальзаку. Возможно, она была просто не готова разделить с ним жизнь.

Между тем они не виделись уже семь лет. Это очень долгий срок. Что

это, спрашивается, за любовь, когда влюбленные живут долгие годы за тысячи километров друг от друга?

Его самого задерживали в Париже романы, которые надо было сдавать в печать. Он опубликовал несколькими выпусками «Онорину», которая имела успех, две первые части «Блеска и нищеты куртизанок», третью часть «Утраченных иллюзий». Отдельными книгами вышли «Тёмное дело», «Муза департамента» и «О Екатерине Медичи» — странное сочетание романа с историческим трудом. Одновременно ему приходилось заниматься будущими томами «Человеческой комедии», надо было перечитывать тексты, вносить в них бесчисленные исправления, спорить с наборщиками. Теперь его произведения шли к читателю тремя путями: выпуски в газетах, первые публикации отдельными книгами, том полного собрания.

Наконец, в июле, заплатив самые неотложные долги, он получил возможность уехать из Парижа. В Дюнкерке он сел на корабль до Санкт-Петербурга, куда госпожа Ганская приехала заниматься своими делами о наследстве. Морское путешествие Оноре продолжалось несколько дней и довольно сильно пошатнуло его здоровье. В России он провёл лето и начало осени. В октябре, не желая снова иметь дело с морским транспортом, вернулся домой по суше через Берлин, Потсдам, Лейпциг, Дрезден, Майнц. Эта поездка показалась ему бесконечной. Вернувшись в Париж, он вынужден был ехать в Гавр, чтобы получить там свой багаж, прибывший морем.

Тогда же он испытал ещё одну неудачу со своей пьесой «Памела Жиро». Ещё он снова задумался об избрании во Французскую академию, где как раз освободилось кресло, но потом сам же отказался от попытки: бесполезно было ломиться в крепко закрытые для него двери.

Он был обессилен, его состояние вызывало всё большее беспокойство Накара, который уже говорил о «хроническом менингите». Чтобы ослабить приток крови к голове, Бальзак начал принимать горячие ножные ванны с горчицей. Но о том, чтобы замедлить ритм работы, он и речи не допускал.

В 1844 году его «Комедия» обогатилась пятью новыми томами и одновременно были опубликованы «Модеста Миньон» и «Крестьяне». Обе вещи принесли Бальзаку разочарование. «Модеста Миньон» не увлекла читателей газеты «Журналь де деба», которая ради сохранения тиража с большим шумом объявила о начале печатания «Графа Монте-Кристо». Выход «Крестьян» был прерван в пользу «Королевы Марго». За какие-нибудь два-три года Александр Дюма сделался королём романа-фельетона. Бальзак был в бешенстве. Дело не только в том, что Дюма казался ему

всего лишь автором развлекательных поделок, поговаривали, что он даёт сюжеты своим «неграм», которые пишут за него. Этот писатель стал ему ненавистен. В его «Трёх мушкетёрах» он нашёл уйму ошибок, да и сама личность Дюма вызывала у него антипатию. Он не любил этого шумного человека, считал его вульгарным и называл «увечным канатоходцем». Рассказывали, что однажды Бальзак, выведенный из равновесия театральными успехами Дюма, прилюдно бросил ему: «Когда я выдохнусь, стану писать пьесы». На что Дюма ответил: «В таком случае, вам надо начинать теперь же». Казалось, что этим двоим лучше было не попадаться друг другу на глаза.

Возможно, у Бальзака были и другие причины для недоброго отношения к Дюма. У него вызвал досаду триумфальный успех «Графа Монте-Кристо». Выбрав современный сюжет, развернув значительную часть интриги в тогдашнем Париже, Дюма прошёл по территории Бальзака. Какую великолепную вещь мог сделать из этого сюжета он сам! Этот знаменитый иностранец, баснословный богач, осуществляющий в Париже свою безжалостную месть, — ведь он само воплощение его собственной, Бальзака, мечты о тайной власти. Есть сведения о том, что Бальзак мечтал сделать из этого сюжета театральную пьесу.

Двойная неудача «Крестьян» и «Модесты Миньон» сказала на нём тяжело. Под вопрос были поставлены смысл и цель его труда. Решительно, ему всего приходилось добиваться тяжким трудом. Его жизнь была непрерывной борьбой, в которой ему не довелось побеждать.

Он утешал себя тем, что скоро рядом с ним будет его Ева, ждать осталось недолго. Самое большее — несколько месяцев. Поэтому надо было всё подготовить к тому благословенному дню, когда она наконец придет, чтобы жить вместе с ним в Париже. Именно в то время у него появилась страсть к антикварным вещам и мебели. Он открыл в себе коллекционера. Позднее он вспомнит об этом, когда будет писать «Кузена Понса». Но коллекционирование означало новые непредвиденные траты.

А госпожа Ганская тем временем решила, прежде чем заняться своим будущим, выдать замуж дочь. Она считала, что в её вдовьем положении так будет приличнее. К тому же она всё ещё раздумывала, возможно, наперекор своим чувствам, стоит ли ей выходить за Бальзака. А не охотится ли он за её состоянием? Да и относительно его верности у неё были сомнения. Эта Бреньо, так называемая «госпожа де Брюньоль», которая служит в доме Бальзака экономкой, — какую роль она там играет на самом деле?

И она не ошиблась в своём подозрении. Мы уже упоминали о том, как Бальзак обнаружил, что у этой особы, нанятой вести его домашнее

хозяйство, есть тело, и оно, по зрелому рассуждению, совсем недурное. Это, конечно, не пламенная Флора Бразье из «Баламутки» со своими колдовскими чарами, что приворожила старика Руже, но всё-таки...

Надо было как-то успокоить Еву на этот счёт, представить дело в самом безобидном виде. Помимо этого на его попечении были ближайшие родственники. Его сводный брат Анри во время своих странствий женился и теперь вернулся с острова Мартиника без гроша в кармане, но с женой. Мать также была стеснена в средствах. Всё это тоже стало заботой Оноре. Со времени авантюры с печатней он так и не выплатил своего долга семье, и мать не упускала случая напомнить ему об этом.

Он мало что мог для них сделать. Ему оставалось только полагаться на свои мечты. И он принялся писать «Кузину Бетту».

Два последующих года оказались для него не столь мрачными. В мае 1845 года он отправился в Дрезден, где встретил госпожу Ганскую вместе с её дочерью и женихом, которого она ей подыскала, — графом Георгием Мнишеком. Через Хобург и Канштат они вчетвером направились в сторону Некара, откуда доехали до Страсбурга, и наконец прибыли в Париж, где Бальзак снял для своих гостей квартиру. Весь год прошёл в многочисленных поездках сначала по Турени, потом по Италии. В начале 1846 года Бальзак, которого дела позвали в Париж, снова присоединился к этому трио в Риме, где получил аудиенцию у папы Григория XVI.

Всё это время в общем прошло для Бальзака довольно весело. Необычный квартет, состоявший из невесты и жениха, матери и её обожателя, оказался вполне слаженным. После одного циркового представления, которое они посетили в Германии, они дали друг другу смешные прозвища. С тех пор Бальзака они называли Бильбоке. Рядом с этой троицей он отдыхал от забот и предавался чему-то похожему на семейное счастье.

В 1846 году он приобрёл в Париже на улице Фортюне, ныне улица Бальзака, дом и начал обставлять его старинной мебелью и антикварными предметами, которые отыскивал повсюду, где бывал. Ева выделила ему средства. Он был уверен, что женитьба его неминуема.

Конец года омрачился драмой: у Евы, ожидавшей ребёнка, случился выкидыш. Бальзак был в отчаянии, ведь он уже готовился стать отцом и будущего сына собирался назвать Виктором Оноре. Можно предположить, что Еву Ганскую такой исход неожиданной беременности не слишком опечалил. Скорее, даже утешил: ведь они в то время ещё не были мужем и женой.

В течение этих двух лет Бальзак писал меньше. Он закончил «Блеск и

нищету куртизанок», опубликовал «Делового человека», «Комедиантов неведомо для себя» и, главное, «Кузину Бетту». Пружина разжалась, и он уже затевал новые планы, но в глубине души, по-видимому, надеялся отдохнуть.

Над «Блеском и нищетой куртизанок», которые продолжили «Утраченные иллюзии», он работал девять лет. Находившийся на грани самоубийства Люсьен де Рюбампре при поощрении Вотрена, он же Эррера, предпринял новую попытку завоевать Париж. По слабости характера, это ему не удалось. Пока Вотрен устраивал его женитьбу на Клотильде де Гранльё, девице из аристократического рода, выманивая для этой цели деньги у банкира Нусингена, Люсьен влюбился в куртизанку Эстер, которая была дочерью ростовщика Гобсека. Словом, довольно некрасивая история. В ней в общей сложности так или иначе участвуют более 250 персонажей. Это один из самых людных перекрёстков «Человеческой комедии». Дело там кончается плохо.

Иллюстрация к роману «Блеск и нищета куртизанок»

Вотрен, бывший каторжник, фальшивомонетчик, циник, манипулятор, выкрутится удачно и закончит свой путь министром полиции. Его прототипом стал знаменитый Франсуа Видок, с которым Бальзак хотел когда-то познакомиться. В известном смысле Вотрен — фигура

противоположная и симметричная будущему Жану Вальжану. Бальзаковский взгляд на мир, не то чтобы циничный, но глубоко пессимистический, радикально противоречит искупительным идеям Гюго.

В том же году в альманахе «Салон 1846» молодой Бодлер, у которого была с Бальзаком короткая встреча при посредничестве Теофиля Готье, отдал романисту должное в таких звучных строках: «Героям Илиады до вас далеко, о Вотрен, о Растиньяк, о Биротто». Наконец-то появился критик, оценивший Бальзака по достоинству!

Осенью Бальзак вновь поехал на Украину. Перед этим он оставил свой дом в Пасси и закончил обустройство будущего семейного гнездышка на улице Фортюне. При этом ему пришлось, надо сказать не без труда, избавиться от своей прислуги-любовницы «госпожи де Брюньоль», которая стала помехой в его брачных планах. К ней в руки попали письма Евы Ганской, в которых, в частности, шла речь о беременности и выкидыше. Обнародование таких сведений могло бы вызвать в Петербурге настоящий скандал. Пришлось их выкупать...

Зиму он провёл в Верховне. Там он, по крайней мере, отдохнул в спокойной обстановке с дворней в услужении. Ева, казалось, толком не знала, чего она хочет. Став хозяйкой имения, она только уясняла положение дел и едва с ними управлялась. При этом она была озабочена долгами Бальзака. В начале 1848 года он вернулся в Париж с планами пьес для театра. Пьеса, в отличие от романа, может быть написана за несколько дней, во всяком случае, таким автором, как он, а если она пойдёт с успехом — это немалый доход от сборов...

Но в дело снова вмешался рок. Париж кипел, на улицах появлялись баррикады, слышны были крики «Да здравствует Республика!». В ночь на 25 февраля Луи Филипп отрёкся от престола и тотчас покинул Париж. На следующий день дворец Тюильри был захвачен и разграблен толпой. Была провозглашена Республика. Вплоть до кровавых июльских репрессий столица жила под знаком рабочей революции. Бальзак был в ужасе: рабочие хотят трудиться меньше и получать больше. «Это же подорвёт всю коммерцию!» — писал он. Здесь встаёт вопрос о диапазоне размышлений Бальзака об обществе. Описывая его разные слои — от мелких лавочников и крестьян до господствующих классов, крупного банковского капитала и аристократии, — Бальзак показал себя проницательным и строгим художником. Но он не вывел на сцену рабочий класс. Французская литература в его время всё ещё ходила кругами вокруг этой новой силы, не зная толком, какой смысл и статус ей приписать. Позднее Гюго попытался это сделать с позиций просвещённого и душевно щедрого буржуа. «Пока на

земле существуют невежество и нищета, книги, подобные этой, могут оказаться бесполезными», — писал он о своих «Отверженных». Образование и хлеб для всех — такова была его программа. Бальзак же так и остался со своими страхами перед «опасными классами» — страхами того самого свойства, что привели к самым диким репрессиям.

Всё происходящее не помешало ему в апреле выдвинуть свою кандидатуру в Учредительное собрание^[7]. Разве обществу не нужны просвещённые умы, которые направляли бы народ и напоминали ему о необходимости сильной власти? Его не избрали.

Среди всей этой сумятицы его пьеса «Мачеха», поставленная в мае, не вызвала никакого интереса публики. Ирония судьбы: из всех его пьес критика впервые хорошо отозвалась именно об этой. Он работал над другой пьесой — «Мерка-де», которая была принята к постановке в «Комеди Франсез», но при жизни автора так и не увидела сцены. Между тем это единственная пьеса Бальзака, которая прошла с некоторым успехом.

В июле, когда буржуазная республика свирепо обрушилась на рабочих, Бальзак гостил в Саше у своих друзей Маргонов. В конце лета он вновь уехал на Украину. Он даже подумывал о том, чтобы поселиться там навсегда. Франция его больше не интересовала. Приехав на Украину, он ожил, задумывал один проект за другим, просматривал свои рукописи, но организм его уже не выдерживал. Мозг и сердце быстро уставали, кровообращение было нарушено, усиливалась одышка. Он провёл в России весь 1849 год, и за это время Французская академия дважды отклоняла его кандидатуру. За него было подано всего два голоса, хотя Виктор Гюго сделал всё что мог. Бальзак был удручён: он надеялся положить в свадебную корзину хотя бы своё избрание в это почтенное учреждение. Это было для него тем более важно, что его отношения с Евой были отравлены денежными проблемами. Обустройство дома на улице Фортюне обошлось очень дорого, и всякий раз, когда Бальзаку угрожал какой-нибудь особенно настойчивый кредитор, платила за него она. Всё это создавало гнетущую обстановку.

Тем не менее в марте 1850 года он наконец добился того, чего так долго ждал, — руки Эвелины Ганской. Бракосочетание состоялось в церкви Святой Варвары в Бердичеве. С того дня, когда он получил первое письмо от Иностранки, прошло 18 лет. Но этот столь долгожданный момент наступил слишком поздно. Мог ли он, мучимый всеми возможными болезнями, всё ещё верить в возможность счастья? И будет ли счастлива она с этим пятидесятилетним мужчиной, здоровье которого оставляет

желать лучшего? Что касается принятого ею решения, то возникает печальная мысль, что после долгих колебаний она в итоге пошла за него замуж из жалости. Да, можно сказать с полной определённой, что всё пришло к нему слишком поздно...

Через несколько недель они уехали в Париж. Это долгое путешествие обернулось настоящим кошмаром. До этого в течение нескольких месяцев Бальзак непрерывно ходил по врачам. Он тяжело дышал и опухал. От какой болезни он страдал? Это не совсем ясно. Его мучил бронхит, натруженное сердце давало сбои. Врачи говорили и о водянке. Ясно одно: долгое путешествие при таком состоянии стало для него пыткой. Ева де Бальзак с тревогой смотрела на своего супруга, который силился бодриться. С тревогой и с нежностью. Она не могла оставаться равнодушной к человеку, чьим гением восхищалась и который так долго и преданно её любил.

Они приехали в Париж поздним майским вечером, когда уже стемнело. Этот момент, о котором Бальзак так долго мечтал, он встретил изнеможённым и страждущим. Мать Бальзака, извещённая письмом о времени их приезда, всё приготовила к встрече, но она была испорчена неприятным случаем. Слуга, которому было доверено их встретить, неожиданно впал в безумие и отказывался открывать двери. Пришлось пойти к слесарю и будить его посреди ночи. В таких мрачных обстоятельствах Бальзак предъявил любимой дом, который сам купил и великолепно, как он думал, обставил. Ева де Бальзак от увиденного пришла в замешательство. Этот большой, некрасивый и неуютный барак он набил всевозможным старьём, достойным коллекций кузена Понса. Комнаты, отделанные с кричащей роскошью, были неуютны.

Иллюстрация к роману «Блеск и нищета куртизанок»

Иногда о госпоже Ганской судят довольно сурово. Говорили, что она не любила Бальзака и вышла за него неохотно. Возможно, так и было. Только надо себе представить, каково ей было оказаться в этом чужом городе, вдали от того мира, в котором она выросла и жила. Конечно, муж её

человек знаменитый, но ей приходится платить за него огромные долги, а сам он, похоже, готовится сыграть в ящик. Очень трудно допустить, что от всего этого она была в большом восторге.

Было видно, что это страшное путешествие унесло остатки его сил. Он с трудом ходил, терял зрение. Врачи рекомендовали ему полный покой. В разных частях тела появлялись опухоли. Ему делали кровопускания, пункции. Из него выходило много воды. В начале лета его друг Теофиль Готье, уезжавший в Италию, решил навестить его и попрощаться. Он послал ему записку, в которой просил назначить время встречи. Ему ответила госпожа де Бальзак: муж не может принять гостя. В конце письма Бальзак написал нетвёрдой рукой: «Я больше не могу ни читать, ни писать».

Готье был потрясён. «Мы сохранили как реликвию эту печальную строку, — писал он позднее, — вероятно, последнюю, написанную автором “Человеческой комедии”. Это был его последний крик, “Или, лама савахвани”^[8] мыслителя и труженика».

Поздним вечером 18 августа Виктор Гюго, узнав, что его собрат по перу совсем плох, явился к нему уже на улицу Фортюне. Он оставил описание этой страшной сцены. Комната, наполненная зловонием. Врачи разместили в ней какие-то составы для подавления дурного запаха гангрены, появившейся на ноге пациента. Бальзак лежал сильно похудевший, бледный, заросший бородой. Гостя он не узнал. Той же ночью он умер.

С лица покойного не успели снять гипсовую маску, как это было принято: уже через несколько часов после смерти ткани лица начали разлагаться.

Существует предание, согласно которому агония Бальзака сопровождалась непристойным поведением его жены. Якобы она в последние часы жизни мужа принимала в соседней комнате любовника. Именно этот последний, художник Жигу, годы спустя рассказал о такой сцене писателю Октаву Мирбо, который расписал её, сдобрив жутковатыми деталями, вполне отвечающими его «чёрной» стилистике. Но не все биографы принимают эту историю на веру. Ева де Бальзак впоследствии, действительно, стала подругой Жигу, но познакомилась она с ним, вероятно, через несколько месяцев после смерти мужа, когда художник писал портрет её дочери.

В ночь на 19 августа Виктор Гюго, вернувшись к себе, сказал, что Европа потеряла одного из своих великих умов. Его восхищение Бальзаком было искренним и глубоким. Поэт эпического размаха понял, как романист

видел мир и в чём была его цель. Когда во время заупокойной службы в церкви Сен-Филипп-дю-Руль какой-то чиновник, стоявший рядом с ним, назвал Бальзака «выдающимся человеком», он строго сказал в ответ: «Это был гений».

На кладбище Пер-Лашез в присутствии множества официальных лиц, журналистов, писателей — включая и Александра Дюма, о котором покойный так плохо отзывался, — тот же Гюго произнёс надгробное слово, которое стало знаменитым: «Имя Бальзака вольётся в тот сверкающий след, который наша эпоха оставит грядущему...» Счастливым то время, которое не сомневается в своём продолжении в потомстве. Говоря о творчестве Бальзака, Гюго нарисовал картину в собственном поэтическом стиле и в то же время очень верную:

«Все его книги образуют одну живую, глубокую, блестящую книгу, в которой мы видим, как в жуткой схватке с действительностью ходит, движется, мечется вся наша цивилизация, — чудесную книгу, которую поэт назвал “Комедией”, а мог бы назвать “Историей”».

Оратор не преминул напомнить присутствующим о всевозможных трудностях, пережитых покойным:

«Этот мощный, неутомимый труженик, этот философ, поэт, этот гений жил среди нас жизнью, полной гроз, борьбы, ссор, схваток, как это было во все времена у всех великих людей. Ныне он обрёл покой. Он более недостижим для распри и ненависти. В один и тот же день он уходит в могилу и в бессмертие».

Жанр надгробных речей предполагает некоторые обязательные обороты, неизбежные гиперболы, но сказанное Виктором Гюго звучит справедливо и верно. С присущей ему щедростью, искренностью и особой проницательностью он заложил первый камень в посмертную славу Бальзака, которая в дальнейшем будет неуклонно расти и шириться.

*

Еве де Бальзак суждено было на 32 года пережить того, кто более пятнадцати лет был её далёким возлюбленным и в течение пяти месяцев — мужем. Весьма необычная судьба для аристократки, родившейся и выросшей на другом краю Европы, дочери народа, покорённого империей царей, женщины, оказавшейся в Париже вдовой писателя, слава которого крепла день ото дня у неё на глазах. Она с достоинством приняла своё положение, занялась погашением долгов мужа, выплачивала пенсию его

матери, вела переговоры с его издателями, приводила в порядок его рукописи и архивы.

Занимаясь этим, она познакомилась с одним страстным почитателем Бальзака, молодым писателем Шанфлери, которого попросила помочь ей в этой работе. Потом она стала его любовницей, а позже встретилась с упомянутым уже художником Жигу. А в окружении вдовы писателя и в свете не стеснялись говорить, что она быстро утешилась. Но нет ничего удивительного и предосудительного в том, что эта женщина, дважды вдова, оказавшись в такой ситуации, искала плечо, на которое можно было бы опереться.

С художником она прожила вплоть до его смерти в 1882 году. За некоторое время до этого она уступила в обмен на пожизненную ренту дом на улице Фортюне — ставшей к тому времени улицей Бальзака — семейству Ротшильдов, которые позже снесли здание, чтобы построить на его месте особняк Соломона Ротшильда.

В часы, следовавшие за смертью Евы, разыгрался поразительный эпилог жизни писателя Бальзака. Поскольку ещё оставались невыплаченные долги, как только стало известно о кончине госпожи де Бальзак, кредиторы и соседи нагрянули в дом и почти всё оттуда вынесли. Тащили мебель, ценные вещи. Рукописи выбросили на помойку, где их подобрала соседние лавочники, чтобы использовать как упаковочную бумагу. К счастью, некий виконт Шарль Спульберх де Ловенжюль, образованный коллекционер, особенно интересовавшийся творчеством Бальзака, узнав о происходящем, пришёл посмотреть, как далеко зашло дело. Позднее он рассказал об этом Эдмону де Гонкуру. У сапожника, что жил напротив, он увидел кипу бумаг Бальзака, и на глаза ему попалось его письмо к Еве Ганской. Поняв, чем это всё может кончиться, он обошёл всех лавочников в округе и выкупил у них письма, наброски романов, фрагменты рукописей. В значительной мере благодаря ему мы имеем возможность читать «Письма к Иностранке», которые составляют бесценный бортовой журнал Бальзака.

Так этому Парижу торговых улиц, где писатель любил прогуливаться, наблюдая какую-нибудь заинтересовавшую его фигуру, запоминая какую-нибудь любопытную фамилию, схватывая на лету какой-нибудь разговор или выразительное простонародное словцо, — этому Парижу не удалось прибрать к рукам то, что осталось от Оноре де Бальзака.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ОНОРЕ ДЕ БАЛЬЗАКА

1799 (20 мая) — в городе Туре родился Оноре де Бальзак.

1800 — родилась сестра Оноре Лора.

1802 — родилась младшая сестра Оноре Лоране.

1807—1813 — Оноре обучается в коллеже ораторийцев в городе Вандоме.

1814 — семья Бальзак переселяется в Париж.

1816—1819 — Оноре де Бальзак изучает право и становится помощником поверенного, а затем нотариуса.

1819 — решив попробовать себя в литературе, Оноре с согласия родителей поселяется один в доме 7 по улице Ледигьер. Пишет пьесу в стихах «Кромвель», которая не пережила первого чтения в семейном кругу. Семья Бальзак переселяется в Вильпаризи.

1820—1824 — Оноре де Бальзак публикует несколько романов под псевдонимом Лорд Р'Оон и Орас де Сент-Обен.

1822 — Бальзак знакомится в Вильпаризи с Лорой де Берни, замужней женщиной старше его на 22 года.

1825—1827 — Бальзак пробует заняться издательским, потом типографским делом. Предприятие, финансируемое семьёй и друзьями, закончилось банкротством. С тех пор Бальзак был постоянно в долгах.

1825 — знакомство Бальзака с герцогиней д'Абрантес, вдовой маршала Жюно. Оноре становится её любовником, не прерывая связи с госпожой де Берни. Через сестру Лору знакомится с Зюльмой Карро, с которой потом многие годы поддерживал дружеские отношения.

1829 — умер отец Бальзака. Оноре публикует «Физиологию брака» и «Последнего шуана», первый роман, подписанный его настоящим именем и включённый позднее в «Человеческую комедию».

1830 — Бальзак пишет и публикует «Сцены частной жизни». Становится успешным молодым автором, которого принимают в различных салонах, и сотрудником нескольких газет.

1831 — триумфальный успех «Шагреневой кожи». Публикация «Философских романов и рассказов».

1832 — Бальзак увлёкся маркизой де Кастри, что склонило его к сближению с легитимистами. Опубликованы первые «Озорные рассказы»,

«Госпожа Фимиани», «Гренадёрша», «Полковник Шабер» и «Турский священник».

1833 — опубликованы «Луи Ламбер», «Евгения Гранде», «Прославленный Годиссар», «Феррагус», «Сельский врач». В сентябре он встречается в Швейцарии с Эвелиной Ганской, с которой до этого в течение нескольких месяцев поддерживал интимную переписку.

1834 — в январе приезжает в Женеву, где становится любовником госпожи Ганской. Связь с графиней Гвидобони-Висконти. Опубликованы «Герцогиня де Ланже», «Поиски абсолюта».

1835 — издан «Отец Горио», в котором Бальзак впервые стал применять возвращение персонажей из прежних книг. Написаны «Брачный договор», «Лилия долины», «Серафита». Преследуемый кредиторами, Бальзак вынужден переехать с улицы Кассини в квартал Шайо, где поселился под чужим именем. В мае встречается в Вене с госпожой Ганской.

1836 — Бальзак учреждает газету «Парижская хроника», просуществовавшую недолго. Поездка в Италию (Турин). Смерть госпожи де Берни. «Обедня безбожника», «Фачино Кане».

1837— новая поездка в Италию (Милан, Венеция, Генуя, Флоренция). Покупка небольшого имения Ле Жарди между Севром и Виль-д-Аврэ. Начало «Утраченных иллюзий». «Старая дева», «Служащие», «Гамбара», «Цезарь Биротто».

1838 — поездка на Сардинию в надежде получить концессию на разработку серебряных копей. Опубликованы «Сельский священник» и «Банкирский дом Нусингена».

1839 — «Музей древностей», «Дочь Евы», «Беатриса», «Тайны княгини де Кадиньян». Продолжение «Утраченных иллюзий» и начало «Блеска и нищеты куртизанок».

1840 — драма «Вотрен», поставленная в театре Портсен-Мартен, запрещена. Бальзак учреждает газету «Парижское обозрение», в которой публикует, в частности, похвальную рецензию на роман Стендаля «Пармская обитель». Вскоре выпуск газеты прекращается. Бальзак продаёт имение Ле Жарди и поселяется в квартале Пасси. Опубликованы «Перетта», «Князь богемы», «З. Маркас».

1841 — Бальзак подписывает контракт с компанией Фюрна на полное издание «Человеческой комедии». Опубликованы «Воспоминания двух молодых жён», «Баламутка», «Тёмное дело».

1842 — Бальзак получает известие о смерти мужа госпожи Ганской. Провал пьесы «Находчивый Кинола». Опубликованы «Начало жизни»,

«Альбер Саварюс». Выход первого тома «Человеческой комедии» с развёрнутым авторским предисловием.

1843 — поездка в Санкт-Петербург, новая встреча с госпожой Ганской. Ухудшение здоровья. Врач Бальзака диагностирует хронический менингит. «Онорина», «Муза департамента», заключительная часть «Утраченных иллюзий».

1844 — «Модеста Миньон», «Крестьяне». Возникают препятствия его браку с госпожой Ганской: российские законы запрещают приобретение земельной собственности иностранными подданными.

1845 — путешествие Бальзака и Евы Ганской в сопровождении её дочери с женихом по Франции и Италии.

1846 — готовясь к женитьбе, Бальзак покупает особняк на улице Фортюне. У госпожи Ганской происходит выкидыш. Публикация «Кузины Бетты».

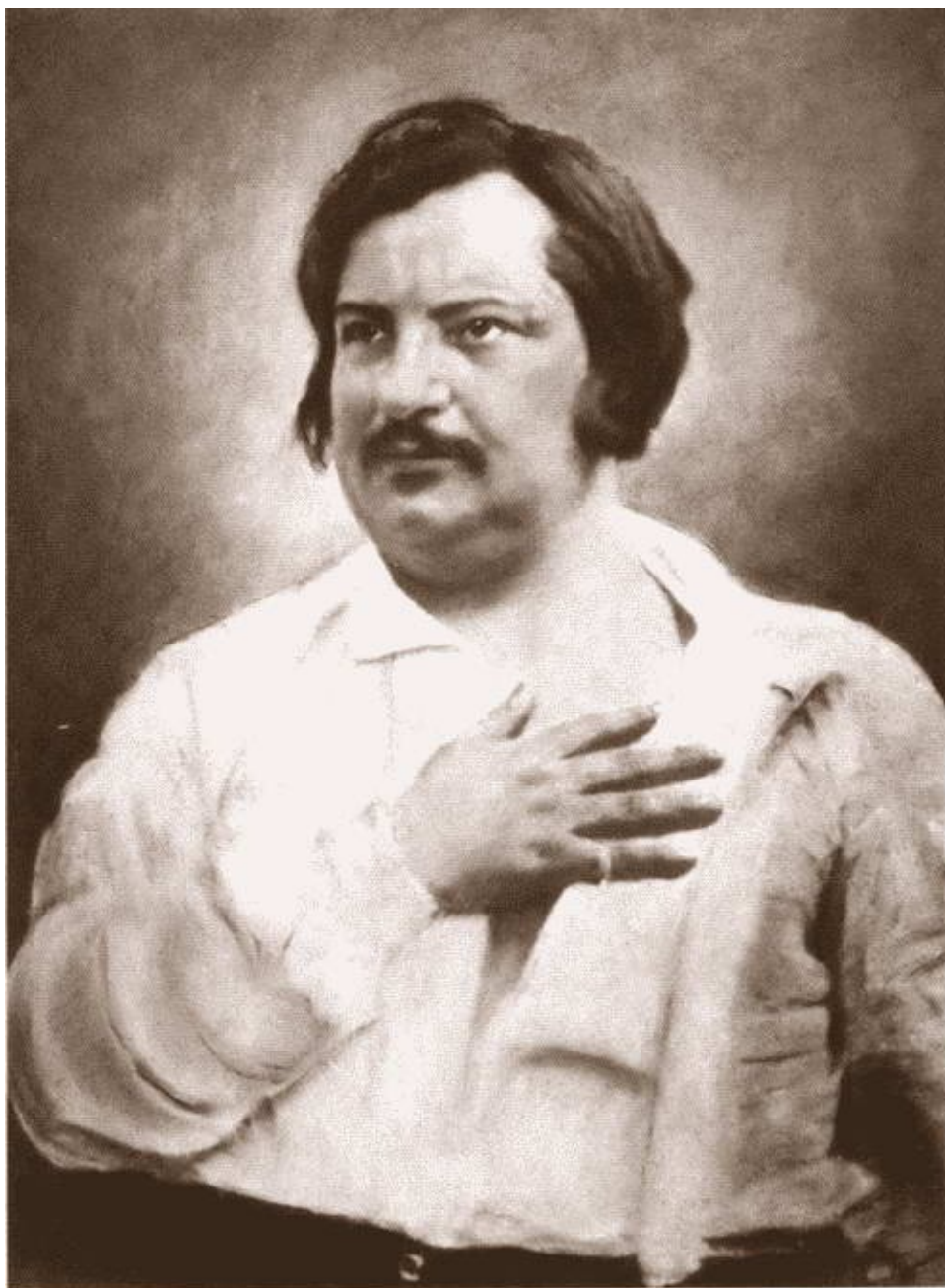
1847 — осенью Бальзак впервые останавливается в имении Ганских Верховня на Украине. Его здоровье продолжает ухудшаться. Опубликованы «Кузен Понс» и «Блеск и нищета куртизанок».

1848 — Бальзак возвращается в Париж и становится свидетелем крушения монархии Луи Филиппа и провозглашения Второй республики. Его пьеса «Мачеха», доброжелательно встреченная критикой, коммерческого успеха не принесла. В сентябре Бальзак уезжает в Верховню.

1849 — находясь на Украине, Бальзак почти совсем перестаёт писать. Его здоровье ухудшается день ото дня: гипертрофия сердечной мышцы, водянка, бронхит, болезнь глаз.

1850 — в марте в городе Бердичеве состоялось бракосочетание Евы Ганской и Бальзака. В мае супруги вернулись в Париж. Поездка отняла последние силы писателя, отныне он не покидал своей спальни. В ночь на 19 августа Бальзак скончался.

ИЛЮСТРАЦИИ

Balzac

Бернар Франсуа Бальзак, отец писателя

Лора де Сюрвиль, сестра Бальзака

Бальзак в 1825 году. Рисунок А. Девериа

Эвелина Ганская

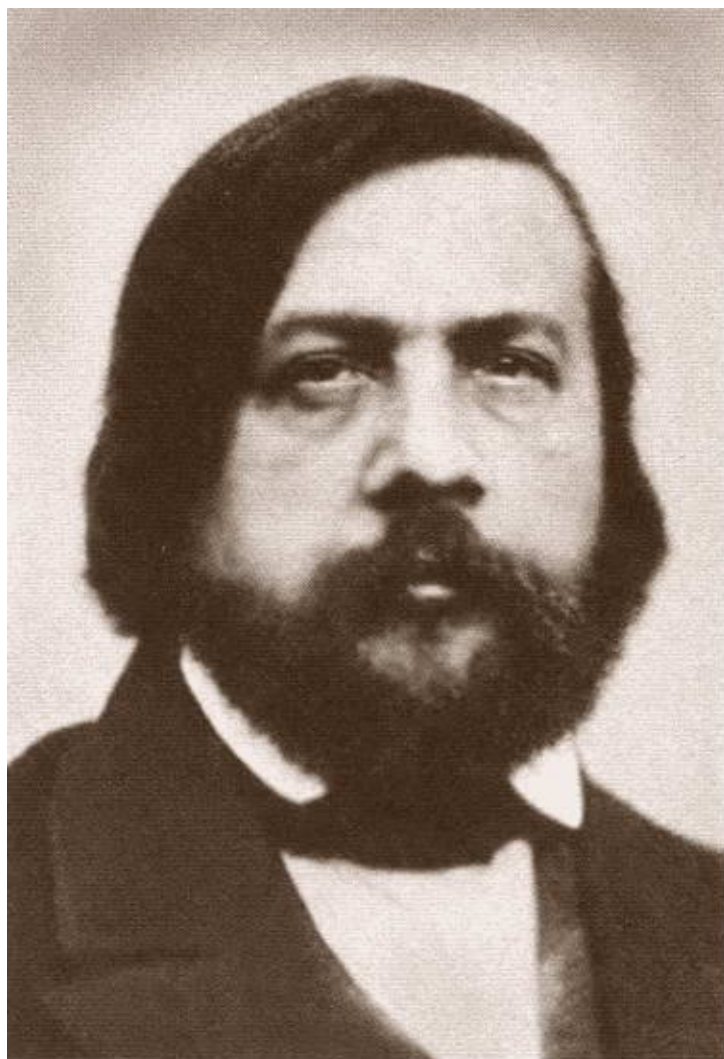
Графиня Сара Гвидобони-Висконти

Лора Жюно, герцогиня д'Абрантес

Лора де Берни

Теофиль Готье

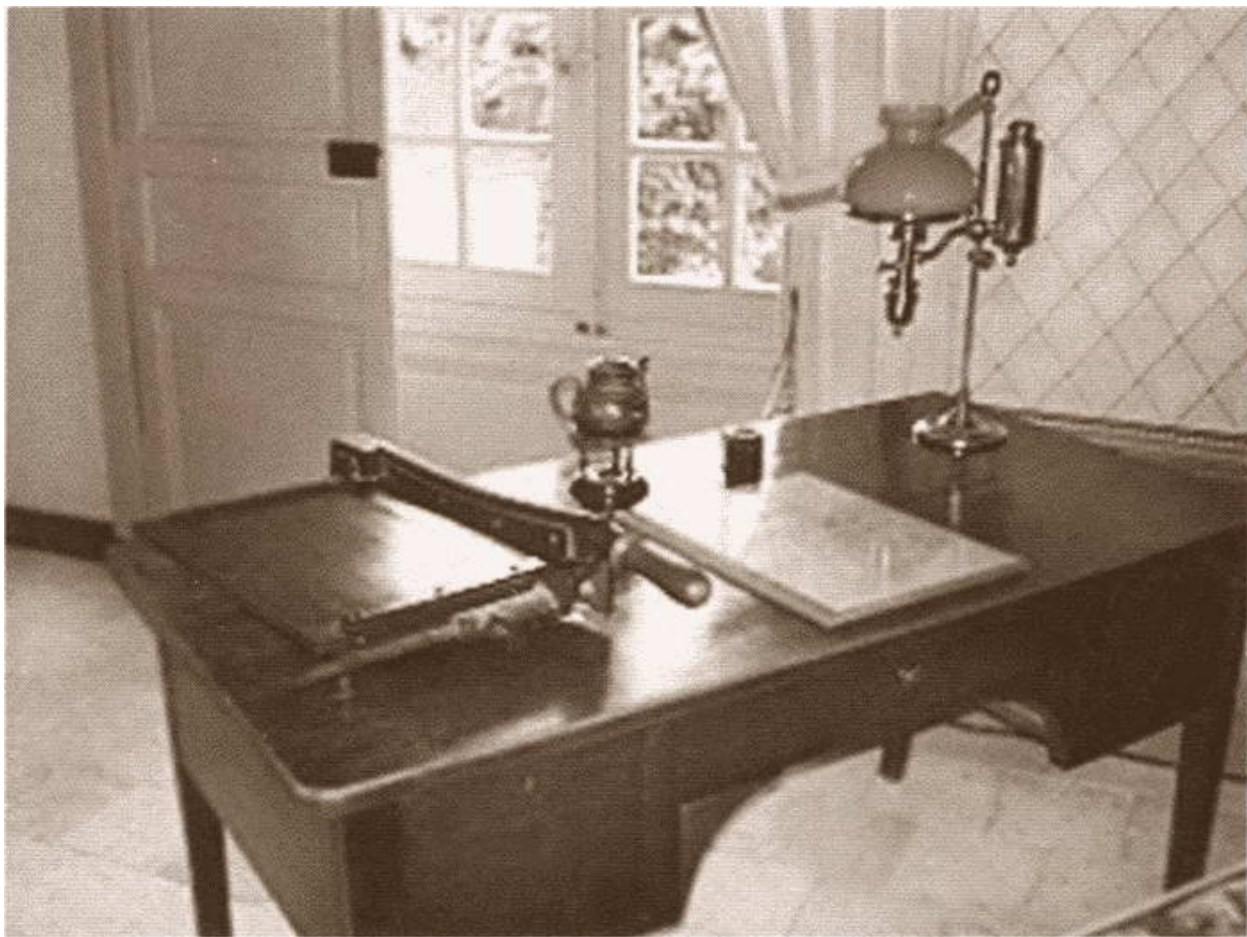
Зюльма Карро

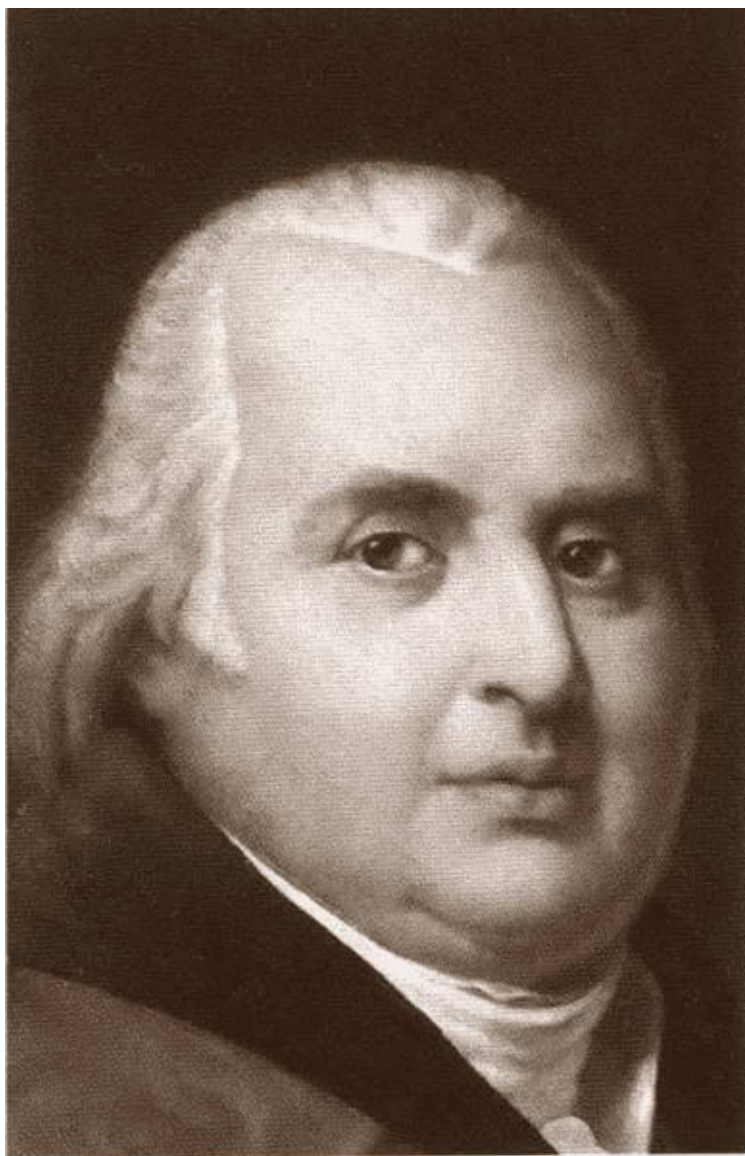
Виктор Гюго. Шарж Оноре Домье

Замок Саше

Письменный стол Бальзака в замке Саше

Людовик XVIII

Дом-музей Бальзака в Париже

Карл X

Дом в имени Бальзака Ле Жарди

Луи Филипп

Сражение на улице Роан (28 июля 1830). Картина Леконта

Наполеон III

Адо́льф Тье́р. Шарж Оно́ре Домье

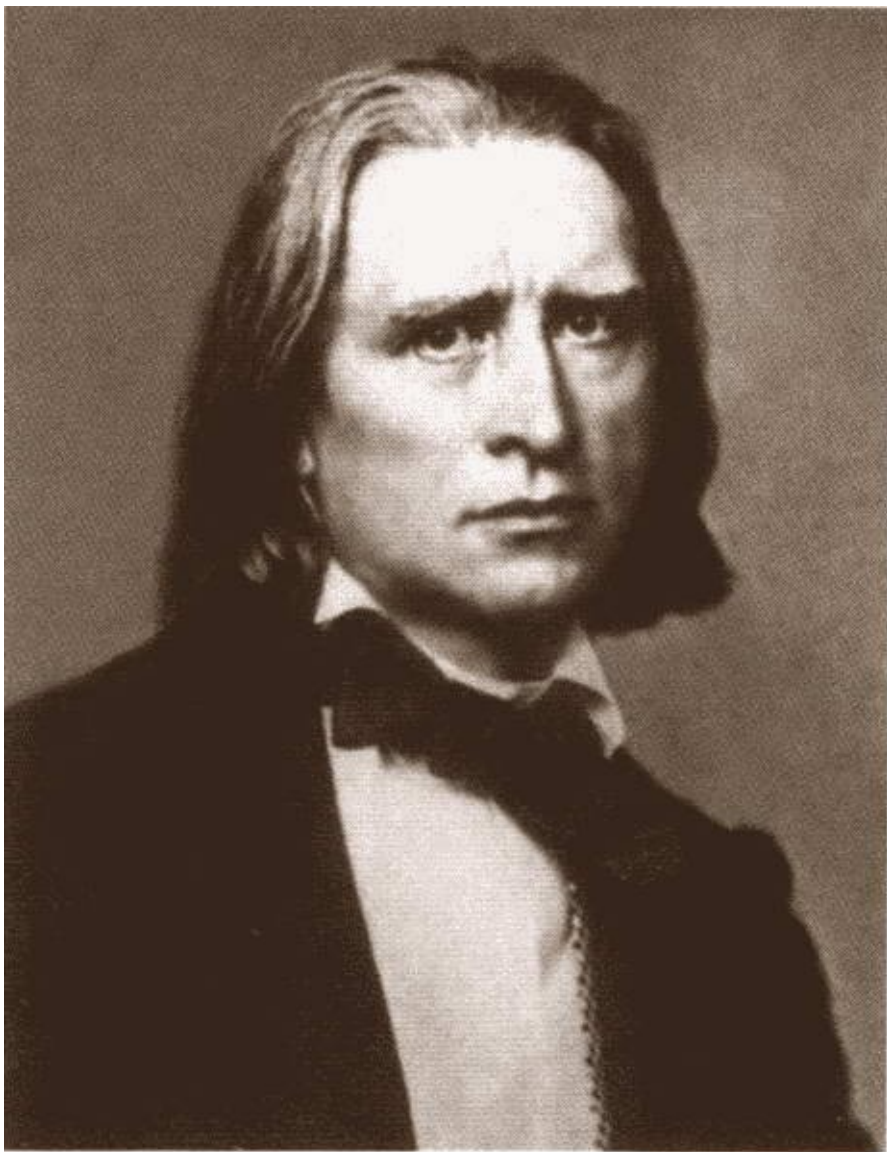
Бальзак. Шарж Оноре Домье

Оноре Домье

Жорж Санд

Ференц Лист

Эжен Сю

Александр Дюма-старший

Шарль Фюрн, издатель

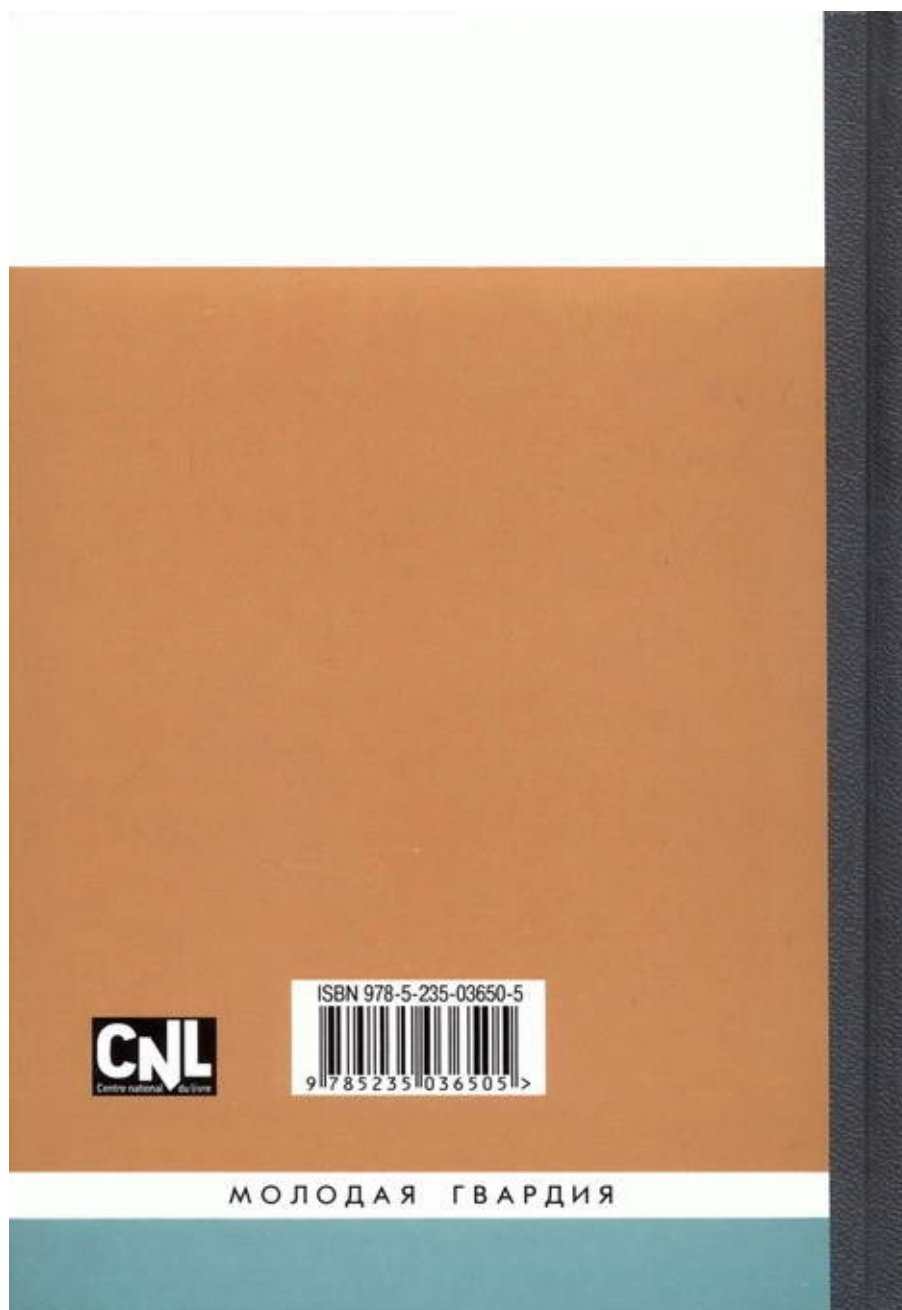
demandait tout d'abord comment elle pouvait allier tant de connaissances acquises à tant de fraîcheur et de jeunesse. Il était découvert alors un extrême désir de paraître chaste, dans l'extrême coquetterie que Marie cherchait à donner à ses attitudes; il la soupçonnait de feinte, se querella sur son plaisir, et ne voulut plus voir dans cette inconnue qu'une habile coquette; mais elle avait raison. Made-moiselle du Vernesail, comme toutes les filles du monde, devenait d'autant plus modeste qu'elle ressentait plus d'ardeur, prenait fort naturellement cette contenance de prude sous laquelle les femmes savent si bien voiler leurs excessifs desirs. Toutes voudraient offrir vierges à l'Amour; et, si elles ne le sont pas, leur dissimulation est toujours un hommage qu'elles rendent à leur amour. Ces réflexions passèrent rapidement dans l'esprit de mademoiselle, et lui firent plaisir. En effet, pour lous deux, cet examen devait être un progrès, et l'amant en vint bientôt à cette phase de la passion où un homme trouve dans les défauts de sa maîtresse des raisons pour l'aimer davantage. Mademoiselle du Vernesail resta plus longtemps pensive que ne le fit le marquis; peut-être son imagination lui faisait-elle franchir une plus grande étendue de l'avenir. Elle se représentait obéissant à quelque'un des mille sentiments qu'il devait éprouver dans sa vie d'homme, tandis que Marie apercevait toute une vie de bonheur et de nobles sentiments, elle se voyait l'heureuse en l'âme, elle se voyait tant de ses chimères que de la réalité, tant de l'avenir que du présent. Mais Marie essaya de revenir sur ses pas pour mieux établir son pouvoir sur le marquis. Elle signala cet instinctivement, comme agissent toutes les femmes. Après être convenue avec elle-même de ne donner tout entière, elle désirait, pour ainsi dire, se disputer ce détail. Elle aurait voulu pouvoir reprendre dans le passé toutes ses actions, ses paroles, ses regards pour les mettre en harmonie avec la dignité de la femme aimée. Aussi, ses yeux expriment-ils parfois une sorte de terreur, quand elle songeait à l'oublier qu'elle venait d'avoir et où elle s'était montrée si agressive. Mais elle se dit qu'en contemplant cette figure empreinte de force, d'un air si paisant, devait être généreux, et qu'elle s'applaudissait de rencontrer une part plus belle que celle de beaucoup d'autres femmes, en trouvant dans son amant un homme de caractère, un homme condamné à mort qui venait jouer lui-même sa tête et faire la guerre à la République. La pensée de pouvoir oc-

cuper sans partage l'âme de ce jeune homme, prêt bientôt à toutes les choses une physiologie différente. Entre le moment où, cinq heures auparavant, elle composa son visage et sa voix pour agacer Mayenne, et le moment actuel où elle pouvait le bouleverser d'un regard, il y avait la différence de l'enferme mort à un vivant univers. De bons rires, de joyeuses coquetteries cachèrent une immense passion qui se présentait comme le malheur, en souriant, dans les dispositions d'âme où se trouvait mademoiselle de Verneuil; la vie extérieure prit donc pour elle le caractère d'une fantasmagorie. La célèbre passa par des villages, par des vallons, par des montagnes dont aucune image ne s'imprima dans sa mémoire. Elle arriva dans Mayenne, les soldats de l'escorte changeant, Marie lui parla; elle répondit, traversa toute une ville, et se remit en route; mais les figures, les maisons, les rues, les paysages, les hommes furent emportés comme les formes indistinctes d'un rêve. La nuit vint. Marie voyagea sous un ciel de diamants, enveloppée d'une douce lumière, et sur la route de Fougères, sans qu'il lui vînt dans la pensée que le ciel eût changé d'aspect, sans savoir ce qu'était ni Mayenne ni Fougères, ni où elle allait. Qu'elle put quitter dans peu d'heures l'homme de son choix et par qui elle se croyait choisie, n'était pas, pour elle, une chose possible. L'amour est la seule passion qui ne souffre ni passé ni avenir. Si parfois sa pensée se trahissait par des paroles, elle faisait échapper des phrases presque dénuées de sens, mais qui résonnaient dans le cœur de son amant comme des promesses de plaisir. Aux yeux des deux témoins de cette passion naissante, elle prenait une marche effrayante. Françoise connaissait Marie aussi bien que l'étranger connaissait le mortel; et cette expérience du passé lui faisait attendre en silence quelque terrible dénouement. En effet, elle ne tardèrent pas à voir flûir ce drame que mademoiselle de Verneuil avait si tristement, sans le savoir peut-être, nommé une tragédie.

Quand les quatre voyageurs eurent fait environ une lieue hors de Mayenne, ils entendirent un homme à cheval qui se dirigeait vers eux avec une excessive rapidité; lorsqu'il atteignit la voiture, il se pencha pour y regarder mademoiselle de Vernesuil, qui reconnut Caracatin; ce sinistre personnage se permit de lui adresser un rigide d'intelligence dont la familiarité eut quelque chose de flétrissant pour elle, et il s'enfuit après l'avoir glacé par ce signe empreint de bassesse. L'émotion parut de glorieusement affectée de

Надгробный памятник Бальзаку на парижском кладбище Пер-Лашез

notes

Примечания

Имеется в виду государственный переворот 27—28 июля 1794 года (9—10 термидора II года по республиканскому календарю — отсюда его название «термидорианский переворот» или просто Термидор), в результате которого была свергнута якобинская диктатура, возглавлявшаяся Робеспьером, и положен конец Великой Французской революции. После переворота якобинский террор сменился контрреволюционным.

Бернар Палисси (1510—1590) — французский керамист, учёный, писатель. Как мастер керамики прославился изделиями из терракоты с рельефными, покрытыми многоцветой эмалью изображениями цветов, плодов, мелких животных. Его художественным приёмам подражали мастера XVII-XIX веков.

Жан Калас (1698—1762) — торговец из города Тулузы. Ложно обвинённый в убийстве своего сына, совершённом якобы с целью помешать отречению того от протестантизма, он был казнён. Три года спустя его, отчасти по настоянию Вольтера, посмертно реабилитировали.

Сделать это было, по-видимому, нетрудно, так как у французского короля Луи Филиппа (правил с 1830 по 1848 год) была голова характерной грушевидной формы — особенность, которую любили обыгрывать карикатуристы того времени.

По-французски это слово (*Piedefers*) значит «железная стопа».

Мадлен — название пещеры на юго-западе Франции (департамент Дордонь), в которой были найдены предметы, относящиеся к культуре позднего палеолита (15—8 тысячелетия до новой эры). В археологии эту культуру принято именовать мадленской.

Учредительное собрание — законодательный орган, созданный после свержения короля Луи Филиппа Орлеанского путём всеобщего голосования для выработки конституции. Действовал с 4 мая 1848-го по 27 мая 1849 года. Согласно принятой им конституции была учреждена Вторая республика, которая просуществовала до декабря 1852 года, когда её президент Луи Наполеон Бонапарт был провозглашён императором под именем Наполеона III.

Это был его последний крик, “Или, лама савахвани”... См.: Мф. 27:46: «А около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или, лама савахфани?» То есть: «Боже! Боже мой, для чего Ты меня оставил?» Слова на сирийском языке, произнесённые Спасителем на кресте и совершенно точно соответствующие еврейскому тексту псалма 21:1.